

ТАМАРА ШЕЛЕСТ

в соавторстве с Алимой Асановой

Душа моя – Крым!

Эта книга о потерянной родине. Посвящается всем народам, насильно изгнанным с родной земли.

Тамара Шелест

Душа моя – Крым

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68403926

SelfPub; 2023

Аннотация

«ДУША МОЯ – КРЫМ» – биографический роман, относящийся к эпическому жанру литературы. В его основу легла документальная история одной крымскотатарской семьи. События разворачиваются в 1915 году в горном селении Таракташ. В произведении прослеживается весь нелёгкий путь этих людей, некогда проживавших на исторической родине в Крыму. История их жизни тесно переплелась с историей Российской империи, а впоследствии Советского Союза, чьи колёса безжалостно прокатились по жизненному пути героев книги, оставив рубцы не только в их судьбе, но и в судьбе всего немногочисленного и многострадального народа. Имена главных героев книги подлинные.

Содержание

Пролог	10
Немое небо	13
1 глава	14
Эмине	14
2 глава	30
Асан	30
3 глава	43
Ветер перемен	43
4 глава	61
Новая жизнь	61
5 глава	76
Погасшее солнце	76
6 глава	85
Усеин	85
7 глава	123
Айше	123
8 глава	134
Война	134
Глава 9	146
В оккупации	146
10 глава	160
Освобождение	160
11 глава	162

Разорванный рассвет	162
Глава 12	178
В изгнании	178
13 глава	189
Победа!	189
Глава 14	193
В плену судьбы	193
15 глава	207
Сын	207
Глава 16	225
Восток	225
Глава 17	251
Аман	251
Глава 18	265
Город	265
Глава 19	275
Дети	275
Глава 20	284
Встречи с прошлым	284
Глава 21	292
Долгая дорога домой	292
Глава 22	298
Долгая дорога домой	298
Эпилог	317
Послесловие	322
Историческая справка	322

Тамара Шелест

Душа моя – Крым

Репрессивные акты против коренного народа Крыма – крымских татар и других народов СССР, подвергнувшихся насильственной депортации с родных земель, признаны незаконными и преступными

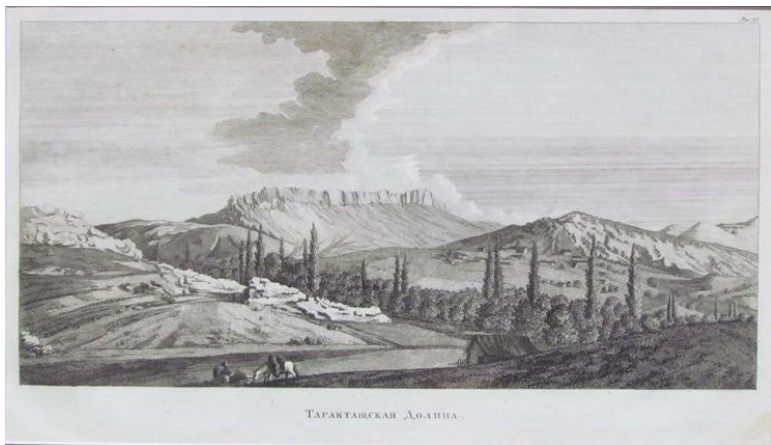
(Декларация Верховного Совета СССР
15 ноября 1989 года)

Старинная гравюра
«Крымские татары»

Эта книга о потерянной родине посвящается всем народам, изгнанным с родной земли. Она о дружбе, любви и понимании. Так коротка жизнь человека и так долгод путь народа, который из поколения в поколение передаёт свой груз побед и поражений.

История каждого из нас – это тернистый путь к свету и продолжению жизни на Земле!

Старинная гравюра «Таракташ в начале XX века»

Пролог

За многие тысячелетия представители разных народов, когда-либо населявших землю, пришли в Крым, нашли здесь пристанище и пустили корни. В результате многовекового тесного соседства друг с другом образовался сплав этносов, который стал называться – крымскотатарским народом, состоящим не менее, чем из трёх десятков этносов: ногайцев, татов, итальянцев, турок, армян, греков, русских, германцев, евреев, цыган, болгар, румын, венгров, шотландцев, осетин и многих-многих других.

Европейцы и азиаты – люди, являющиеся представителями разных национальностей, рас и вероисповеданий, проживающие на этой земле, стали разговаривать на одном, понятном всем, тюркском наречии, сформировавшем крымскотатарский язык. Со временем они приняли ислам, что окончательно объединило их в один уникальный, многоэтнический народ, где каждый этнос сохранил свою идентичность. Многие века они живут дружной семьёй: с одной религией и культурой, традициями и обычаями, как прообраз мира и дружбы народов земли. Может, поэтому им суждено было пройти через тяжкие испытания сквозь века и тысячелетия, чтобы этот сплав закалился для ещё большего единения...

Крым! Вся красота этой земли видна вокруг: деревья, кустарники, травы, даже гора, у подножия которой расположилось селение, где проживали наши герои, – говорит о благословенности жизни и благолепии здешней природы. Раскинулось селение в долине небольшой реки Суук-су на юго-восточном склоне крымских гор. Воздух здесь прозрачный и чистый: им даже дышать вкусно. Вода как целебный напиток: даёт силы и приумножает желания. Живописное озеро в предгорьях сверкает первозданной чистотой, манит окунуться и попробовать мягкость и прохладу воды.

Гора Таракташ стоит величественным исполином, прикрывающим это маленькое и беззащитное село от невидимого врага. Кусты и деревья напоминают всем, что теперь лето, они цветут и благоухают неземными ароматами.

Как прекрасен Крым и как обманчива тишина, которая то и дело прерывается кровопролитиями и стонами народов, населяющих его. Рай и ад, добро и зло, любовь и ненависть, кровь и слёзы – всё смешалось на небольшом клочке суши большого земного шара, превратившись в сгусток боли и отчаяния. Многострадальная земля приняла в себя много погибших тел и населила мир уже ушедшими, но неупокоенными душами, ибо не по своей воле покинули они эту обе-

тованную землю и прервали такую короткую жизнь...

Немое небо

Посвящается народам, изгнанным с родной земли

Взошёл рассвет под дулом автоматов,
Закрыли небо облака.
Пришла беда, разрушив то, что свято,
Но немые оставались небеса.

Молчало небо... Умирили дети.
И старики седые падали без сил.
Земля стонала под крики эти,
А мёртвые остались без могил.

Разорвана душа, и кровь, и слёзы
Лились рекой, нам устилая путь.
Мы, умирая, превращались в звёзды.
И не давало горе нам уснуть.

Осталась пустота, пронизанная болью.
Вдруг лёг в жару туман, отрезав путь домой.
Но помнит сердце, обливаясь кровью,
И плачет всё о родине святой

1 глава

Эмине

*Цветёт в долине виноград,
Кружится «Хайтарма».
Под звуки скрипки в райский сад
Пришла любви весна.*

Шёл 1915 год...

С самого утра светило щедрое солнце Крыма. Чёрное море уже в ранние часы тёплое, на дворе – июнь. Пахнет полынью и чабрецом. Небогатая растительность побережья не обедняет красоту Судака и его окрестностей: вот раскинулся кряжистый дуб, зреют дикие фисташки, повсюду видны кусты можжевельника. Ещё в XIX веке местные земли были распроданы здешним помещикам, которые стали хозяевами Судакской долины. Так появился посёлок Судак, ставший затем городом. Вся долина покрыта садами и виноградниками. Среди них виднеются многочисленные дома простых жителей и большие усадьбы богатых владельцев. Как в городе, так и в сельской местности жители занимаются выращиванием винограда, табаководством и садоводством. Но спо-

койная жизнь людей в этом благодатном крае закончилась с началом Первой мировой войны. Хотя фронт находился далеко, на побережье Крыма уже велись боевые действия. Турецкий флот обстреливал полуостров.

Чистый свежий воздух пахнул в лицо Эмине, когда она выглянула в окно. Девушка всегда вставала рано, чтобы прогуляться по саду. Но в этот день она проснулась раньше обычного: рассвет только занимался. Покинув свою комнату через окно на втором этаже, она прошла по карнизу к лестнице, приставленной к дому, спустилась по ней и побежала навстречу любимому. Влюблённые договорились встретиться тайком у старого раскидистого дуба.

Семья девушки живёт у подножья горы Таракташ в одноимённом горном селении, расположенном в благодатной долине Айвань, в пяти километрах от Судака. Долина утопает в зелени. Повсюду цветут сады, на улицах стоят высокие деревья: осины, клёны, дубы, пирамидальные сосны и кипарисы. Вдоль дороги тянутся плетёные заборы с разросшимися в них кустарниками шиповника, можжевельника и ежевики. При сильных порывах ветра со стороны моря сюда доносится его солёный запах. Раньше Таракташ состоял из двух сёл – Буюк мале и Кучук мале (Большой Таракташ и Малый Таракташ). Большой Таракташ спрятан в складке гор, и похож на кавказский аул. Двухэтажные дома его жителей построены над обрывами. Малый Таракташ, где живёт Эмине, рас-

положился вдоль дороги. Со временем оба Таракташа слились, но условное разделение на части так и осталось. Здесь всего несколько улочек, а жителей немногим более полутора тысяч человек с преобладанием крымскотатарского населения. Гордо возвышаясь над домами, стоит мечеть Аджи-Бей Джамии постройки XVIII века.

У девушки есть старшая сестра Мерьем. Три года назад она вышла замуж и покинула отчий дом. Мерьем слегка полноватая, красивая молодая женщина, спокойная и уравновешенная, обладающая мягкостью и добротой души. Но в её характере чувствуется сила воли и выдержанность. Сестёр связывают не только родственные узы, но и дружба. С детства они много читали, занимались рукоделием, образование получили дома.

Их отец Заир мужчина крутого нрава, решительный и непреклонный. На его широких плечах держится вся семья, состоящая из женщин. Он знает несколько языков, имеет большую библиотеку, коллекционирует редкие книги. Хотя Аллах и не дал ему сына, своими дочерьми он доволен.

Мама по имени Айрие принадлежит к именитому и богатому роду хана Гирея. Но, несмотря на своё знатное происхождение она тихая, скромная женщина – тень своего мужа. Маленький рост и красивые черты лица Айрие передала своим дочерям. Передвигается она бесшумно, и почти никогда не слышно её голоса. В её тёплом взгляде, обращённом на мужа, читаются привязанность к нему, обожание и ува-

жение.

Эмине же небольшого росточка, хрупкая и темноглазая девушка. Длинные тёмные волосы обрамляют её смуглое личико. Чёрные брови подчёркивают красоту, а над правой бровью сидит маленькая кокетливая родинка. Пухлые алые губы говорят о молодости и здоровье. Большие, широко распахнутые глаза сияют и открыты миру. Она легка и даже воздушна, и кажется, если подует ветер, то унесёт это очаровательное создание в своё заколдованное царство.

Её стройный стан облегает зелёное платье (антер) с белым передником. Красивые ожерелья висят на галунах шёлкового светло-зелёного кафтана, а поверх него надет расширенный золотом, обтягивающий грудь жилет. Талию обхватывает серебряный филигранный пояс. Волосы заплетены в косы и скреплены сач хасиде – серебряным амулетом. На голове золотая диадема с драгоценными камнями и феска – шапка с нашитыми на ней золотыми монетами. На ногах – красные сафьяновые туфли. Укрывает её прозрачная накидка, вышитая золотой нитью. Драгоценные украшения, надетые на запястья и шею, при движении нежно звенят, переливаясь разными звуками. Первые лучи солнца играют в золотых нитях накидки и запутываются в них.

По тому, как образ девушки гармонично сочетается с цветами, растущими вдоль дороги, и какими красками в них играют первые лучи солнца, природа принимает Эмине за один из этих красивых цветков. Она и есть нежный цветок, взле-

леянный родителями.

На ту пору ей исполнилось шестнадцать лет. Возраст не взрослой девушки, но уже и не ребёнка...

Эмине побежала к одиноко стоящему у подножья горы старому дубу, где её уже ждал Асан. Родители сосватали их ещё с детства. Они вместе росли, а когда повзрослели, полюбили друг друга. И как хорошо, что уже состоялось второе сватовство. Скоро их свадьба! При виде любимого глаза её засияли, а лицо озарилось счастливой улыбкой.

Её жених Асан – двадцатилетний парень хоть куда. Высокий, стройный, с огнём в глазах. Густые, вьющиеся и непослушные волосы говорят о его непокорности, жизнерадостности и уверенности в себе. Мускулистые плечи и руки придают мужественность горца. Расшитый лиловый кафтан подчёркивает подтянутую фигуру. Голову украшает зелёная тахияе – бархатная тибетейка. Этот умный и не по возрасту рассудительный молодой человек давно и навсегда покори́л сердце прекрасной юной девушки.

Влюблённые встретились и уже не могли оторвать глаз друг от друга.

– Эмине, родная! – воскликнул юноша. – Я не мог заснуть, всё ждал нашей встречи!

– Я тоже, Асан! Не хочу разлучаться ни на минуту.

Взявшись за руки, они поднимаются на гору Таракташ.

Окружающая красота окрыляет и наполняет восторженностью. На зелёной возвышенности их встречают многочисленные кустарники шиповника и маленькие деревья кизила. Отовсюду слышатся запахи трав: душицы, чабреца, зверобоя. Благоухание горных цветов: фиалок, незабудок, пионов, родиол окутывает их чарами любви. Природа покровительствует молодым, благословляя и соединяя их души.

Гора Таракташ похожа на крепость. Само слово Таракташ в переводе означает гора-гребень. Солнце и ветер так потрудились над ней, что формы действительно напоминают гребень бойцового петуха. В ней можно разглядеть башни и стены, напоминающие оборонительное укрепление. Многослойные породы лежат друг на друге, и от этого она местами похожа на слоеный пирог. Многочисленные извилистые тропы петляют по окрестным горам, окружающим селение.

Добравшись до скалистой части горы, они остановились, сверху любуясь родным краем.

– Эмине, послушай легенду, которую мне ещё бабушка рассказывала, – сказал Асан, решив удивить любимую увлекательным рассказом.

– Как интересно! Я очень люблю страшные истории.

– Да нет, она не страшная, она про любовь. В старые времена владела одной большой крепостью девушка, звали ее Айше. Она была гордая, её сердце не знало жалости и никогда никого не любило. И захотелось ей как-то стать мягкой, как все женщины. Но у неё ничего не получалось. Тогда лю-

ди посоветовали:

– Иди вниз к источнику. Там такая вода есть, что самый гневный человек мягким становится, если в той воде искупается.

Айше решила: "Пойду, выкупаюсь, попробую, как это жить, как женщина". И пошла. А напротив источника стояла другая крепость – Тепе-Кермен, и в ней жил юноша. Увидел он, что пришла к источнику прекрасная девушка, и спустился к ней вниз.

– Уходи, юноша, – сказала Айше, – эта вода моя.

– Что ты, девушка! Эта вода всегда была в моем распоряжении. Уходи ты.

– Как ты смеешь мне приказывать?! Разве ты не знаешь, что я Айше из Кыз-Кюлле? Мне никогда ещё никто не приказывал.

– Я тебе не приказываю, я тебя прошу – уходи, потому что вода эта моя.

– Ну, скажи это ещё раз, и я посмотрю, как ты сгоришь на глазах моих!

– Попробую и скажу.

И хотя она гневно посмотрела на юношу, тот не дрогнул. Он только поймал взгляд её чёрных глаз. И в первый раз влюбился.

– Слушай, девушка, – сказал он, – иди ко мне в крепость. Я сделаю тебя своей женой.

Айше отказалась и гордо отошла от источника. Дома она

рассердилась, позвала слуг и сказала:

– Идите и скажите ему, пусть поклонится мне, и тогда я его возьму в мужья. Ступайте!

Они пришли и сказали юноше:

– Господин, наша повелительница велела передать, что берёт тебя в мужья. Иди к ней в крепость.

– Берёт, говорите вы? – засмеялся юноша. – А я не лошадь. Пускай сама ко мне придёт, если хочет.

– Ах, так! – узнав об этом, произнесла в бешенстве Айше.

Она решила пойти к крепости и поставить юношу на место. Юноша встретил её в воротах.

– Пришла? – спросил он.

– Пришла, – ответила угрюмо Айше.

– Значит, любишь?

– Люблю, – сказала она.

А потом подняла руку и... в самое сердце ударила юношу кинжалом!

– Люблю! – повторила она.

– Вот и всё! – закончил легенду Асан.

– Какая грустная история! И даже страшная, а ты говорил, что нет! – воскликнула Эмине. – Это что же за любовь такая? Значит, не смог юноша смягчить её злое сердце или оно из камня? Ну, ладно, не будем о грустном, нам же так хорошо.

– Ну что же, не будем, – согласился Асан.

Они стали говорить о будущем. Уже известно, что Асан

будет заниматься виноградарством, ведь он – сын владельца плантаций виноградников, помещика Бекира, строгого, но доброго человека.

Внешне Бекир высокий и крепкий мужчина, слегка сутулый, смуглый, с чёрными вьющимися волосами и тонкими губами. Он упрям, скрытен, умён, обладает проницательным взглядом и хорошей интуицией. Немногословен, но его редко звучащие слова, всегда воспринимаются домочадцами как приказ или призыв к беспрекословному повиновению. По мере возмужания сыновей Бекир постепенно передал бразды правления помещьем младшему сыну Асану, которого с детства готовил к виноградарскому делу.

Мать Асана, Гутьсум, – стройная женщина среднего роста с гордой осанкой, энергичная, с красивыми и правильными чертами лица. Она понимает толк в делах мужа. Бекир иногда прислушивается к ней, к её советам. Они никогда не расстаются, и кажется, что их любовь ещё с юности так и осталась с ними навсегда. Когда-то давно Гутьсум с Бекиром решили пожениться вопреки воле родителей. Тогда Бекир выкрал её, и родителям ничего не оставалось, как согласиться с выбором сына.

У Асана есть два брата и младшая сестра. Братья служат в конном Крымском полку с самого начала войны, с 1914 года.

Выращивать виноград и производить из него вино – это дело всей семьи Бекира. Владельцы виноградников – очень состоятельные люди. Они имеют большие земельные

владения, прислугу и наёмных работников. Золото определяет уровень их состояния. Помещики коллекционируют золотые украшения, скупают самородки и драгоценности. В их домах много домашней утвари из чистого золота.

Асан и Эминэ равные по положению в обществе. Не зря их отцы, вместе решавшие проблемы виноградарства, ещё при рождении Эминэ договорились сосватать своих детей. И вот пришло время, когда дети повзрослели и скоро будут вместе. У них нет преград, все пути для них открыты.

Спустившись с горы, Эминэ и Асан опять оказались у старого дуба. Влюблённые начали говорить о свадьбе, перечислять приглашённых гостей.

– Как жаль, – сказала Эминэ, – что мой дядя Селим не сможет приехать на свадьбу. Я так хотела его увидеть. Мне много про него рассказывал отец. Много лет назад наши предки эмигрировали в Турцию, потому что здесь, в Крыму, власти забрали у них землю. А потом и дядя Селим уехал к ним. А его брат, мой отец, остался здесь.

Тяжёлое было время, да и когда оно было лёгким? Сейчас вот война вроде не рядом, но тревожное чувство не покидает меня, – тяжело вздохнула Эминэ.

– Вот и моих братьев не будет на свадьбе, они сражаются на фронте, – вздохнул Асан.

Они на миг замолчали, задумавшись каждый о своём.

– Ещё надо позвать наших друзей Ганса и Эльзу, – предложил Асан. – Завтра отец едет в Новый свет, потом в Ро-

зенталь к Вернеру отцу Ганса и Эльзы по делам и заодно хочет пригласить их на свадьбу. А я навещу в Ай-Серезе и Капсихоре Маттео и Лукаса. Приглашу их тоже.

Новый свет – посёлок, расположенный среди гор на побережье Чёрного моря. Все его жители занимаются виноделием. Рядом с Новым светом ещё с начала XIX века поселились немцы.

За небольшой горной возвышенностью от Таракташа виден посёлок Ай-Серез, где проживают итальянцы. Неподальёку расположились поселения с греками, армянами, болгарями и евреями. Все эти потомки

индоевропейцев, византийцев, индоиранцев, половцев, готов, греческих и гуннских колонистов со временем стали называться крымскими татарами, сохранившими при

этом имена и фамилии своих этнических предков. Близость горных селений позволяла их жителям по-соседски общаться друг с другом. Несмотря на разную этническую принадлежность, между соседями крепла дружба, заключались смешанные браки.

– Обязательно всех пригласи! Асан, а почему ты такой колючий куст роз посадил мне под окном? – перевела разговор на другую тему Эмине. – Я хотела его обнять, чтобы вдохнуть запах, но вся исцарапалась. Значит, ты такой колючий? – спросила она, взглянув на любимого с озорной улыбкой.

По традиции жених должен был посадить куст розы под окном невесты в знак любви к ней.

– По тому, как цветёт этот куст, видна моя любовь к тебе.

– Да, Асан! Запах роз такой крепкий, что весь дом благоухает. Настолько крепки и наши чувства.

– Так и есть, Эмине. Нас никому не разлучить.

Незаметно пришло время расставания.

– Мне пора возвращаться, – сказала девушка. – Скоро день моего прощания с родственниками.

– Жду не дождусь этого дня. Я пришлю за тобой красивый фаэтон.

– До встречи, Асан.

– До встречи Эмине. Скоро мы будем вместе навсегда!

Они нехотя разомкнули свои руки, и девушка побежала домой. Забравшись по приставной лестнице на второй этаж, прошмыгнула в свою спальню.

– Эмине, – позвала дочку мать, – хватит уже спать. У нас много дел.

– Хорошо, мама, я сейчас, – отозвалась Эмине, довольная, что её не хватились раньше.

Молодых ждали предсвадебные церемонии. Традиции, заложенные веками, требовали строгого соблюдения всех сложных ритуалов и условностей. Яркие, красочные предсвадебные и свадебные обряды крымских татар превращались в длительный и весёлый праздник. Следуя обычаям, молодые получили у ушедших в мир иной благословление и поддержку через жертвоприношение и дуа (молебен) по умершим.

За день до прощального вечера Эмине покрасили хной кончики пальцев рук, ног и волосы. Остатки хны нанесли на пальцы всем присутствующим девушкам с пожеланиями скорейшего замужества.

Сам обряд венчания состоялся в доме невесты. После омовения и переодевания голову Эмине накрыли платком, завели в комнату, где сидели подружки, свидетели и представители жениха. Мулла обратился к невесте со словами: «Именем Аллаха, словами пророка, согласна ли ты стать вечной подругой жизни Асана?» Вопрос муллы повторил три раза. Сначала Эмине молчала, но, когда вопрос прозвучал в

третий раз, начала громко плакать: так по обычаю она выражала своё согласие. Затем мулла обратился с тем же вопросом к стороне жениха. Получив утвердительный ответ, он спросил у присутствующих: «Вы слышали? Так будьте же свидетелями».

Эмине попрощалась с матерью, которая со слезами благоговела её. После ухода матери пришёл отец Заир. Он надел на дочь золотой пояс. Эмине простилась и с ним, попросив у него прощения.

Затем в комнату зашли её самые близкие родственники.

Перед выходом из дома она поцеловала руки родителям и старшим родственникам. В момент расставания все громко плакали. Сестра и тётя вывели Эмине из дома и усадили в присланный Асаном фаэтон, празднично украшенный и запряжённый статными породистыми конями – учан-ёьрга (летающие иноходцы). За фаэтоном двинулись подводы с родными и приданым. По дороге свадьба не раз останавливалась. Юноши и молодые мужчины соревновались в джигитовке, танцевали, и окрестности наполнялись мелодичной и зажигательной музыкой, передавая праздничное настроение всему селению.

Наконец процессия подъехала к дому жениха. У самых ворот их встретили музыканты. Друзья исполнили народный танец «Хайтарма», символизирующий бесконечность жизни. Этот танец излучал энергию, изящество и красоту движений молодых людей – мужественность парней и женствен-

ность девушек.

Сестра и подруга Эмине провели невесту в дом Асана. У дверей её встретили родители жениха. Предсвадебные церемонии закончились, началась торжественная часть свадьбы.

Гостей посадили за богато накрытые столы – софры, на которые были поданы чибореки (чебуреки), долма (маленькие голубцы в виноградных листьях), бибер долма (фаршированный перец), юфак аш (мелкие пельмени), шашлыки, сарма (слоёные рулеты), кубете (мясные пироги), крымско-татарская пахлава и ещё множество самых разных яств.

После приезда невесты двое приближенных жениха начали приготовление Асана к бритью головы.

**Этот обряд у крымских татар означает прощание с холостяцкой жизнью. Обряд сопровождается музыкой и танцами друзей.*

После бритья к Асану пришёл отец. Он надел сыну на голову шапку и благословил его. В приготовленной для жениха и его друзей комнате накрыли стол. После угощения друзья Асана спели ему песню: «Выходи, жених». И он с друзьями удалился со свадьбы на холостяцкую пирушку.

С заходом солнца подруги украсили приданым комнату Эмине. Невесте и её близким подали ужин. После ужина, совершив омовение, она прочитала молитвы. В специально подготовленной комнате её усадили за занавес, где с замиранием сердца девушка стала ожидать долгожданной встречи с любимым.

После застолья, разговоров, песен, музыки и танцев гости разошлись по домам. Но к двенадцати ночи дом снова наполнился музыкой и песнями: жениха привели к невесте. У дверей дома жениха и его друзей встретила Мерьем, сестра Эмине. Она раздала всем сопровождающим его по полотенцу. В комнату невесты жениха проводил его дядя. Там они произнесли молитвы, и дядя оставил Асана со своей суженой...

Утром молодых разбудили музыканты. Невеста с женихом совершили омовение. Затем Асан ушёл к молодежи. А к невесте пришли свахи и переодели её в другое платье. Эмине стала ждать прихода родственников мужа. После смотрин молодой родные Асана одарили её подарками.

Свадебное торжество продолжилось и длилось семь дней. Нанятые музыканты веселили гостей. Завораживающая музыка скрипки лилась под аккомпанемент дудки (*хавал*). Ей подпевали зурна (*духовой музыкальный инструмент*), саз (*струнный щипковый инструмент*), кеманче (*смычковый инструмент*) исантр (*похож на цимбалы*). Плясовые зажигательные танцы исполнялись под звучание даре (бубен) и давула (большой барабан).

А Эмине предстоял сорокодневный послесвадебный период, когда молодой жене нельзя видеться со своими родными и выходить из дома мужа.

Так поженились Асан и Эмине. Наконец они вместе! И впереди их ждала счастливая семейная жизнь.

2 глава

Асан

*Как дорог сердцу край родной,
Где всё поёт мне о любви!
Зелёные поля и горы,
Цвет моря сине-голубой.
И нет прекраснее моей земли!*

Пришла весна 1916 года...

Эмине проснулась утром, когда мужа уже не было дома. Сегодня он уехал в Судак, в пароходство, отправлять очередную партию вина. Вот уже скоро год, как она замужем и сейчас ждёт ребёнка.

Семье принадлежит богатое поместье. Большие земельные владения их виноградных плантаций занимают часть долины Айвань и простираются вдоль дороги от Судака до Федосии. Наёмные работники и крестьяне выращивают виноград и ухаживают за плантациями. По осени к ним прибывают временные наёмные рабочие из близлежащих к Крыму российских губерний на уборку и переработку винограда.

да. Уборка урожая заканчивается в конце октября, и рабочие возвращаются к себе домой. А местные крестьяне закапывают к зиме виноградники, чтобы они не замёрзли. Вино созревает в погребах и содержится в огромных, с человеческий рост, чанах. Чаны изготавливаются по специальному заказу бондарями. Из Болгарии по морю в таких чанах семья Бекира получает брынзу в обмен на отправленное туда вино. Иногда вино отправляют по ночам контрабандой, чтобы избежать уплаты налогов. И также ночью им привозят брынзу. В погребах, где бродит вино, Асан с отцом следят за тем, как оно созревает. Сорта вин зависят от сортов винограда: шардонэ, рислинг, вионье, изабелла, конкорд, мускат. Из них изготавливаются вина марок алиготэ, каберне, херес, мадера...

Белокаменный двухэтажный помещичий дом окружён большим двором и обнесён высоким каменным забором. В центре двора журчит фонтан. За домом раскинулся большой фруктовый сад. Посреди цветущих деревьев и цветов стоит увитая плющом беседка. В углу сада высится купольное сооружение – амам (баня), внутри выложенное мрамором и отделанное мозаикой. На белых мраморных скамьях-лежаках стоят золотые тазы. У стен – два умывальника с золотыми кранами. В центре бани – маленький фонтанчик. От него веером расходятся три комнаты: для переодевания, с ванной и самой жаркой комнатой для прогревания тела.

В денниках конюшни, переминаясь с ноги на ногу, цокают копытами орловские рысаки, арабские скакуны, рабочие тя-

желовозы и ослы. Слышится ржание, пофыркивание коней и неистовый, протяжный рёв ослов. Их рёв похожий на икание постепенно набирает громкость и отдаётся эхом далеко за пределами селения, а потом, с нотками страдания и плача, также постепенно замолкает. Им вторят их сородичи с соседних дворов, частенько прерывая тишину селения своим надрывным зовом. Около конюшни под навесом всегда наготове стоит арба (повозка на двух колёсах) и коляска с крытым верхом. Домашний скот содержится в хлеву. Ближе к воротам как продолжение забора стоит большой белый магазин, где нанятый семьёй продавец торгует вином, табаком, виноградом и брынзой. Над магазином вывеска с именем «БЕКИР». Прислуга содержит дом в чистоте и порядке. Во дворе работают конюх, кучер, садовник и скотник.

Просторный, светлый дом оформлен с любовью и вкусом. На первом этаже уютная гостиная, на втором – спальни. В спальнях и в гостиной вдоль стен стоят сеты (длинные диванчики) с миндерами (толстые матрацы), которые покрыты дорогими ткаными коврами и бархатными покрывалами. У стен к сетам приставлены ястыки (подушки). Интерьер дома содержит в себе сочетание восточного и европейского стиля и украшен огромной люстрой итальянских мастеров. На стенах вертикальные резные полки с книгами и дорогой посудой из золота, серебра и китайского фарфора. Кроме диванчиков и софры (круглый, низкий столик) в доме имеется резная конторка, инкрустированная драгоценными кам-

нями, и комод в стиле рококо, украшенный перламутром и позолотой. На полу расстелены турецкие ковры и дорожки. На стенах живописные полотна известных художников, приобретённые на аукционах. На окнах расшитые белые занавески. В углу гостиной обязательный атрибут каждой крымскотатарской семьи – ткацкий станок и прялка. У стены ближе к окну блестит и сверкает от света люстры большое венецианское зеркало в золотой раме. Дом отапливается камином, покрытым голландским кафелем.

Второй этаж разделён деревянной перегородкой на мужскую и женскую половины. Спальни отделены друг от друга красными тяжёлыми бархатными шторами. На женской половине стоят огромные сундуки, обитые медью и золотом, украшенные народным орнаментом. В них хранятся вещи, постельные принадлежности, золотые, серебряные и другие женские украшения с драгоценными камнями. На стенах и над каждым порогом висят вставленные в рамку, вышитые золотой нитью высказывания из Корана. Молельная комната для совершения намаза здесь же на втором этаже. На расстелённом красном ковре в углу этой комнаты лежат свёрнутые молельные коврики. А в центре на самом почётном месте на высокой деревянной подставке возвышается Коран. Во время намаза Бекир становится имамом. За ним на колени встают сыновья, за сыновьями женщины: жена, невестка, дочь.

На рассвете дом освещается ярким солнцем. После утрен-

него намаза за завтраком собирается вся семья. В гостиной накрыта софра (стол) к завтраку. Вокруг неё разложены бархатные миндеры. По всему дому разносится запах сваренного къаве (кофе), разлитого в небольшие стаканчики в серебряных подстаканниках. Перед каждой трапезой и после неё все присутствующие произносят молитву благодарения Аллаху за пищу. Всевышний никогда не оставляет молитвы верующих без своего внимания и наполняет раскрытые перед ним ладони милостью и благом. Завершая молитву, все молящиеся проводят по лицу ладонями, принявшими милость Аллаха,

и произносят: «Аминь!»

За семейным столом обычно делятся последними новостями, решают дела. С первого дня войны из крымских газет с рубрикой «Война» домочадцы узнали об отправке на фронт крымского конного полка, в который добровольцами ушли служить братья Асана, там же они прочитали о первых панихидах. За чаем или кофе мужчины обсуждали: надолго ли затянется война и сколько жертв она принесёт, обговаривали проблемы и причины разорения виноделов и виноторговцев, сетовали о пустующих прибрежных городах-курортах из-за ведения там боевых действий.

Обычно после завтрака Асан выезжает на своём скакуне к виноградникам, проверить работу на плантациях. В детстве он сопровождал отца, а теперь самостоятельно объезжа-

ет владения. Молодой человек любит это делать рано поутру, особенно весной, когда лёгкая дымка уходящей ночи ещё висит в воздухе, когда первые лучи солнца только выглядывают из-за края земли. Луна прощается с землёй и призрачно виднеется у самого горизонта. Птицы в такой час заводят свои трели. Свежий воздух насыщает лёгкие, а душа наполняется радостью. Почти прозрачные тени от редких облаков плывут по предгорьям, полям и садам. И если тучка задерживается над какой-нибудь вершиной горы, то вершина становится тёмной и мрачной. Запах трав и цветов у дороги кружит голову, а весенняя листва окрашенная в нежно-зелёный цвет радует глаза...

Асан получил образование в мусульманской школе (мектебе), а русской грамоте и другим языкам обучался у гувернёров. Он – начитанный, грамотный молодой человек и ему нетрудно справляться со своими обязанностями. Дела в семье шли неплохо по сравнению с другими виноградарями, проживающими на побережье. Но всё равно было беспокойно: работники всё чаще увольнялись. Одни уезжали из Крыма, других забирали на военную службу. Призванные на войну жители селения нередко возвращались с фронта ранеными, а кое-кто из их родных получали извещение о смерти отца, брата или сына. Из-за военного положения уменьшился объём продаж вина, и площади под виноградники приходилось сокращать.

Зазвонил телефон. Эмине подбежала к нему и, взяв тяжёлую рукоятку индуктора, услышала голос оператора, сообщającego о соединении. По телефону Асан предупреждал жену, что скоро вернётся. Ему пришлось немного задержаться в Судаке в ожидании таможенного досмотра. Молодому хозяину приходилось, кроме виноделия и виноградарства, заниматься погрузкой и отправкой вина в другие страны.

«Хорошо, – подумала Эмине, – подожду его в саду». Она вышла в сад, там всё цвело и играло красками. Яблоня и вишня покрылись бело-розовыми цветами, украсились зелёной листвой кустарники инжира и деревья граната. На акациях благоухали, раскрывшиеся гроздья белых соцветий. Природа готовилась к новому урожаю, в саду царило её оживление. Продавец завёл патефон, и музыка зазвучала на весь двор. Эмине села на любимые качели и, читая книгу, стала ожидать мужа. Окунувшись в чтение, она не услышала звук подкатившей к воротам коляски и храп лошадей. И только радостные крики родителей Асана заставили её оторваться от книги.

– Оглым (сынок) вернулся! – раскинув объятия, бежала к воротам мать. Вслед за ней спешил отец. Вприпрыжку навстречу брату бежала маленькая Медине.

Эмине вышла на крики свекрови и увидела Ахтема – брата мужа. Он стоял в красивой военной форме, с перевязанной рукой, лежавшей на повязке, подвешенной за шею.

Ахтем обладал взрывным и непримиримым характером. Выдающийся нос с горбинкой, с раздувающимися ноздрями, говорил о его дерзости, решительности и беспощадности. Он редко улыбался, был склонен к авантюрам и поэтому непоседлив. Служба в полку позволяла ему проявлять качества бойца: отвагу и бесстрашие.

Ахтем обнял мать, и слёзы радости наполнили их глаза.

– Как ты, дорогой, что с рукой? – с волнением спросила мать.

– Да пустяки, зацепило немного. Вот подлечусь и опять на фронт, – ответил Ахтем.

– Как Осман? – спросила она о старшем сыне.

– Всё хорошо, мама. Брат жив, здоров.

Эмине считала братьев Асана героями и не сомневалась в этом. И вот Ахтем вернулся. Вернулся с медалью на груди. Отец крепко обнял сына, и скупая мужская слеза предательски блеснула в его глазах. Взглянув на мундир и награду на груди, он одобрительно похлопал сына по плечу. Ахтем поцеловал сестрёнку, поздоровался с невесткой Эмине, и они вместе вошли в дом, который сразу же озарился радостью и счастьем.

Вскоре из Судака вернулся Асан. После семейного обеда Ахтем рассказал отцу и брату о ранении:

– Недалеко от меня взорвался снаряд, выпущенный из гаубицы, – сказал Ахтем, – и мой конь, от страха встав на дыбы, скинул меня, да ещё копытом задел руку. Идёт страшная,

кровавая война, – с болью в голосе начал рассказ о фронтовых буднях Ахтем, – раненые стонут, кричат, просят помощи. Да куда там, надо мчаться вперед, пока бой не закончится. Сестрички и санитары выносят их потом с поля боя. Раненых отправляют в лазарет, а кого-то и дальше санитарным поездом в Петроград. После боя поле сражения покрывается телами убитых, на копыта лошадей наматываются их кишки, приходится потом счищать их со своего коня, да и с сапог тоже. В воздухе стоит запах крови, смерти и пороха.

Положение на фронтах тяжёлое, солдаты не хотят воевать, многие дезертируют. Германцы травят нас ядовитыми газами. Появились агитаторы, социал-демократы, призывают перестать воевать и поднять оружие против царя. Но мы их не слушаем. Наш полк сражается достойно и не раз был поощрён Главным штабом фронта. Кони боевые, крепкие, несут в атаку, не боятся штыков и пуль, вот только к взрывам не привыкнут. Ну, а как тут дела? – прервал рассказ о войне Ахтем. – Слышал, многие разорены?

– Мы справляемся, – ответил Асан, – площади под виноградники уменьшились, уже не до прибыли, на семью и на оплату работников хватило бы. Люди уезжают из Крыма, война близко, беспокойно. В деревню возвращаются раненые в боях земляки. Погиб наш сосед Лятиф. Помнишь наши скачки? Он всегда был первым.

– Помню! Очень жаль. Лятиф был хороший наездник, лихой! Но сейчас я бы его обогнал.

Они ненадолго замолчали, вспомнив соседа.

– Говорят, что отравленных газами фронтовиков в Гурзуф и Судак привозят? – спросил Ахтем.

– Да, везут сюда, в Крым, в санатории на лечение.

– Самое главное забыл! – вспомнил Ахтем. – Поздравляю со свадьбой, брат! Как жаль, что нас не было.

– Спасибо! Да, жаль. А как там наш Осман, у него всё в порядке?

– У Османа всё нормально. Передаёт вам свои пожелания здоровья, счастья! Он молится за вас.

– Спасибо, Ахтем! И ему здоровья и наши молитвы! – поблагодарил Асан.

– Повоевали мы, братишка, в Восточной Пруссии, Варшаве, на Карпатах, форсировали Днестр. Такое прошли – тяжело вспоминать, не то что рассказывать, – с печалью и усталостью в голосе сказал Ахтем.

Они засиделись допоздна. Весенний вечер не торопясь опустился на селение, словно накрыл его тёплым, чёрным бархатом. Ветерок прошумел над ним мягким и тихим шорохом. Светили звёзды, лаяли собаки. Где-то жалобно пела скрипка, и от её звуков щемило сердце. Пахло душистым экмек (хлебом), тянуло дымком от затопленного амама (бани). Воздух родины так приятен, что не хотелось уже говорить о том, что происходит в мире, что идёт война, идёт по крови и костям, унося мирное и спокойное время. Где-то там,

ещё пока далеко, слышна орудийная стрельба, разрывы ручных гранат, ружейные выстрелы. На поле боя гремят взрывы, стоит пороховой дым, слышится ржание и храп лошадей, а по дорогам уныло бредут повозки с беженцами...

«Эта ужасная война! Она не здесь, не рядом», – слушая разговоры мужчин, успокаивала себя Эмине.

Залечив раны, Ахтем вернулся на фронт...

С началом войны в стране начались реквизиции. Так, принудительно, у населения приобретались необходимые Армии средства. В случае сопротивления применяли силу. С реквизицией приходили и к семье Бекира. Асан отдал на нужды фронта тёплую одежду, продукты, мыло, за что семья получила деньги по установленным государством расценкам.

Осенью пришла весточка от братьев-фронтовиков. Их полк участвовал в Брусиловском прорыве. У деревни Липница-Дольная эскадрон полка захватил немецкую гаубичную батарею и был отмечен в сообщении Штаба Верховного Главнокомандующего.

Наступила зима 1916 года. Подошёл день родов Эмине. При родах присутствовала сестра, мама Айрие и повитуха. Наконец появился малыш – мальчик! Эминэ, увидев ребёнка, расплакалась. Какое крошечное существо! И оно принадлежит ей. Она – мама! Ребёнка сразу искупали в солёной во-

де и дали матери покормить. От прикосновения его маленьких, но цепких губ по Эминэ прокатилась волна счастья. Во время купания и кормления над молодой мамой и ребёнком Айрие прочитала молитву. Сестра Мерьем сообщила Асану новость о рождении сына.

– Асан, хвала Аллаху, у тебя родился сын!

Асан был счастлив. За такую новость он одарил Мерьем подарками.

На третий день после рождения малыша пришёл мулла и совершил обряд наречения новорожденного. Он прочитал молитвы над ухом младенца и сказал три раза: «Маму твою зовут Эмине, а твое имя – Усеин».

После сорока дней, в которые Эмине с сыном нельзя было выходить на улицу, семья устроила праздник в честь рождения наследника. Родители Эмине принесли подарки дочери и внуку. Асан подарил жене бешик (колыбель) для сына, который сделал своими руками.

Тем временем, жизнь в Судакe и горных селениях Крыма стала очень тяжелой. Не хватало хлеба, перестали завозить картофель. Быстро росли цены. Картофель и пшеницу в горной местности не выращивали, поэтому обеспечение продовольствием всецело зависело от поставок из Украины и российских губерний, где затянувшаяся война мешала крестьянству засеять поля и выращивать урожай.

Уже совсем скоро по всей стране пронесётся роковой и зловещий ветер перемен. Ветер, который так любит история, но который невыносим для людей. Он сметёт всё на своём пути: нажитое, устоявшееся, привычное, забирая с собой родных и близких. Будут рушиться судьбы, литься кровь. Изменится и сама история, которая сделает свой очередной виток по спирали, перемалывая всех и вся, как в мясорубке...

3 глава

Ветер перемен

Вздымается земля

Под громкий плач ветров

Сметает ураган

Наследие веков.

26 февраля 1917 года в Петрограде произошла февральская революция. А в марте пришли ещё более тревожные новости: царь отрёкся от престола. В стране воцарилось двоевластие Советов и Временного правительства. Губернатор Таврической губернии передал свою власть комиссару Временного правительства. Администрации всех городов и руководители учреждений принесли присягу новой власти.

После смены правительства в Феодосии собрались все представители класса имущих крымских татар, чтобы решить вопрос: как им жить дальше, в условиях свержения самодержавия? В зале, где проводилось собрание, шёл жаркий спор.

– Надо собрать съезд мусульман, хватит быть в подчинении у христиан, – сказал Абдулла – один из самых активных защитников интересов ислама и крымских татар.

– Созрела необходимость собрать Курултай (съезд), объединиться и выбрать своё правительство, – подхватил предложение владелец табачной фабрики Мевлюд.

Люди зашумели, разговоры не утихали, только разгорались. Волнение и беспокойство витало в воздухе.

– Надо выждать, посмотреть, как всё повернётся, – возразил помещик, виноградарь Сервер.

Люди ещё больше зашумели. Общество разбилось на два лагеря: одни были рады появившейся возможности обрести независимость, другие опасались действий нового правительства.

– Надо подождать, господа, ещё не закончена война, наши земляки не вернулись с фронта, – предложил владелец винзавода Мухтар.

Асан возвращался домой с ощущением надвигающейся беды. Ведь он не хотел участвовать в политике, он хотел лишь работать на земле, выращивать виноград, но догадывался, что в стороне от происходящего ему не остаться. С такими мыслями он перешагнул порог дома.

– Как дела, сынок, какие новости привёз? – обеспокоено спросила сына Гульсум.

– Всё нормально, не беспокойтесь, ана (мама), разберутся без нас, не дадут разрушиться стране и порядку, – успокоил её Асан.

Он поднялся наверх. Зашёл на женскую половину дома к

жене и ребёнку. Эмине укладывала Усеина спать. Глядя на них, Асан успокаивался и гнал плохие мысли. Они вместе переживут всё.

Во власти творился хаос. Временному правительству не удавалось взять под свой контроль политическую ситуацию в стране. Большевики создали Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов. На фронте формировались солдатские комитеты. В Симферополе в условиях отсутствия единой власти для предотвращения беспорядков и соблюдения законности в Крыму общим собранием мусульман, образован Временный мусульманский (крымско-татарский) исполнительный комитет. В начале июля 1917 года крымско-татарские военнослужащие, направленные на Румынский фронт, отказались служить Временному правительству и разошлись по домам. Крымский мусульманский комитет сформировал из них крымскотатарские подразделения для охраны порядка в Крыму. По городам разгуливали шпана, создавались банды, грабившие население. Они совершали налёты там, где можно было пожить за чужой счёт: на рестораны, дома, экипажи состоятельных господ, поместья. В разгул пустились распоясавшиеся матросы и солдаты. Они хамили господам, приставали к дамам.

На своих боевых конях крымскотатарские отряды патрулировали города Крыма, охраняя покой граждан. Труды конных отрядов давали свои результаты, и на полуострове со-

хранялся относительный порядок в сравнении с другими городами России. Но в деревнях и горных селениях всё же появлялись налётчики – мародёрствующие матросы. Врываясь в дома помещиков, они забирали всё, что могли унести.

Однажды ночью, когда семья Асана спала, зашлись громким лаем собаки во дворе. Охраняющий владения Бекира работник Мемет с криками: «Вставайте, грабят!» – бежал к дому. Но пуля бандитов догнала его, и он рухнул замертво у порога. Вслед за этим выстрелом последовал второй. Грабители пристрелили одну из собак. Она взвизгнула от боли и упала около Мемета. Остальные собаки, поджав хвосты, попрятались по двору. Нападавшие выбили двери в дом и с возгласами: «Грабь награбленное!» рассыпались по первому этажу. У Асана был наготове наган, отцу он передал охотничье ружьё и с лестницы второго этажа они начали стрелять в ворвавшихся мародёров. Раненные бандиты отстреливались, их пули попали в люстру. Погас свет. Пометавшись в темноте, не зная, сколько людей в доме, кто и откуда стреляет, они решили ретироваться и выбежали вон. Отец взялся за сердце и, медленно опускаясь на пол, прошептал:

– Сынок, это только начало. С меня боец уже никакой, надо подумать, как защитить дом от грабителей. Сходи, посмотри, как там мама и Эмине?

– Да, отец, сейчас схожу. Мы организуем дежурство, подберём верных людей. Всё будет хорошо, не переживайте.

Вставайте, пойдёмте спать, уже не сунутся.

Асан проводил отца в спальню. Зашёл на женскую половину: Гульсум, Медине забились в угол. Рядом сидела Эмине, прижимая к груди сына, который крепко спал, несмотря на шум и выстрелы. Она с надеждой взглянула мужу в глаза.

– Мама, уведите Медине. Эмине, иди спать. Я спущусь вниз, посмотрю, что с Меметом, может быть, он ранен. Ступайте!

Он поцеловал их и спустился во двор. Недалеко от порога лежало бездыханное тело Мемета, рядом с ним распласталась убитая собака. Помочь им было уже невозможно. Асан со стоном сел на землю и, обхватив голову руками, заплакал. Ночь выдалась такая ясная, что под светом полной луны и блеском мерцающих звёзд двор был хорошо освещён. Висевший над дверями фонарь был разбит. Асан остановил на нём свой взгляд, думая о том, что прежняя жизнь также разбита, как этот фонарь.... Так он просидел до утра не в силах подняться, пока не пришёл в себя.

Пришла осень. На плантациях собрали богатый урожай, и Асан уже подсчитывал прибыль. А страна гудела как разворошённый улей. Порядок и законность Временному правительству установить так и не удалось. Власть разрывалась на части, и в ноябре (в октябре по старому стилю) грянул гром. Революция!

7 ноября 1917 года в Петрограде произошла Великая Ок-

тябрьская социалистическая революция. Временное правительство упразднено и распущено.

Через месяц Асан выехал в Бахчисарай на созыв Курултайя крымских татар. Подъезжая к бывшему ханскому дворцу, он невольно вспомнил время, когда они с Эмине приехали сюда летом. В тёплое время года этот архитектурный ансамбль похож на пестрый восточный ковер, окружённый массивными горами, создающими впечатление оборонительных сооружений, от чего дворец выглядит, как неприступная крепость, где каким-то чудом сохранилась неповторимая атмосфера средневекового быта. Дорогие сердцу воспоминания ненадолго отвлекли его от тревожных мыслей о происходящем в стране.

В этот день, 9 декабря, в Бахчисарайском дворце Курултай признал возрождение крымской государственности и стал парламентом этого государства. Такое долгожданное событие воодушевило Асана. «Неужели, наконец, мечты о независимости сбылись?» – думал он. Но в сердце поселилось беспокойство. «Наверное, это ощущение от лёгкости победы. А может, Аллах услышал наши молитвы?» С радостным чувством и в то же время со смутными сомнениями он возвращался в Таракташ.

Дома с восторгом приняли это известие. Но глава семьи Бекир понимал, что беспокойное время только начинается.

В газетах он читал, что всюду мятежи, стоят заводы, склады опустошаются, порядок нарушен. «Провозгласить о государственности и создать государство – это далеко не одно и то же», – считал Бекир.

В эти дни Крымский конный полк прибыл в Симферополь, где должен был по распоряжению местных властей поддерживать порядок. Так вернулись с фронта братья Асана. Их полк живо включился в политическую игру и втянулся в бои с большевиками. Осман и Ахтем поступили на службу в конный народный отряд по наведению порядка в городе Судаке.

В декабре исполнился годик сыну Усеину. По мусульманским обычаям пришла пора проведения обязательного обряда – обрезания. В честь этого события на празднование были приглашены все родственники, друзья и соседи. Под слова молитвы суннетчи (специально обученный человек) совершил обряд обрезания маленькому наследнику. Усеин рос в беспокойное время, но его большая и дружная семья, несмотря ни на что, сохраняла заведённый в доме порядок и продолжала чтить вековые традиции своего народа.

В январе 1918 года политическая обстановка изменилась. Крым был взят большевиками. В Судаке создан революционный комитет (ревком), который начал отправлять своих активистов в селения и деревни для установления там Со-

ветской власти.

В один из февральских дней семья Бекира сидела в гостиной. Отмечали день рождения Ахтема. Гульсум смотрела на взрослых детей счастливыми глазами. Её сыновья вернулись с войны живыми и здоровыми. У Ахтема рана на руке давно зажила, Осман вернулся целым и невредимым.

Её старший сын Осман – стройный, высокий парень с густыми вьющимися волосами, правильными чертами лица и хорошо очерченным подбородком. Этот всегда уверенный в себе молодой человек, обладал мужской красотой и привлекательностью. Его уравновешенный характер нёс миротворческую миссию. Он примирял братьев и друзей, когда те ссорились. Служба в армии ему была не по душе, но патриотические чувства и желание проявить себя в экстремальных условиях оказались выше тяги к прозаичной и будничной жизни земледельца.

Гульсум смотрела на сыновей и невольно любовалась ими, как любит мастер искусно сделанной работой. Задиристый Ахтем, спокойный и уравновешенный Асан, красивый и миролюбивый Осман. Такие разные, но одинаково любимые...

Домашнее умиротворение прервали посторонние голоса, раздававшиеся со стороны улицы. По селу шли люди и что-то кричали. Голоса приближались...

– В Крыму установлена Советская власть! Вся власть рабочим и крестьянам!

В воротах они увидели своих крестьян из числа тех, кто работал на их плантациях. В последнее время они привлечены ревкомом из малоимущих крестьян для установления революционной власти в селении.

– Выходи, Асан, разговаривать будем! – крикнул один из них.

Братья схватились за оружие, но Асан остановил их.

– Не надо, я поговорю с людьми, всё будет нормально.

Толпа ворвалась во двор. К ним навстречу вышел Асан:

– В чём дело, почему врываетесь? По какому праву?

– Всё, отработали мы на тебя, Асан! – с гордостью заявил работник Сеид. – Кончилось ваше время, господа! Революционный комитет постановил, что земля и имущество теперь принадлежат народу. Скоро придём забирать их у вас и у других помещиков, эксплуататоров! Вся власть Советам!

Погрозив и прокричав свои лозунги, люди пошли дальше к другим помещикам, торжествующе провозглашая себя новой властью.

Когда они ушли, Ахтем отвёл братьев в сторону и тихо сказал:

– Слушайте, братья, надо срочно вывезти родовое золото и драгоценности из дома и спрятать в горах, я знаю подходящее место. Отца не надо беспокоить, он себя и так плохо чувствует.

– В этом нет необходимости. Зачем? У нас есть подземное хранилище под домом, – удивился такому предложению

Асан.

– Оно не надёжное, его могут обнаружить. Ладно, оставим здесь половину, но остальное спрячем в горах, а там видно будет, – предложил Осман.

Когда наступила ночь, они сложили часть нажитых богатств в мешки, загрузили на повозку и уехали за село, оставив каждый себе необходимое количество драгоценностей в тайнике под домом. Не торопясь, доехали до Таракташского ущелья и среди высохших кустарников можжевельника и маленьких деревьев кизила нашли укромное место.

Ночь предательски светила полной луной и, казалось, мешала братьям скрыть тайну. Кусты в безветренную погоду не шелестели ветками и будто спали.

Из-под ног вдруг покатались вниз камни. Вспорхнула испуганная, разбуженная птица.

– Тише, – сказал Ахтем, – под ноги смотрите.

Они убрали валуны и в открывшуюся нишу сложили золото, завалив его камнями, забросали ветками.

– Тут где-то есть клад Алима, – улыбаясь, сказал Ахтем, – и мы ещё свой спрятали. Помните, как мы пытались его отыскать? Да что там, ерунда, не было такого Алима.

– Нет, он был, – возразил Осман. – Алим жил в нашей деревне лет семьдесят назад.

– Что спорить, не до этого, надо уезжать в Турцию. Пришла пора! – прервал его Ахтем. – Перевезём золото туда, дядя нас примет.

– Не могу, – ответил Асан: – здесь наша земля, дом, родственники. Не могу бросить родину, хоть что мне говори, езжайте сами.

– Я остаюсь с тобой, брат, – сказал Осман.

– Вы как хотите, а я уеду. Заберу свою долю золота и уеду, – решительно заявил Ахтем.

– Может, ты подумаешь сначала хорошенько, прежде чем принимать такое решение? – спросил его Осман.

– Может быть.

– Ну всё, пора, поехали, замёрзли уже все, – поёживаясь, сказал Асан.

Рано утром Ахтем исчез, прихватив свою часть наследства. Понимая, что отец будет недоволен его отъездом, а мать начнёт плакать, он ушёл не прощаясь. Тогда никто из домашних не знал, что в тот же день, к ночи, Ахтем забрал свою семью, и они на лодке переплыли по Чёрному морю в Турцию. Он давно задумал бежать и готовился к этому. Видя, как на глазах рушится всё устоявшееся, как большевистская сила растёт, Ахтем был уверен, что их жажда равенства неизбежно приведёт к бедности всех. Узнав о решимости братьев остаться здесь, он понял, что медлить бесполезно, и к утру был таков.

Но экспроприировать землю новая власть не успела, потому что уже в марте 1918 года полуостров захватила Герма-

ния. Большевики вынужденно оставили Крым. Под покровительством Германии на полуострове провозгласили самостоятельность Крыма со своей государственной символикой и образовано Крымское краевое правительство.

В эти тревожные дни Бекир, видя, как люди, накопившие за время смены власти и государственного переворота ненависть друг к другу, льют кровь соседей и братьев, сказал сыну:

– Сынок, кровь и смерть пришли на крымскую землю. Там, где идёт борьба за власть, там нет мира, а есть только ненависть. И никто из людей не спросит себя, за что и за кого они гибнут, кто потом пройдёт по их костям к этой власти. Кто и когда воспользуется ненавистью одного народа к другому в своих интересах. Не слушай никого, Асан, не поднимай руку на соседа своего. В Коране сказано: «Воистину, Аллах ни в чем не проявляет несправедливости к людям, но люди сами поступают несправедливо по отношению к себе».

– Отец, если советская власть опять вернётся, что будет? Опять расстрелы? И когда же всё это кончится?!

– Не знаю, сынок, тогда, наверное, когда люди одумаются. Когда Аллах призовет всех к ответу и порядку.

В ноябре 1918 года в Германии произошла революция; новое правительство признало поражение в мировой войне, и германские части ушли из оккупированных территорий.

К тому времени вместо ушедших германцев на полуостров вступили войска белогвардейской Добровольческой армии.

А весной 1919 года Красная армия, потеснив белогвардейцев с крымской земли, восстановила на ней советскую власть. Судакский ревком продолжил свою работу. Но уже к концу июня и новому составу ревкома пришлось уйти в лес, в партизаны. Власть в Крыму опять захватили белогвардейцы. Добровольческая армия и некоторые жители, желавшие восстановления монархии наводили свои порядки. Оставшихся большевиков, сочувствующих им граждан и членов их семей пытали и расстреливали...

В течение почти трёх лет большевики не оставляли попыток захвата полуострова и в ноябре 1920 года, выбив остатки белогвардейской армии, полностью захватили Крым. Судак был освобождён от врангелевцев. В Крыму окончательно установилась Советская власть. С её установлением на сторонников старого режима и пособников белогвардейцев обрушился гнев победивших большевиков. Начались расстрелы, казни и преследования врагов революции. Тысячи солдат и офицеров армии Врангеля, и просто гражданских лиц из «буржуазных элементов» по решениям особых отделов и чрезвычайных комиссий, образованных большевиками, были расстреляны Красной Армией.

В эти дни, возвращаясь из Судака, Асан рассказывал отцу, что видел и слышал в городе:

– Отец, идут расстрелы тех, кто боролся против красных и помогал белогвардейцам. Хорошо, что Осман давно ушёл с военной службы и работает со мной на виноградниках.

– Насилие, сынок, порождает насилие. Что кровью началось, то кровью и закончится, – отвечал ему Бекир.

После распада Российской империи покой народов, населявших Крым, то и дело нарушался захватами полуострова и экспансией. Переход власти сопровождался многочисленными жертвами, разрухой и обнищанием населения. Люди метались от одной власти к другой. Они подчинялись и сопротивлялись, чтобы выжить и не потерять то, что у них есть. Но зверства и кровопролитие не оправдывают тех, кто ценой жизни других людей, с той или другой стороны власти, добивался установления своих порядков и законов. Перешагивая через кровь, одни устанавливали свою власть силой, другие боролись за независимость. С обеих сторон лились реки крови. Распри наполняли землю Крыма горем, слёзами и отчаянием.

Асан не хотел втягиваться в братоубийственную войну. Он не убийца и не сторонник силы, ведь насилием не объединить народы, в унижении не рождается преданность, от мщения не появится понимание и не наступит мир. Он вспомнил слова из Корана о красоте мира: «Аллах Всевышний создал мир прекрасным и сделал человека наивысшим суще-

ством, предоставив ему все, в чем он нуждается. Весь мир создан Аллахом как место поклонения, место созерцания и размышления над величием, красотой и всемогуществом Аллаха». «Почему люди считают себя вправе что-то менять, менять мироустройство, созданное не ими?» – задумывался Асан. Его мучили мысли о том, что он не мог определиться, как быть дальше, смириться или бежать в Турцию к брату? Спустя время он решил: остаться на своей родной земле и работать на ней, несмотря ни на какую власть. Заповеди Корана всегда были для него путеводителем в жизни. Он помнил его суры очень хорошо. В одном из аятов Корана Всевышний Аллах предупреждает верующих, что те, кто разжигает войны на земле, – безбожники, ведь Аллах не одобряет войну: *«Если же они остановят войну, то и вы остановите ... ведь Аллах – Прощающий, Милосердный!»*

С приходом Советской власти Асан понимал, что не за горами тот день, когда к ним придут забирать последнее и самое главное – землю. И вскоре этот день настал. В декабре 1920 года в их дом нагрянул отряд красноармейцев из Судакского ревкома с винтовками.

Комиссар в кожаной куртке был достаточно вежливым и спокойно объявил семье:

– Граждане эксплуататоры! Ваше имущество будет описано и изъято, в том числе земельные владения. Теперь всё принадлежит народу и государству. Вы имеете право рабо-

тать на этой земле на равных с другими гражданами и приносить пользу Советской стране. В случае несогласия вы будете арестованы, а в случае сопротивления расстреляны. Я понятно излагаю, господа хорошие? – спросил присутствующих членов семьи комиссар.

Асан кивнул головой в знак согласия. Бекир молчал. Он старался не смотреть в сторону пришедших представителей власти, чтобы удержать себя в руках.

– Приступайте, товарищи! – дал команду красноармейцам комиссар.

Ревкомовцы устроили в доме погром, обыскали всё. Забрали документы на землю и ценные вещи: картины, ковры, посуду и другую дорогую утварь. Увели почти всех лошадей и домашний скот. Наряду с экспроприацией ревком занимался выявлением лиц, сотрудничавших с белогвардейцами. Поэтому все в доме были опрошены и составлен протокол допроса. Женщины сидели в углу комнаты и тихо плакали. На руках у Эмине сидел испуганный Усеин. Медине прижималась к матери. Когда они ушли, Асан принялся успокаивать домочадцев:

– Ничего, мы справимся, будем работать, нам будут платить, ничего, выживем.

Выдавив из себя эти слова, он затих, опустил голову и задумался. В голове крутились вопросы: «В разрушении нет счастья. Куда дорога выведет эту революцию? Ну почему путь к свободе, равноправию и благополучию должен лежать

через смерти, хаос и унижение? Как не потеряться в этом круговороте и что надо сделать, чтобы воронка революции не затянула нас и не довела до гибели? Зачем нужна война за идеи, если она сопровождается кровью и смертью? Неужели, чтобы быть счастливыми, люди должны сначала всё потерять, чтобы обрести лучшее?»

Бекир тяжело перенёс эту утрату, ведь он получил землю по наследству от отца. «Что теперь я оставлю детям? – думал Бекир. – Слава Аллаху, что они уже взрослые, смогут сами о себе позаботиться. Что мог, я для них сделал». От переживаний у него разболелась голова. Он позвал Гульсум и попросил дать отвар от головной боли. А Гульсум успокоили слова сына. Она ещё в силах работать и тоже будет трудиться. Главное – все живы и здоровы, что матери ещё надо?

В доме погас свет. Вместе с ним погасли их благополучное прошлое и уверенность в завтрашнем дне. Всю ночь Асан не мог уснуть, мысли о происходящем не давали покоя, но ведь он принял для себя решение остаться на родине, поэтому на следующее утро встал с уверенностью, что принимает этот удар и это время. «Такова судьба, надо думать о семье. Столько уже лет без определённости с кем мы. Где, в какой стране живём? Это не может продолжаться вечно. В любом случае мы на своей земле, и она нам дорога», – так думал Асан в это судьбоносное время.

Все эти дни по крестьянским дворам разъезжались вооружённые отряды ревкомов для изъятия продовольствия. Это сопровождалось насилием, конфискацией имущества и расстрелами. Жители находились под постоянным страхом громов и смерти. Кроме реквизиций, людям угрожала другая опасность: толпы голодных банд слонялись по деревням в поисках еды. Асану с отцом не раз приходилось обороняться от налётчиков. Защищая семью и дом, они давали им достойный отпор.

Позднее, в 1936 году, повзрослевший сын Асана – Усеин – прочтёт в журнале стихотворение автора М. В. Помренинга, посвященное этому беспокойному времени:

*С Перчема задувает. Прорвало?
Морская даль, как пенистая чаша.
В тачанках – осень, шашки наголо,
И рубятся в садах у Таракташа.
И звездная тропка уже узка
Над изумрудной лампой маяка...*

4 глава

Новая жизнь

*Родина! С тобою вместе я
разделю и радость, и беду.*

Маленький Усеин, пока его никто не видит, надумал сбежать в курятник посмотреть, как его любимая курочка высидит яйца. Вчера было два яичка. Хотя ему было всего пять лет, он умел уже считать, мама научила. Но как интересно, что же там, под курочкой? Он подошел к курице и стал заглядывать под неё. Тут петух громко закричал: «Ко ко ко!», раскрыв крылья, направился прямо к нему. Того и гляди, клюнет. Засуетились, заволновались, закудахтали другие курочки, стали летать над головой Усеина. Пух и перья, пыль и помёт – всё летало по курятнику. Поднялся куриный переполох, и мальчик выбежал оттуда.

– Мама! – закричал Усеин, – я боюсь!

Эмине увидела в окно сына, бежавшего домой, и вышла навстречу.

– Ну, что ты испугался, кто обидел моего мальчика? – целуя, спрашивала сына Эмине.

– Там, там петух меня клюнул!

– Где? Нет ничего, – разглядывая его, сказала Эмине, – а ты зачем полез туда? Нельзя курочек волновать, а то нестись не будут.

– Хочу цыплёнка-а-а, – расплакался Усеин, – хочу с ним играть!

– Ну, ладно, пойдём, посмотрим, что нам снесла курочка?

Они зашли в курятник. Эмине показала Усеину, что под курочкой по-прежнему лежат два яичка.

– Видишь, нет цыплят. Рано ещё, подожди. Иди, играй, не шуми, вон там твоя деревянная лошадка ждёт.

Эмине успокоила сына и вернулась в дом. Она готовила обед, ждала мужа с работы. Отец Асана тяжело болен и не встаёт вот уже две недели. Он чувствует слабость, суставы опухают и болят. Приезжал врач из Судака, поставил ему диагноз – подагра. Мама мужа, Гульсум, ткёт ковёр. Почти все ковры у них забрал ревком, поэтому нужны новые. На рынке Гульсум купила нитки, и теперь она ткёт, а невестка вяжет вещи.

Прошло почти шесть лет, как Эмине замужем, но детей, кроме сына Усеина, пока Аллах не дал. Эмине не может выносить ребёнка, случались выкидыши, которые забирали её здоровье. Она слабела, и только любовь Асана поддерживала её силы и надежду. Иногда они сидели вдвоём и мечтали о будущем. Кем будет Усеин, какая жизнь ждёт их на родной земле? К ним прибежал их маленький сынок – озорной маль-

чишка, обнимал маму и отца, и они вместе дружно смеялись. Усеин тянулся к отцу, не отходил от него, когда тот был дома, просился с ним в горы на охоту. Ему хотелось быть похожим на папу, быть ему помощником и таким же, как он, вырасти большим и сильным.

Пока Эмине занималась хозяйством в доме, Асан работал на виноградниках, трудился в совхозе на общее хозяйство. В собственности у них остались лошадь, корова, коза, две овцы, куры. Зерна было не достать и муки тоже. Иногда Эмине с Медине ходили на рынок менять вещи на муку и пшено. Летом собирали фрукты, сушили на зиму. Обычно по вечерам семья собиралась вместе, с работы возвращался Асан. Он воодушевлённо рассказывал о новостях дня и о том, какой будет урожай. Так было и в этот вечер.

– Мама, Эмине, к нам сегодня приезжал виноградарь-винодел Константин Петрович Дьяков, правнук Ларгье, – сообщил Асан. – Помните, вы слышали про Ларгье?

– А как же, помню, – ответила Гульсум.

– Он занимался виноделием в Судакской долине. Константин Петрович в прошлом году участвовал в создании Судакского винсовхоза. Вместе с ним приезжал председатель совхоза. Он предложил мне должность агротехника в Таракташской долине. Они сказали нам, что в нашем крае нет агронома. Был один на всю Феодосию, и Судак и того уже нет, умер. Нет химикатов, виноградники болеют. И много ещё разных проблем, которые надо решать.

– Конечно сынок! Ты грамотный и опыт уже есть. Кому как не тебе быть агротехником, – поддержала сына мать.

Они сели ужинать. Гульсум понесла еду к заболевшему мужу и поставила перед ним.

– Как дети, внуки? – спросил Бекир.

– Всё хорошо, не волнуйся, все живы, здоровы.

Наступил июньский вечер. На сером крымском вечернем небе, окутанном серебристой дымкой, появился лунный профиль. Воздух стал заметно прохладней. Резвившийся недавно ветерок успокаивался. Солнце уныло закатывалось за горизонт и в вечернее время ещё наполовину виднелось огромной полусферой с раскалённым содержимым. Казалось, что где-то вдаль оно соприкасается с землёй, прощально оставляя в озере свою светящуюся оранжевую дорожку, словно огненную лестницу к солнцу. В этой вечерней дали горизонт окрашивается в жёлто-красные оттенки. Это самое красивое время суток! Волшебная игра света и цвета меняет свою палитру с каждой минутой. Замолкают птицы. Наступают вечерние сумерки. Так приходит ночь...

Когда в доме все крепко спали, в окно кто-то постучал. «Странно, – подумал Асан, – и собак не слышно, кто же это мог быть?» Он встал, прихватив с собой кинжал, осторожно подошёл к окну.

– Асан! – сказал кто-то за окном знакомым голосом, – это

я, Ахтем, брат!

– Ахтем?!

Асан выбежал во двор.

– Брат! Ты как здесь? Откуда?

– Тише! Услышат соседи! – шёпотом произнёс Ахтем.

– Заходи в дом. Как все обрадуются, когда тебя увидят!

– Под утро надо уходить. Я приехал за вами, буди всех, увезу вас в Турцию.

– В Турцию? А ты как прибыл сюда, на чём? – спросил Асан.

– На лодке, брат. На чём же ещё?! До нейтральных вод я дошёл на судне моего друга. Он ждёт нас там.

– Нет, Ахтем, – подумав, сказал Асан. – Не надо никого будить. Мы не поедем. Отец с матерью не захотят умирать на чужбине. И мы не хотим, но я всех спрошу, что они скажут, – согласился Асан. – Расскажи лучше, как ты там живёшь, как семья?

– У меня всё хорошо, купил винзавод и магазин. Торгую. У нас уже двое детей. Дядя помогает мне во всём. Расскажи, как вы? Смотрю, нет нашего забора, сразу даже не признал отцовский дом.

– Наш магазин забрали большевики. Теперь он принадлежит государству, а забор снесли. Пришлось поставить другое небольшое ограждение. Советы забрали у нас землю и имущество. Выживаем тем, что спрятали. Осман и я работаем в совхозе. Усеину уже пять лет. Сестрénка Медине растёт.

Родители в порядке.

– А золото? Вы его сбыли?

– Мы перенесли его в дом – в наше подземное хранилище. Пока невозможно его сбыть. Узнают – арестуют, а золото отберут. Потом, позже, попробуем с Османом его продать.

– До утра мне надо успеть отчалить, пока не заметили, – сказал Ахтем. – Хотелось бы отца увидеть.

– Можешь зайти к нему, только тихо, не разбуди.

Ахтем потихоньку пробрался в комнату отца, чтобы взглянуть на него. Потом также тихо вышел. В свете луны в его глазах блеснули слёзы. Ещё немного поговорив, братья собрались в путь. Добрались до места, где кончается дорога, и начинаются горные тропы. Там Ахтем стал прощаться:

– Брат, обещай, что в следующий раз, когда я приеду, вы уедете со мной, – попросил он.

– Хорошо, мы подумаем. Будь осторожен, опасно сюда добираться. Вдруг шторм или береговая охрана. Тебя могут перехватить большевики.

– Не волнуйся, я везучий, – сказал Ахтем и, попрощавшись с братом, направился в сторону Феодосии, на то место, где припрятал лодку.

Возвращаясь домой, Асан размышлял: «Как перекроила нашу жизнь эта революция. А может, и правда уехать? Что скажет Осман? В воскресенье и поговорим». Он зашёл в дом, незаметно прокрался в спальню и, укладываясь спать, подумал: «Вот и хорошо, что никто не заметил нас. Завтра всем

расскажу об Ахтеме».

Настало утро. Солнце заглянуло в окна и заиграло бликами от оконных стёкол. Таракташ засверкал под солнцем яркими красками зелени и цветов. Люди начали выходить из домов на работу в поля и на пастбище пасти общий скот.

Перед тем, как уйти на работу Асан, сообщил семье, что ночью тайно приезжал Ахтем из Турции.

– Хотел нас забрать. Он ещё раз приедет. Ждёт ответа и нашего решения уплыть вместе с ним. Что думаете?

Все были приятно удивлены. Им казалось, что они никогда уже не увидятся. Ахтем в другой стране. Родители были несказанно рады слышать такую новость, но ехать не захотели.

– Нет, сынок, – сказала Гульсум, – мы останемся здесь, а вы поезжайте. Начнёте новую жизнь.

– Ну что вы, мама! Мы останемся с вами и не бросим нашу землю. Может, всё ещё изменится и будет по-прежнему.

– Сынок, – сказал Бекир, – позови Османа в воскресенье, хочу поговорить с вами.

– Хорошо, отец, обязательно!

В воскресенье пришёл Осман и Асан рассказал ему об Ахтеме, о его неожиданном приезде и о том, что он предлагает уехать в Турцию.

– Отец хотел с нами поговорить, идём к нему, – сказал он брату.

Зайдя в спальню, они поприветствовали отца, поцеловав

ему руку и приложив её к своему лбу. Осман обратился к нему:

– Вот мы перед вами, как вы просили, отец.

– Хорошо, сыновья мои! – сказал Бекир. – Давно хотел с вами поговорить, но всё как-то не получалось. Вы знаете, что наступили тяжёлые времена. Я хочу сказать вам, чтобы вы жили дружно, берегли семью. Будьте честными и достойными нашего рода. Вы должны друг другу помогать. Любите родину. Не уезжайте с этой земли, не предавайте память предков.

– Что передать Ахтему? – обратился к брату Асан. – Каким будет твоё решение?

– Ты же слышал, что сказал отец, – ответил Осман, – не покидать землю. Вот мы и останемся. Так и передай Ахтему, когда приедет ещё. Я найду способ сбывать золото, и мы сможем выжить и здесь, – предложил Осман.

Все согласились с таким предложением. Решение было принято.

Шёл 1921 год...

Крым получил статус автономии в составе РСФСР, просуществовавший до 1946 года. Государственными языками признаны крымскотатарский и русский.

В этот год лето по всей стране выдалось на редкость засушливым. Засуха, неурожай. В стране свирепствовал голод. Ещё с лета 1918 года Украина устроила таможенную блока-

ду Крыму и ослабила её только осенью, но голод было уже не остановить. Из-за неразберихи, отсутствия единой власти и порядка рухнула экономика. По мере усиления голода рос бандитизм. Воры объединялись в шайки и банды. Грабили магазины, склады, дома. Оружия у населения не было, ещё в прошлом году оно было изъято ревкомками. У Асана оставалось охотничье ружьё. Его-то он и приготовил на случай нападения на дом. Опыт отражения грабителей у них уже есть. На прошлой неделе ограбили соседей, бандиты проникли в дом, когда все домочадцы спали, но на свою беду в этот момент они проснулись. Мародёры убили хозяина, схватившегося за нож, а женщин и детей связали.

В горных районах Крыма голод ощущался особенно тяжело. Осенью на рынках не стало картошки, зерна и муки. Крымчане начали умирать от недоедания. Семьи без запасов продовольствия становились первыми жертвами голода. Смерть косила людей с холодным безразличием. Она приходила не слышно, без грохота снарядов и разрыва бомб, иссушала и ела их изнутри. Первыми погибали дети и старики. Особенно разыгрался голод в марте 1922 года. Это был самый страшный месяц для Крыма. Но за голодом, как правило, приходят болезни и смерть. Вскоре разразилась эпидемия тифа. Трупы умерших валялись прямо на улицах, власти городов отказывались их убирать. Люди ели всё, что возможно и невозможно есть, лишь бы не умереть. Питались падалью, кожей овец и коров. Больницы, были переполнены

больными и голодающими, которые умирали от истощения. В деревнях и городах съеден весь скот. Люди уезжали в другие города и деревни России. Крестьяне покидали землю, обрекая себя на бродяжничество. Смертность росла с каждым днём. Голодомор шагал по стране, как страшное чудовище, пожирающее людей.

Чтобы выжить, нужны были деньги. Осман нашёл скупщика золота Териса через друга Мойшу. Грек Терис промышлял скупкой золота давно, работал в одиночку. Золото и изделия из него он вывозил небольшими партиями в Турцию, оттуда в Грецию. Там его отец золото переплавлял и изготавливал ювелирные украшения. Продав золото Терису, Осман делился деньгами с братом.

Асан побывал в Судаке, у друзей в Новом свете и в Феодосии. Повсюду царил голод. Братья выезжали в деревни Крыма, где выращивались зерновые, за мукой и картофелем. Они покупали или обменивали на золото продукты. Приходилось действовать по ночам, чтобы не привлекать к себе внимание. Опасность напороться на грабителей подстерегала их повсюду. За продуктами они отправлялись, вооружившись кинжалами и охотничьими ружьями. Со временем и в деревнях нечем было разжиться. И тогда они ехали дальше. На рынках Ялты, Феодосии, Симферополя у перекупщиков и спекулянтов приобретали необходимые продукты. С пустыми руками никогда не возвращались. Не обходилось и без приключений. То случались погони, то схватки с граби-

телями.

Однажды, как всегда затемно, братья возвращались из города. Ночь повисла над горами непроглядной тьмой, тускло светили звёзды, молодой месяц чуть виднелся. В такую темень на горных дорогах и тропях опасно, можно упасть или сорваться вниз. Но братья решили ехать.

– Если мы не вернёмся к утру, – сказал Асан, – наши забьют тревогу, всполошатся. Мама схватится за сердце. Эми не будет плакать. Поедем!

– Хорошо, поедем, но только не торопись. Я еду впереди, ты сзади, – предложил Осман.

Они ехали молча из соображений безопасности, ведь их могли услышать грабители, охотившиеся в лесах и на дорогах. Вдруг на тропу перед Османом с горы покатались камни.

– Асан, вперёд! Не оглядывайся! – крикнул брату Осман.

Они пришпорили коней, но путь им преградили два тёмных силуэта. Перед глазами Асана промелькнула верёвка. Видимо, сзади был третий грабитель. Верёвка обвила тело Асана, и нападавший сдёрнул его с коня. В это время Осман, размахивая кинжалом, отбивался от двоих других нападавших. Он спрыгнул с лошади сразу, как только увидел впереди людей, чтобы сразиться с ними. Его лошадь от страха с визгом и ржанием рванула вперёд и ускакала, пока хозяин боролся. Кинжал Османа полоснул по шее одного, второго ранил в плечо. От удара одного из грабителей Осман упал на землю и сильно ударился головой. Не обращая внимания на

боль, он достал верёвку, висевшую за поясом, и ловко связал обоих. Он не один год воевал, сражаясь с врагами, а тут какие-то разбойники, голодные и слабые. Вид их был жалким. Тем временем Асан боролся как мог с третьим, но безуспешно. В то время, когда грабитель уже занёс над его головой большой камень, в спину нападавшего вонзился нож брата. Бандит грузно повалился на землю.

– Что ж ты, брат, не справился с этим доходягой? – спросил Осман.

– Он опутал меня верёвкой, – оправдывался Асан.

Распутав верёвку на теле брата, Осман спросил:

– Один уже предстал перед Аллахом, что будем делать с этими двумя? Их нельзя оставлять в живых. Найдут, будут мстить.

– Нет, брат, мы не убийцы. Одно дело – убить, защищаясь, другое – убить беззащитного или поверженного врага. Поехали! – решительно сказал Асан.

Тем временем конь Асана покорно ждал своего хозяина, волнуясь, нервно перебирая копытами, пофыркивал, раздувая ноздри. Оставив в живых связанных грабителей и усевшись вдвоём на коня Асана, они двинулись вперёд. За поворотом на тропинке их встретила лошадь Османа. Потряхивая гривой и мотая головой, она приветствовала хозяина...

В эти страшные годы люди надеялись только на себя, рассчитывая на свои силы и возможности. Страна потеряла миллионы жизней в Первой мировой войне, гражданской войне и голодоморе 1921-1922 г.г. Разрушена экономика. Сельское хозяйство находилось в упадке. Только к осени 1923 года, благодаря хорошему урожаю и мерам, предпринятым государством, голод был побеждён.

Асан трудился в совхозе. Усеин пошёл в школу. За это время Ахтем ещё раз приезжал к ним из Турции. В этот раз он увиделся с родителями, но уговорить их ему так и не удалось. Он снова возвращался один.

– Брат, – сказал ему тогда на прощание Асан, – ты не приезжай больше, это опасно. Мы не хотим потерять тебя. Мы останемся здесь навсегда. Даст Аллах, встретимся, когда наступят хорошие времена.

Ахтем отчаянный и смелый мужчина, не зря он получил награду во время Первой мировой войны. Он очень скучал по родной земле, несмотря на опасность, переплывал на лодке Чёрное море, чтобы повидать родных, и надеялся, что они все будут жить с ним рядом на новой родине. Но ожидания его были напрасны. Никто тогда не знал, что это последняя их встреча. Больше Асан не получал от него весточек.

Первые годы власти Советское государство находилось в

политической изоляции. Но и после установления дипломатических отношений с другими странами переписка с гражданами иностранных государств была невозможна.

Вскоре Осман женился на армянской девушке – Евгении. А на следующий год они переехали на её родину в Азербайджан, в город Кировобад.

Тем временем, пришедшая в Таракташ новая экономическая политика (НЭП), ненадолго изменила жизнь его жителей к лучшему. При НЭПе разрешалась аренда земли, отменялась продразвёрстка. Излишки сельскохозяйственной продукции можно было продавать или обменивать. Так, семье Бекира дали в аренду часть их же земли. Они опять растили виноград, делали вино, продавали. На обработку земель, как и прежде, нанимали работников, но члены семьи работали со всеми наравне. Таково условие НЭПа. Излишки овощей и фруктов вывозили на рынки, делали запасы и хорошо помнили время, когда люди умирали от голода. Может случиться всё, что угодно. Вот уже ходят слухи, что НЭП скоро отменят.

Жизнь улучшилась, голод остался позади. Теперь в гости к ним часто стали заходить Мерьем с семьёй. Асан подружился с её мужем Айдером, который заменил ему братьев.

Айдер крепко сложенный, полноватый молодой человек среднего роста, с крупными чертами лица, весёлый и оптимистичный. Когда он не спешил, то шёл вразвалку, переваливаясь с ноги на ногу. Жил размеренно и поэтому, види-

мо, был склонен к полноте. Мужчины вместе ходили на охоту, ремонтировали крышу дома и другие постройки. Вместе встретили Новый 1926 год. Год, который станет переломным в их судьбе и разрушит счастье этой большой и дружной семьи.

Наступила весна 1926 года. Эмине снова ждала ребёнка и молила Аллаха, чтобы родился здоровый малыш...

5 глава

Погасшее солнце

Зачем же гаснет свет?

В душе моей темно.

Наступит ли рассвет

Без солнца моего?

Ночной небосвод одним светящимся оком уныло оглядывает уснувшую землю и, как волшебник в чёрном плаще, усыпанном звёздами, освещает всё внизу. В дымке его стекающего голубого света он любуется своим отражением на затихшей водной поверхности рек и озёр, играя в них бликами мерцающих звёзд, заглядывая даже в колодцы. Чёрный волшебник ночи, таинственный и загадочный, творит свой гипноз, вводя в состояние сна всё живое, и лёгким дуновением ветерка стремится загасить маленькие светлячки земли: лампы и фонари. И только одинокий волк, вглядываясь в его око, жалуется на свою нелёгкую жизнь. Ночной кудесник, обняв облака и сделав их невидимыми, льёт тихий холодный свет в окна домов, как бы говоря всем, что он пришёл вершить свои тёмные дела до самого рассвета...

Асан проснулся в холодном поту, ему приснился страшный сон. Будто он забрался на высокую скалу и упал в тёмную пропасть. Он встал и вышел во двор. Все спали. На улице раннее утро, ещё темно и холодно, стоял прохладный апрель 1926 года. Ночью прошёл дождь. Утренняя влага и свежесть обдали его целиком и взбодрили. Асан подошёл к колодцу, чтобы набрать свежей воды. Наклонился и увидел в нём ту самую пропасть, которая напугала его во сне. Он отшатнулся и подумал: «Наваждение какое-то!» После прочтения утренней молитвы ему стало легче. Скоро к дому подъедет шурин – Айдер. Они вместе должны ехать на крымский перешеек, чтобы продать там золото. Терис давно на связь не выходил. Пропал. Может, его арестовали, а может, он остался в Греции? Уехал и не смог вернуться. Неделей ранее Айдер побывал в Судаке и в разговоре со старым другом узнал, что золото можно сбить на перешейке. Об этом Айдер сообщил Асану. Тогда же они и надумали ехать на перешеек.

Утро вступило в свои права. Первые весенние лучи ласково обволакивали землю, дарили тепло. Птицы весело щебетали на кустах и деревьях, приветствуя весну своим чудесным пением. Утреннее солнце быстро нагрело воздух. От влажной земли пошло испарение. Стало душновато. В доме все проснулись. Подъехал Айдер на своём коне. Позавтракав, мужчины собрались в путь. Асан поцеловал на прощание жену и сына, обнял мать, сестрёнку и отца. Они сели на коней и вскоре скрылись за поворотом...

Раньше им с Османом приходилось выезжать только по ночам, голод остался позади, и поэтому в последнее время на дорогах стало спокойнее. Путь был не близкий. Проехав горные тропы, они оказались на равнине, где начинались пашни. На конях трудно ехать по размытым после дождя дорогам их копыта застревали в грязи. Асан с Айдером соорудили стоянку, чтобы переждать, пока дороги подсохнут. Ну а после полудня продолжили путь. Смеркалось.... Асан уже думал, где бы остановиться на ночлег.

– Надо найти укромное место, чтобы нас никто не заметил, и среди трав и кустов отоспаться, – предложил он.

Стемнело быстро. Устроившись на привале, мужчины скоро уснули. Среди ночи Асана разбудил храп лошадей. Они вели себя беспокойно, фыркали, перебирали ногами, как будто чувствовали приближение опасности. Внезапно из-за кустов выскочили какие-то люди и, не дав очнуться Асану, набросились на него и спящего Айдера. Завязалась борьба. Айдер скинул с себя нападавших и бросился на помощь Асану, но в спину ему вонзился кинжал грабителя. Он упал ничком на землю и замер не в силах пошевелиться.

– Готов! – сказал кто-то.

Умиравший Айдер узнал голос друга, с которым разговаривал в порту. И мгновенно понял, что тот предал его. За ними следили, но было поздно. Жизнь уходила из него с потоком крови, лившейся из раны. Кровь быстро заполнила порванные лёгкие, и сердце остановилось.

Тем временем Асан яростно сопротивлялся двум нападавшим, но силы были неравны. И тут его грудь пронзило что-то горячее. Нож вонзился прямо в сердце. Смерть была мгновенной. Как подкошенный, Асан рухнул на спину. Грабители обшарили тела, забрали золото, коней и скрылись...

Среди кустов и деревьев остались на земле бездыханные тела молодых мужчин. Айдер лежал, раскинув руки, вниз лицом, словно обнимал родную землю, не желая с ней расстаться. Его пальцы сжимали горсти земли...

Глаза Асана смотрели в небо пристальным и неморгающим взглядом, будто спрашивая небеса: «За что?» Его распротёртые в стороны руки обнимали небо. Ему недавно исполнился тридцать один год...

Семья Асана ждала его возвращения через десять дней. Поэтому, когда спустя два дня после отъезда мужа в ворота постучали, Эмине подумала, что пришла сестра Мерьем. Ещё со двора она заметила чужую повозку за забором и рядом стоящего с ней соседа. «Странно, – подумала Эмине, – что ему надо в такой ранний час?» Она подошла к воротам, распахнула их и, увидела два тела, лежащих на повозке, в одном из них сразу же узнала своего мужа.

Мужчина, привезший Асана и Айдера, был жителем их села. Случайно проезжая по тем местам, где лежали убитые, он наткнулся на них и сразу признал своих земляков. Загрузил тела в повозку и поспешил в Таракташ, чтобы к раннему

утру быть в селении.

Эмине закричала так громко, что на её голос сбежались родители и дети. Проснулись соседи. Казалось, что горы кричали и плакали вместе с ней. Утреннее солнце стало тусклым и больше не играло своими лучами. Птицы перестали петь. Тяжелое облако беды нависло над домом Бекира. Эмине безутешно рыдала у повозки. И всё звала:

– Асан, Асан, вернись, будь со мной. Почему ты бросил нас? Почему ушёл без меня?..

Бекир тихо плакал, стоя в сторонке, чтобы никто не видел его слёз. На ватных ногах Гульсум подошла к сыну. Но, так ничего и не сказав, рухнула на землю без сознания. Медине села около мамы и горько заплакала. Бекир увидел упавшую жену и поспешил к ней. Тем временем к их дому сбежались жители селения.

Усеин убежал в конюшню и в ней громко рыдал, захлёбываясь слезами так долго, что устав от эмоционального напряжения, уснул там же, на сене. Никто его не искал, всем было не до него.

Медине не отходила от матери. Она всё время прижималась к ней и дрожала от страха. От погибшего мужа еле оттащили Эмине. Уговаривали успокоиться, ведь у неё шесть месяцев беременности и может быть выкидыш. Но ей было всё равно, она ничего не слышала и не понимала. Только твердила:

– Асан, мы ведь столько мечтали, мы хотели всю жизнь

быть вместе. Погасло солнце, темно. Мне темно. Прошу, зажгите свет! Асан, вернись...

Гульсум слегла. Она смотрела в одну точку, и казалось, что мысли покинули убитую горем голову. В глазах застыла печаль и поселилась уже навсегда. Женщины пытались с ней говорить, поить успокоительными травами, но безуспешно. Её губы не разомкнулись. Она сейчас не с ними, она с сыном. Вот он маленький: бегаёт по двору, тянет к ней маленькие ручонки и зовёт её: «Ана!» (мама). Они смеются, Асан убегаёт, а Гульсум ловит его, подхватывает и держит над головой. Он заразительно смеётся и дрыгает ножками, как будто продолжает бежать...

Прибежала Мерьем – жена Айдера. Мерьем мужественно приняла этот удар. Теперь она одна с тремя детьми и хорошо понимает, что надо быть сильной, чтобы пережить это горе и вырастить детей. Надо поддержать сестру, и Мерьем идёт к Эмине. Вместе они, обнявшись как в детстве, сидят и плачут друг другу в плечо.

– Мы сможем, мы выживем... – успокаивает она сестру.

Бекир и его друзья занялись приготовлением к похоронам. По законам шариата хоронить покойных необходимо в тот же день до заката солнца. Над усопшими провели троекратный обряд омовения. Их обернули в белый саван. Во дворе стоял громкий плач женщин, пришедших на похороны.

Тяжёлая и давящая атмосфера смерти окутала дом. Как

будто страшный сон и явь слились воедино. И хочется проснуться, но не получается. Неужели это происходит в доме Бекира? В доме, где царили любовь и понимание, счастье и уют? Откуда пришла беда? Почему она разрушила так быстро всё то, что копилось и создавалось годами? Украла и спрятала под своим чёрным плащом радость надолго, а может быть, навсегда? Смерть тяжёлой поступью пришла напомнить о себе и чётко разграничить жизнь до неё и после. Чем больше семья, тем больше горя. Родные делятся друг с другом этой бедой, то усиливая, то ослабляя её хватку. Гнетущая атмосфера окружает всех людей, входящих в дом, где поселилась скорбь. Тяжёлая негативная энергия смерти захватывает любого входящего человека, напоминая каждому, что и он смертен и путь его в этой жизни конечен.

Покойных уложили на два табута (носилки). У их изголовья мулла громко назвал их имена и спросил присутствующих людей, какими были эти люди и нет ли у них долгов. Прочитал намаз – похоронный молебен. И вот уже мужчины понесли носилки на кладбище. Женщины и дети на кладбище не идут, им не положено. После прочтения «дуа» (молитвы) тела опускают в могилу головой в сторону Каабы (священное место мусульман в Мекке). У изголовья могил устанавливают баш тахтасы (надгробие) – камень с именем усопшего.

Прошло три месяца. Эмине продолжала жить как во сне.

Ничто её не радовало. Она грустила, не улыбалась и не обращала внимания на сына. Часто украдкой плакала и слабела день ото дня.

Гульсум тоже не было слышно. Она ни с кем не разговаривала и жила только со своими мыслями. Бекир держался, но стал терять зрение. Он сильно сгорбился, словно горе взвалило на него непосильную ношу.

В июле, пришло время родов. Роды принимала повитуха, но положение плода было неправильным – он развернулся ножками вперёд. Из Судака привезли акушерку. Плод удалось развернуть головкой вниз, и, наконец, эта головка показалась. На свет появилась девочка.

– Девочка! – объявила акушерка.

– Дочка! Айше! Наконец-то, – сказала слабым голосом Эмине и потеряла сознание.

Придя в себя, она услышала плач дочки, но силы стали покидать её и жизнь начала уходить из её ослабевшего тела. Вдруг она произнесла:

– Я вижу Асана, он зовёт меня. Асан, я иду к тебе! – тихо сказала Эмине, и сердце её остановилось.

Безжизненно упали протянутые к кому-то невидимому руки. Глаза продолжали смотреть вверх, как будто тело хотело подняться вслед за душой. Эмине закрыли глаза.

Она умерла в двадцать семь лет, так и не став взрослой женщиной. Безжалостная смерть забрала сначала мужа, а потом и её жизнь, оставив сына и дочь без родителей. Эмине

ушла в мир иной, чтобы встретиться, наконец, там со своим любимым...

Так появилась на свет маленькая Айше, оставшаяся при рождении без отца и матери.

6 глава

Усеин

*Без мамы и отца во льду моя душа.
Согрей меня скорей, родная тез-ана!*

Как середина лета делит год на первую и вторую половину, родившаяся в июле Айше разделила жизнь её десятилетнего брата на «до» и «после». «До Айше у меня была мама, а теперь её нет, и виновата в этом сестрёнка», – думал Усеин. Крик родившейся девочки, плач взрослых на похоронах, пустой без мамы дом – всё смешалось в его голове. И словно ком чего-то тёмного, странного и непонятного тяжестью лёг на его маленькие плечи. После смерти отца он вдруг повзрослел, а после смерти мамы детство кончилось раз и навсегда.

Эмине похоронили и детей забрала к себе старшая сестра. У Мерьем было трое детей: два сына и дочь. Теперь их у неё стало пятеро.

Усеин рос спокойным, но очень любопытным мальчиком. Ему хотелось всюду залезть, всё потрогать, взять в руки. Родители не чаяли в нём души. Для Мерьем он любимый пле-

мянник, и она приняла его как родного сына. Айше стала для неё дочерью. Её сыновья немного старше Усеина. Мальчики в один день и час потеряли отцов и понимали, что теперь вся ответственность за семью ложится на их мужские плечи. У них большой дом, и работы хватало на всех. Сад, за которым надо ухаживать, полоть грядки, поливать, весной сажать овощи. По осени собирать с огорода урожай. Смотреть за домашней скотиной, помогать матери по хозяйству. Дочь Шевкие помогала маме, росла её главной помощницей и надеждой. Добродушная и миролюбивая Шевкие, ладила со всеми и была заботливой сестрой. Мальчики ходили в школу. Усеин и Айше называли Мерьем тез-аной, что означает – быстрая мама.

Усеин часто вспоминал родителей. Можно сказать, что воспоминания не выходили у него из головы. Он засыпал и просыпался с мыслями о них. Ему никогда не забыть, как отец учил его стрелять, пользоваться кинжалом, выживать в горах, разделывать убитую птицу. И самое главное, каким должен быть мужчина – смелым, решительным, сильным и справедливым, ответственным за семью, за свои слова и поступки. Когда он думал о маме, на глаза наворачивались слёзы. Он часто представлял, как она гладит его по голове, целует лоб, хвалит за помощь, журит за проделки и порванные штаны. Он помнит её запах, и как же хочется ему прижаться к ней сейчас и произнести это слово – ана! (мама). Спрятавшись за домом, он предавался воспоминаниям о прошлом,

хотя какое прошлое у маленького мужчины? Но у Усеина это прошлое было. Временами он убегал в горы, пока другие мальчишки играли во дворе, ходил по тропкам, где они вместе с отцом изучали местность и как заядлые охотники искали добычу. Им приходилось подолгу прятаться в кустах и не шевелиться, чтобы не спугнуть птицу.

В один из августовских дней Усеин опять поднялся в горы, хотел найти пещеру, в которой они с отцом останавливались и укрывались от дождя. Долго искал её, но всё-таки нашёл. От усталости там же и уснул. Приснились ему анá (мама) и баба́ (папа). Смотрят они на него и улыбаются, но вдруг мама заговорила чужим голосом. Усеин проснулся от страха и тут же услышал этот голос наяву. Это были мужские голоса. Он прижался к скале, чтобы его не заметили. Он давно слышал, что в горных лесах ещё есть разбойники, и, может, это даже те, кто убил его папу.

– Сеид, ну что тянуть, сегодня же расправимся с этим председателем, – сказал чей-то голос.

– Пора бы уже перебраться из этой страны и уехать в Турцию или Румынию. Сколько можно жить, как разбойники, надоело, – ответил другой голос.

– Ну не могу я видеть, что они сделали с нашим селением, повесили красную тряпку, а Халил, наш бывший батрак, над всем селением стал хозяином.

– Хорошо, Таир, порох у нас остался. Подложим возле стен дома и подожжём, устроим костёр для красных чертей.

А потом можно и перебраться куда подальше.

Недалеко от них шевельнулись кусты.

– Кто здесь? – насторожился голос.

– Да это сурок пробежал, – успокоил другой голос, – всё тебе мерещится что-то.

Голоса стали удаляться, и Усеин вышел из укрытия. Огляделся и побежал что есть мочи обратно в селение. Но тут его нога соскользнула с тропы, и он покатился вниз. Усеин пытается ухватиться за камни, но безуспешно. Камни катятся вниз и увлекают его за собой. Но вот куст шиповника. Усеин хватается за него, поцарапав руки и потянувшись другой рукой, достаёт каменный выступ. Подтягивается и выкарабкивается опять на тропку. Хорошо, что его не услышали преступники, наверное, ушли далеко. Он поспешил к председателю сельсовета сообщить об опасности.

Спустившись с горы, Усеин бежит к дяде Халилу. Дома никого нет, значит он в сельсовете. Подбежав к конторе, Усеин не может уже вымолвить ни слова:

– Там, там... – задыхаясь, говорит он и показывает в сторону горы.

– Что с тобой, Усеин? Где там? Кто? – спрашивает Халил. – Что-то с Мерьем?

– Там... я слышал, двое бандитов. Там, в горах. Они хотят ваш дом поджечь!

– Успокойся, Усеин. Спасибо, что сообщил, а теперь расскажи подробно и опиши их внешность.

Усеин только и мог сказать, как звали этих разбойников. Но и по именам Халил смог определить, кто это мог быть. Похоже, это взрослые дети одного из бывших местных помещиков. Видимо, они вовремя не успели сбежать, когда ревкомовцы вылавливали «контру». Благодаря Усеину бандиты были пойманы с поличным, когда залезли во двор к председателю.

С тех пор Усеин перестал ходить в горы один. Каждый день он приходил к деду Бекиру и бабушке. Дед – единственный близкий ему человек, с кем он мог поговорить по мужским делам. Они много беседовали. Бекир рассказывал интересные истории, легенды. А когда Усеин уходил на кладбище, то подолгу сидел у могил родителей. У могилы отца в надежде, что тот его слышит, он рассказывал о своей жизни, обещал хорошо учиться и стать уважаемым человеком.

Однажды сентябрьской ночью 1927 года Мерьем проснулась от необъяснимого чувства тревоги и громкого лая собак. Раздался гул из-под земли, вслед за ним вздрогнула и содрожалась вся земля. Как будто какая-то неведомая сила раскачала и встряхнула её, чтобы сбросить всё, что на ней стоит. Мерьем схватила спящую Айше и бросилась будить детей. Она звала всех на улицу, а в руках держала заходящуюся в истошном крике Айше.

– Выходите на улицу, все на улицу! – громко кричала Мерьем.

Усеин выбежал в чём был. Он никак не мог понять спроне, что случилось. По улицам металась земля, земля тряслась под ногами. Животные вели себя беспокойно, норвила убежать коза, овцы блеяли, металась, куры подняли переполох. Сердце выпрыгивало из груди Усеина от страха, а беспокойство взрослых усиливало его. Учитель из школы, успокаивал жителей как мог:

– Это землетрясение, отойдите от домов. Ведите женщин и детей на открытое пространство, – обращался он к мужчинам.

Кто-то из жителей призывал всех молиться. Кто-то кричал, что это Аллах их покарал, и теперь все погибнут. Но люди и без призывов усердно молились и просили Аллаха их пощадить. Страх перед неведомым вызывал у них мистический ужас.

Сильные толчки длились несколько часов, и последующие колебания земли не прекращались ещё три дня. Земля сотрясалась и никак не могла успокоиться. Все эти дни жители селения провели на улице. Мерьем забегала домой, рискуя попасть под завалы, за тёплой одеждой для детей. Ходили разные слухи, почему это произошло. Одни говорили быть войне, другие предполагали, что это проделки Шайтана. Люди паниковали, бежали из села, но в горах было ещё опаснее, особенно на дорогах. Отовсюду сыпались валуны и камни, откалывались куски от скал. Были оползни и обвалы гор-

ной породы. Люди, побывавшие в Судакe за несколько часов до этой страшной ночи, вспомнили о странных явлениях на море. Вода словно кипела и пенилась. Без ветра поднимались волны. Рыбаки не рисковали выходить в море, не понимая, что происходит. Все дни, пока землетрясение не прекращалось, по Крыму продолжалась паника. Люди уезжали с полуострова, отдыхающие покидали курорты. Над морем вспыхивали столбы пламени и появлялся дым, словно горело море. Постепенно всё успокоилось. Со временем забылось и землетрясение.

Айше росла. Брату приходилось нянчиться с ней, читать ей сказки, играть. Он старался как можно скорее улизнуть на улицу, где ждали его двоюродные братья и друзья, которые то и дело обозывали его нянькой.

Когда сестрёнка немного подросла, Усеин стал брать её с собой к дедушке Бекиру и бабушке Гульсум. Бекир постепенно ослеп совсем то ли от горя, то ли от болезни, а может, и от того и от другого. Из-за появившегося горба жители деревни стали называть его камбур-деде (дедушка-горбун). Он сажал внучку на колени, гладил по голове и украдкой плакал невидящими глазами. Гульсум часто болела, после похорон сына и невестки таяла на глазах и редко появлялась на людях. Иногда она вспоминала молодость и лучшие годы жизни – свадьба, рождение сыновей и дочери. В доме было всегда шумно. Ей нравилось наблюдать за детьми, как они смеются,

играют, ссорятся. Она часто представляла их будущее и какими людьми они станут. Но революция разрушила её семью и мечты. «Ахтем в другой стране. Асана уже нет в живых, Осман уехал далеко. Медине пока с нами, ей скоро замуж выходить. Бекир тоже сдал. Согнула нас жизнь, согнула...» – думала Гульсум, перебирая чётки.

Пришёл день, когда дочери Бекира исполнилось семнадцать лет. Повзрослевшая Медине превратилась в неторопливую застенчивую, меланхоличную и инертную девушку. Она часто откладывала свои дела на потом. Тонкие черты лица и греческий профиль придавали её внешности аристократичность и утончённость, а голову украшали густые кудрявые волосы, заплетённые в толстые косы.

Её выдали замуж, и она переехала в дом мужа – Мирана. Вскоре у молодых родился сын. Назвали его в честь погибшего брата Медине Асаном.

Бекир и Гульсум остались совсем одни. Дом опустел и оживал только тогда, когда приходили дети и внуки. Между тем после рождения сына в семье Медине произошёл разлад. Она не справлялась с хозяйством и ребёнком. Ведь в родительском доме девушка росла, не зная нужды, в роскоши, окружённая комфортом и достатком. До Советской власти у них была прислуга, а потом появилась невестка Эмине, которая вела хозяйство, и Медине не было надобности работать по дому, поэтому к замужеству она оказалась не готова. Однажды муж вернул свою жену обратно в родительский дом.

По мусульманским обычаям сыновья при разводе остаются с отцом, поэтому Медине потеряла не только мужа, но и сына. Иногда она всё-таки могла видаться с ребёнком. Её бывший муж разрешал забирать сына ненадолго к себе. У родителей ей пришлось научиться работать. Мама болела, отец ничего не видел, поэтому всё хозяйство легло на её плечи. Гульсум с Бекиром очень переживали за единственную дочь, ведь она осталась без семьи. Медине со временем изменилась, стала ответственной и работающей.

Усеина очень огорчала ситуация с тётей. Ему было жалко её и маленького Асана. Он был зол на Мирана, ведь это он «не справился с женой». Усеин решил: «Когда женюсь, буду помогать своей жене во всём и поддерживать, а не отказываться от неё только потому, что она не успевает что-то делать по дому».

Спустя четыре года умер дед Бекир. В последнее время он редко выходил на улицу, ничего не видел, даже солнце, а только чувствовал его. Во дворе Бекир садился на лавочку, наслаждался пением птиц и прислушивался к голосам на улице. Его радовали встречи с внуками, но жизнь потеряла для него смысл. Однажды он не проснулся...

Его похоронили рядом с Асаном и другими родственниками. Недолго после смерти мужа прожила и Гульсум. Смерть Бекира забрала её последние силы, и она тоже покинула этот мир. Последовала вслед за ним и сыном. Гульсум и Бекир повторили судьбу детей – Асана и Эминэ и ушли друг за дру-

гом. Наверное, так и происходит с людьми, когда между ними существует сильная привязанность. Многолетняя любовь имеет свойства настоявшегося крепкого вина, чем дольше она живёт в людях, тем она крепче. Мужчина и женщина прорастают друг в друга корнями и становятся единым целым. И если умирает один, другой уходит следом за ним.

Медине тяжело переносила одиночество и потерю родителей. Она не находила себе места и была в отчаянии, поэтому стала уговаривать Мерьем переехать всей семьёй к ней жить. К этому времени сыновья Мерьем выросли, стали широкоплечими, коренастыми парнями с разными характерами. Старший Абляким – мягкий, спокойный, но умеющий постоять за себя молодой человек. Абибулла – скрытный, энергичный и мечтательный. Старший сын уже жил самостоятельно в родительском доме матери. Повзрослевшие сыновья собирались жениться, и поэтому предложение Медине оказалось очень кстати. Освободив дом для Абибуллы, Мерьем с младшими детьми переехала к Медине.

Усеин тоже стал постарше. Детская травма из-за потери родителей, а затем и деда с бабушкой не давала ему покоя. Он часто грустил и молчал. В школе старался хорошо учиться, много читал, был активным комсомольцем. Чем старше становился Усеин, тем больше он дорожил сестрёнкой. Только она одна могла поднять ему настроение, и только с ней он чувствовал себя счастливым.

Вскоре из Азербайджана приехал Осман с женой, посе-

тить могилы родителей и брата. В тот день Усеин услышал, как дядя Осман договариваются о чём-то с Мерьем. Он прислушался.

– Мерьем, – обратился к тез-ане Осман, – мы хотели бы забрать Айше к себе на воспитание.

У Усеина сжалось сердце, сейчас заберут последнего близкого ему человека.

– О чём ты говоришь. Я как родная сестра Эмине должна позаботиться о её дочери. И я не буду разлучать девочку с братом. Им и так нелегко. Айше не игрушка, – ответила Мерьем. В её голосе прозвучала уверенность и непоколебимость.

– Ты же знаешь, у нас нет своих детей, – продолжал уговаривать её Осман.

– Нет! – категорически отрезала Мерьем.

Им пришлось уехать ни с чем. Айше осталась на радость Усеину.

В эти годы по стране шла активная агитационная борьба с религией. Верующим запрещали молиться. Закрывались мечети и церкви. В Таракташе дважды пытались снести минарет мечети Аджи Бей Джамии, но купол, отлитый из свинца, не поддавался варварству. Позднее в 1939 году минарет всё же будет разрушен.

В школе детей учили: бога нет, его придумали богатые, чтобы задурманить голову простым людям для их сми-

рения с несправедливостью и неравенством. Усеин приходил домой и замечал, что тез-ана продолжает молиться. Он не понимал её веры, рос атеистом, убеждённым комсомольцем, искренне преданным идеалам революции. Ему нравились лозунги и призывы к равенству и братству. Он говорил.

– Тез-ана, это же здорово, что люди – братья и что все равны. Разве не тому меня учили дед и отец? А религия – опиум для народа! Это Ленин, великий вождь революции, сказал.

Но тез-ана отвечала ему словами из Корана:

– «Разве ты не видел тех, которые обменяли милость Аллаха на неверие и поселили народ свой в жилище гибели?»

– Какой гибели? – с удивлением вопрошал Усеин. – Страна строит светлое будущее – коммунизм, где все будут равны! А значит, счастливы!

– Сынок, ты мал ещё, жизни не знаешь, вырастешь, поймёшь, – отвечала ему тез-ана.

У Медине и Мерьем бывали дни, когда они вынимали из укромного места оставшиеся от родителей драгоценности и выбирали какое-нибудь украшение для сдачи в скупку. Девочки, Айше и Шевкие, тут же оказывались рядом в предвкушении волшебства. Среди сокровищ были и очень древние украшения, доставшиеся от их матерей. Они передавались по наследству из поколения в поколение. И сколько им было лет или веков, никто не знал. Такой день становился насто-

ящим праздником для девочек! Из огромных сундуков, где могли уместиться два человека, доставались несметные сокровища. Женщины любовались ими, а девочки мерили ожерелья и бегали к зеркалу посмотреть на себя. Айше запомнила эти моменты как самые яркие воспоминания из детства, когда, надев золотые диадемы, заколки, кольца, браслеты и монисты мамы, она чувствовала себя принцессой. Золото носить, конечно же, они не могли. Это было опасно. По стране полным ходом шло раскулачивание и выселение зажиточных крестьян в далёкую Сибирь или Урал.

Но всё же не обходилось от проявлений скрытой, а порой неприкрытой зависти и ненависти к бывшим богачам со стороны некоторых жителей. Одни их сторонились, другие бросали ненавистные взгляды, третьи сочувствовали тому, что семья осталась без мужчин. Айше хорошо запомнился тот день, когда на улице какая-то женщина подошла к ней и сняла с её ушей золотые серёжки. Девочка с плачем прибежала домой и рассказала тёт-ане, что какая-то злая тётя украла её серёжки.

Жизнь шла своим чередом. Мерьем чувствовала себя счастливой, от того что вырастила всех детей. Какие они у неё красивые и умные! Только бы все были здоровы.

Сразу после окончания школы Усеин записался на курсы по подготовке счетоводов. Желание учиться было очень велико. Ведь он поклялся на могиле отца, что станет образо-

ванным и уважаемым человеком.

Это было время, когда вся молодая Советская страна училась. Призыв вождя революции В.И. Ленина: «Учиться, учиться и ещё раз учиться» воспринимался всеми буквально. Учились и старые и малые. Открывались курсы, строились школы, институты. Стройки первых пятилеток поднимали страну с колен. Жизнь была ключом, можно сказать страна крепла на одном энтузиазме.

Айше тоже подросла. Скоро ей идти в школу. Она сильно привязалась к сыну Медине, маленькому Асану. Называла его Асан-кедем (братишка), часто провожала его от дома отца до матери и обратно. Эти тёплые, почти материнские, чувства к нему останутся у неё навсегда.

Вскоре в доме Усеина произошло событие, которое окончательно зачеркнуло их безбедную жизнь. В один прекрасный день все домочадцы ушли на свадьбу. А когда вернулись, увидели в доме погром. Мерьем в первую очередь побежала к сундукам. И опасения её оправдались – подвал был открыт, ценности украдены.

– Золото, золота нет! – закричала она.

– Как же так, кто это сделал? – причитала Медине.

Подвал хорошо спрятан от посторонних глаз, но, может, в этот вечер его плохо прикрыли? Они долго рассуждали, кто это мог сделать. Версия, что кто-то из знакомых, вхожих в дом, обокрал семью, самая убедительная, а может, девоч-

ки случайно кому-то похвастались украшениями? Про это узнали взрослые дяди – охотники за чужими богатствами. Наверняка кое-кто догадывался, что в семье припрятано золото. А может, это убийцы Асана и Айдера? И спустя время они решили, что пора забраться в дом и украсть оставшиеся сокровища. Может, они следили за ними? В доме всегда много людей, а тут представился случай. И сколько бы вопросов они не задавали самим себе, ничего исправить уже было нельзя. В милицию сообщить о краже они не могли, чтобы не выдать себя за укрывательство имущества, подлежащего реквизиции. Сколько раз наследство спасало их от голода, помогало растить детей. Женщины и девочки плакали. Айше было жалко украденные мамины украшения, которые она мечтала когда-нибудь надеть. А женщины переживали, что не смогли уберечь наследство родителей.

– А что если опять голод? Выживем ли мы? – горевали они.

Только Усеин проявлял равнодушие к произошедшему случаю. Он успокаивал всех и говорил:

– Что вы беспокоитесь о такой ерунде? Это всё пережитки капитализма. Мне стыдно за вас. Золото – это зло, оно нажито за счёт эксплуатации бедных.

Спорить с ним никто не стал, бесполезно, его голова была забита социалистическими идеями. Он весь пропитался духом социализма и коммунизма.

После этих событий Мерьем решила перевезти семью в

город Судак. Медине осталась в доме отца.

Наступил 1933 год.

Семья переехала в город. К этому времени Мерьем женила своих сыновей. Её сын Абибулла уехал с семьёй в Керчь и начал работать на Керченском металлургическом заводе. Айше пошла в школу. Усеин заканчивал учёбу на курсах.

Судак давно и хорошо им знаком. До него из Таракташа они зачастую ходили пешком. По населённости он мало уступал их селению, хотя назывался городом. Это поистине райское место со средиземноморским климатом и растительностью, расположенное в [долине реки Судак](#). С севера город закрыт грядой гор, покрытых [буковым](#) и [дубовым](#) лесом, можжевельником и сосновыми рощами. Его улицы украшают оливковые, лавровые, тисовые деревья, финиковые пальмы, кипарисы. Сады полны плодами инжира, граната, персиков, абрикосов, слив, цитрусовых. Трудно даже поверить, что когда-то и здесь бушевал голод. Курортный город расположился на берегу Чёрного моря.

Всё построено вдоль берега – дома отдыха, жилые дома, санатории, школа, магазины и ресторан. Местные гиды знакомят приезжих с известными достопримечательностями: с мысом Алчак, Меганом, бухтой Гравийской, со сквозным разбойничим гротом, Генуэзской крепостью, горой Перчем. На территории Судака видны сразу несколько пейзажей: полупустынный ландшафт, тенистые леса, равнины с виноград-

никами на холмах. Горы стоят над морем и создают красивую живописную картину местности.

Весной Айше с одноклассниками и школьным учителем обычно ходили в поход по горам. Изучали местность и растительность. На переменах она бегала с одноклассницами купаться в море. Так близко к нему стояла их школа. Они часто опаздывали на урок, потому что не слышали звонок.

– Девочки, – обычно звала подруг Асие, – пора на урок. Опять учитель будет ругать.

– Сейчас, мы ещё немножко, – отвечала Айше.

Тогда Асие заходила в воду, брала Айше за руку и тащила к берегу. Та, смеясь, обнимала подругу за плечи и окунала её в тёплую морскую воду с головой. Выныривая, они окатывали друг друга морскими брызгами.

– Ну всё, Айше, хватит! – возмущённо говорила она. – Нам опять влетит, хва-а-ти-и-ит!

– Хорошо, выходим. Девочки, – кричала Айше, – пора!!! Девчата бежали в школу, оставляя за собой мокрые следы.

Когда они забегали в класс, учитель выстраивал их вдоль стены и отчитывал за плохое поведение. Вода стекала с их платьев и волос, но улыбка не сходила с лиц, которые они покорно опускали вниз, принимая порицание, а потом в прилипших к телам мокрых платьях, счастливые, сидели за партами, переглядываясь друг с другом, и тихо хихикали над своим смешным видом.

В летний сезон Судак обычно наводнён отдыхающими.

Столько людей сразу в одном месте редко где ещё увидишь. Приезжие сливались с местными. Они селились на частных дачах, в небольших гостиницах и санаториях. Для лечения использовалась вода из серного источника и песочные ванны. Курортники закапывали себя в нагретый солнцем песок, оставляя голову на поверхности, а над головой им устанавливали зонтик.

По вечерам Айше с подружками любили наблюдать за красиво одетыми дамами и барышнями с кавалерами, интересовались их нарядами. Когда какая-нибудь парочка уединялась в тёмном месте на скамейке парка, они выскакивали из темноты перед ними, пугая их и, смеясь, убегали. Иногда парочка бежала за ними вдогонку, желая проучить хулиганок. А девочки прятались и из-за укрытия смотрели, как их ищут раздосадованные влюблённые. Прохаживаясь среди курортников, они чувствовали себя взрослыми девушками. Порой один из встретившихся одноклассников говорил им: – Девчонки, что это вы тут гуляете, как взрослые? Вот маме скажу.

Им нравилось сидеть у воды, кидать камешки, а потом бегать друг с другом наперегонки. Набегавшись, они прыгали в воду прямо в платье, как на переменах. А пока возвращались домой, платья на них высыхали. Потом поправляли друг другу косы и разбегались по домам. Мерьем всегда узнавала по виду дочери, что та купалась. Платье было помято, волосы выбиты из кос. Ну и доставалось же тогда

Айше за то, что она вечером ходит на побережье.

– Сколько я тебе говорила, не ходите среди отдыхающих, возле дома играйте. Не буду больше выпускать тебя на улицу по вечерам.

– Ну-у, тез-ана, – плакала Айше, – ещё только восемь часов.

– Ты четыре часа назад ушла, не ужинала. Скажу брату, чтобы с тобой поговорил.

Курортный город в тёплое время года оживает, наполняется людьми. Все слетаются к Чёрному морю, как птицы. Берег покрывается раздетыми отдыхающими, а прибрежные воды – головами. Голоса людей, смех, крики чаек не смолкают до позднего вечера. Отдых располагает к общению. Он полон впечатлений и позволяет забыть о делах и проблемах. Свежий воздух, другая энергетика, незабываемые ощущения и впечатления, восстановление сил, смена обстановки позволяет приезжему курортнику почувствовать себя другим человеком. Морской воздух успокаивает, притягивает шумом и плеском волн.

В летнее время ветра приносят с собой прохладную ясную погоду. Море ласковое, мирное и дружелюбное. Ранним утром над ним видна яркая заря, играющая красками. Терпкий солёный воздух поступает с моря на сушу. Утренний ветерок свеж и приятен. Морской пейзаж прекрасен и просится на холст. После того, как солнце начинает подниматься,

небо становится бирюзовым. Зеркальная гладь воды сверкает бликами от солнечных лучей. На берегу тихо и уютно. В полдень его поверхность переливается то изумрудным, то лазуревым цветом. После жаркого дня вечерний бриз навевает с моря на берег прохладу. Ночью на поверхности воды виден размытый отблеск луны. Огни судов освещают не только курс корабля, но и тёмный небосклон, оставляя на море светящиеся блики. Пляж покрыт мягким, золотистого цвета песком. Морское дно пологое, без ям и обрывов. Чистый воздух, с запахом моря, ароматами степных и горных трав, наполняет лёгкие, придаёт хорошее настроение и силы.

Но в зимнее время Чёрное море всей мощью показывает свой крутой нрав, словно ему не нравятся холодная погода и ветер. Оно гневается на природу приливами волн, которые с неистовой силой бьются о берег, как будто срывают на нём своё негодование. От спокойного и ласкового летнего моря не остаётся и следа. Завывание ветра усиливает ощущение его грозного настроения. Оно враждебно ко всему и готово растерзать, и затопить всё, что по нему движется. Сила ветра достигает своего апогея, и начинается шторм. И горе тому, кто отважится покорить разгневанное море. Вода во время штормов становится то мутно-зелёной, то тёмно-синей, но чаще она чернеет. У берега стоит гул от перекатов морских волн. Брызги вперемешку с галькой и песком хлещут у берега, и всё это дополняется завывающим, пронизывающим морским ветром и пронзительным криком чаек...

Повзрослевший Усеин превратился в крепко сложенного, стройного молодого человека с густыми, кудрявыми и непослушными волосами. Характером и внешне стал похож на отца. Он рассудительный и уравновешенный, всегда подтянут и аккуратен. Жажда знаний и достижение высоких целей определяли его жизненный путь. Походка и чеканный шаг говорили об уверенности и убеждённости. Немного печальные глаза свидетельствовали о пережитых невзгодах.

Часто Усеин рассказывал Айше о других странах и землях – жарких и холодных.

– В холодных странах, – говорил он сестре, – почти никогда не бывает солнца.

– А разве там можно жить? – спрашивала Айше брата.

– Да, – отвечал Усеин, – люди везде живут. Вырастешь, мы с тобой там побываем.

– Нет, я не хочу в такие места, там темно, раз нет солнца.

– Да нет же, там не темно, просто небо всегда покрыто облаками. И они загораживают солнце. От этого холодно. Но всё равно там выращивают овощи, есть цветы и деревья.

– Странно, – с сомнением говорила Айше, – что за страна такая, без солнца?

– Есть страны, где всегда светит палящее солнце. Оно иссушает всё вокруг. В тех местах совсем нет воды, и ничего не растёт. И называются такие земли пустыни.

– А люди там живут?

– Да, живут. Они ездят на верблюдах, которые могут обходиться без воды целую неделю.

Айше слушала про такие места на земле, как сказку. И никак не могла поверить в то что слышит, но «Раз брат сказал, что есть, значит, есть», – рассуждала она.

Усеин закончил ещё одни курсы по подготовке колхозников в техникумы и вузы. Его педагог Василий Петрович был родом из украинского города Харькова. Он так нахваливал свой город и родные края, что Усеину захотелось поехать туда и поступить в тот же институт, который закончил его учитель.

Пришло время, и он собрался в дальнюю дорогу. Трудно было расставаться с сестрой.

– Айше, ты не расстраивайся, – говорил он сестрёнке, – я буду часто приезжать, и когда-нибудь мы съездим в Харьков, посмотрим город. Сходим с тобой в парк, покатаемся на трамвае.

– А что такое трамвай? – спрашивала его сестра.

– Это вагон, который едет по рельсам внутри города.

– А какой он вагон, красивый?

– Я тебе всё покажу.

Усеин попрощался с родными и поехал на вокзал.

В окна поезда он смотрел на пролетающие мимо леса, степи, горы, города. В пути ему встречались люди разных национальностей, дружелюбные и приветливые. Какая же кра-

сивая его страна, такая огромная, что можно ехать по ней несколько дней. Крым, Кавказ, Украина – все живут, как одна семья одной страны – Советской! И гордость за Родину переполняла его сердце.

Харьков встретил его тёплой солнечной погодой. Город утопал в зелени. Повсюду сновали прохожие. Их было так много, что Усеин то и дело натыкался на них, когда шёл по улице. Горожане заходили в автобус, толкались. Кто-то ворчал, кто-то смеялся. Молодёжь ехала стайками и группами на учёбу или работу. Трамваи шли по рельсам. Город удивлял. Голоса людей, сигналы машин, трели трамваев и велосипедов сливались в единый шум. Стояли жилые дома, красивые здания учреждений, гостиниц, вокзалов. Зеленели парки. Театры звали на премьеры, висели афиши и плакаты. Красивые старинные здания соседствовали с современными домами. На них алели красные флаги и полотна с лозунгами социализма. Высотные здания новостроек возвышались над городом и были видны издалека. Харьков строился. Усеин словно попал в другой мир. В этот момент он подумал, что именно так и выглядит строительство коммунизма! Незнакомый национальный колорит, красивые девушки – всё привлекало его внимание и вызывало интерес. Он вспомнил, как дед Бекир рассказывал, что по украинской земле прошлась Первая мировая война и его дяди, Ахтем и Осман, воевали здесь против германцев.

В Харькове он сдал документы в институт и получил место в общежитии. От усталости и впечатлений вечером в комнате общежития, наполненной людьми, он быстро уснул. Завтра ему рано вставать...

Усеин проснулся раньше всех и, выглянув в окно, невольно залюбовался утренним городом. Волна романтических ощущений нахлынула на него в предчувствии счастья. Как прекрасно утро! Это время чудес, когда зарождается новый день. И не просто зарождается, а каждый раз воскресает из мглы. Пронзительна и удивительна тишина спящего города перед рождением дня! В ранние утренние часы слегка освещённое небо кажется серым и неприветливым. Легкая дымка простирается над городом и висит достаточно низко. Как только солнце выглядывает из-за горизонта, эта дымка растворяется в свете лучей. Верхушки деревьев и крыши домов покрываются солнечной позолотой.

Просыпаются птицы и начинают чирикать, делясь своими впечатлениями и планами на день. По улицам одиноко слоняется собака в поисках пищи. Где-то слышно мяуканье кошки. Первый трамвай не спеша идёт по рельсам. Его звуки похожи на уличный будильник, который переливным звоном напоминает, что уже утро и пора вставать. Слышится трель велосипедного звонка, предупреждающего живность уйти с дороги. Видимо какой-то горожанин торопится по своим ранним делам. На остановках появляются первые пас-

сажиры. Разговоров не слышно, они стоят молча, боясь не спугнуть своё сонное состояние.

Вот солнце поднялось выше, и уже виден ореол его сияния. Лучи засверкали как-то вдруг, внезапно, и забегали по стёклам окон и витрин, ослепляя дома и прохожих. Переливающимися алмазными гранями они осветили всё вокруг и огненными стрелами пронзили воздух, штурмуя уходящую мглу. Городские деревья в парках и вдоль дорог наполнили воздух утренней свежестью и запахом зелени.

Проснувшиеся жители открывают окна, чтобы вдохнуть утреннюю прохладу, и стёкла их окон, встретившись с лучами солнца, в ответ начинают играть солнечными зайчиками, прыгающими по утреннему городу. Небо становится ярче, окрашивается синевой и по нему как по морю тут же поплыли белые, пушистые облачные корабли. Ангелами земли, плавно взмахивая крыльями, бесшумно пролетела по небу стая птиц.

Пронырливые лучи заглянули во все щели и окна домов. Для них нет тайн. Они по-хозяйски проникают ко всем и весело, играючи, светят в глаза, заставляя жмуриться, как будто хотят рассмешить. После ночного дождика город умыт, блестят дороги, крыши домов сверкают в вышине новыми красками. Дворники первые начинают рабочие будни. Они торопятся поскорее всё подмести, пока прохожие не станут им мешать. Издалека раздаётся звон колоколов церкви. Новый день торжественно открыт!

После успешной сдачи экзаменов, Усеина зачислили в институт. Начались студенческие будни: рефераты, зачёты, семестры, сессии...

На следующее лето он повёз сестрёнку в Харьков. Впервые Айше ехала на поезде. Ей нравилось смотреть с верхней полки купе в окно, мимо которого проплывали красивые картинки городов, сёл и станций.

Ночью было ещё интересней. Все спали..., в окно тускло светили фонари какой-то станции, а Айше, лёжа на животе и, уткнувшись подбородком в подушку, наблюдала за одиночными пассажирами, проходящими мимо. С озабоченными и сонными лицами они уныло брели по перрону, волоча за собой чемоданы или мешки. Мимо окна не торопясь прошёл сердитый милиционер со свистком в зубах. Он внимательно смотрел по сторонам, словно кого-то искал. Потом к её окну подошёл обходчик и с серьёзным, важным видом, наклонившись под вагон, принялся стучать кувалдой по колёсам поезда. Стучал и прислушивался к этим звукам, будто они издавали музыку, чем очень удивил Айше. А затем, устремив свой взгляд на другие колёса, исчез из виду. Напротив неё спал брат, укрывшись простынёй с головой. Айше пыталась осторожно стянуть с его лица простыню, чтобы он не задохнулся, но Усеин опять натягивал её на себя и продолжал спать, а она тихо хихикала в подушку. Внизу громко храпели муж с женой. Вскоре под их монотонный храп она незаметно

для себя заснула.

Днём проводник приносил в купе горячий чай с сахаром в больших гранёных стаканах в железных красивых подстаканниках. Весь день Айше не могла усидеть на одном месте. То гуляла по вагону, то заглядывала в открытые двери соседних купе, то в купе проводника. Наблюдала, как он разливал в стаканы кипяток из большого металлического самовара, бросая в них брикеты чая. А Усеин то и дело звал её обратно.

– Айше, – говорил он сестре, – ты что, не можешь посидеть на одном месте? Нехорошо заглядывать к чужим людям.

Взрослые постоянно о чём-то беседовали, а Айше смотрела в окно, но когда ей было скучно, она перебивала их, задавая бесконечные вопросы.

Незабываемое ощущение счастья и яркие впечатления от путешествия с братом в неизведанные места приводило её в восторг. Уже в Харькове, она продолжала открывать для себя новый мир. Они подолгу гуляли с братом по улицам, катались на автобусе и трамвае. Ходили в кукольный театр и кинотеатр. Прекрасный город, не похожий на их край, очаровал её своими высокими многоэтажными домами, многочисленными прохожими, постоянно спешащими куда-то. Автомобили, светофоры, постовые милиционеры в белой форме – всё привлекало её внимание. Рано утром город поливала машина с брызгающими фонтанами по бокам. Повсюду висели вывески, красные флаги, репродукторы на столбах. А вечером все жители города выходили в парки прогуляться по

аллеям или просто посидеть на скамейках, где залихватскими переборами звучала весёлая гармонь. Играли духовые оркестры, создавая праздничное настроение. Продавались мороженое и лимонад.

Перед самым отъездом Айше сказала брату:

– Когда я вырасту, тоже приеду сюда учиться.

– Хорошо, сестрёнка, – говорил Усеин. – Таких красивых городов в нашей стране великое множество, и все будут ждать тебя, не волнуйся.

Общение с братом заменяло ей отсутствие матери и отца. Его забота придавала уверенность в себе. Это путешествие ей не забыть уже никогда...

Усеин всё успевал: учиться, вести общественную и комсомольскую работу в институте, вечером работать грузчиком на железной дороге. В общежитии у него появилось много друзей. Он редко ходил с ними на вечеринки и танцы, но праздники они всегда отмечали вместе. Учёба и работа занимали всё его время.

В институте Усеин был активным комсомольцем и уже на третьем курсе вступил в ряды коммунистической партии и стал более ответственным перед Родиной. Ведь он в первых рядах строителей коммунизма и должен показывать другим пример. Так считал Усеин, потому что его вера в дело партии равнялась вере в бога у истинно верующих.

Незаметно пролетели годы учёбы. В день защиты диплома Усеин зашёл в парк, чтобы на свежем воздухе ещё раз прочитать дипломную работу. На скамейке, напротив, сидела девушка. Он невольно залюбовался ею, словно весенним цветом. Она была одета в голубое ситцевое платье с рисунком ярко-синих васильков, удачно дополнявших её образ. Светлые волосы, собранные в забавный хвостик, подчёркивали белизну кожи и цвет голубых глаз.

Девушка горько плакала. Усеин подошёл к ней и спросил:

– Извините, чем я могу вам помочь?

Она подняла свои красивые глаза, утонувшие в слезах, и увидела перед собой стройного чернобрового юношу.

– Нет, ничем, мне не нужна помощь. Мне ничего уже не поможет.

– Почему? Безвыходных положений не бывает.

– У меня умерла мама, – сказала девушка и разрыдалась ещё громче.

– Я сочувствую вашему горю. У меня тоже умерла мама, когда мне было десять лет.

Девушка взглянула на него ещё раз.

– Значит, вы знаете, что такое потерять близкого человека?

– Разрешите посидеть с вами, может, вы расскажете мне, что случилось с вашей мамой?

Они разговорились. Ему показалось, что он знает эту девушку давно. Он собрался было уходить, но вспомнил, что

не узнал её имя.

– Извините, я забыл самое главное. Разрешите представиться, меня зовут Усеин, а вас? – спросил он.

– Мария, – ответила девушка. – А кто вы?

– Я крымский татарин, приехал из города Судака.

– Рада была познакомиться.

– Я тоже очень рад. Ну, мне пора, я побежал в институт.

– До свидания, Усеин, – попрощалась Мария.

Защита прошла успешно, теперь он настоящий экономист! «Отец был бы доволен», – думал Усеин. Вечером с друзьями он пошёл в кафе отмечать окончание учёбы. Подходя к кафе, вдруг увидел Марию. Ту самую девушку, с которой разговаривал утром.

– Мария! – окликнул её Усеин.

– А, Усеин. Вы как здесь?

– Вот в кафе пришли с друзьями. Пойдёмте с нами.

– Нет, ну что вы. Идите, веселитесь. Я домой.

– А можно я вас провожу? – предложил Усеин.

– А как же кафе?

– Да никуда оно не денется, успею.

– Ну, хорошо, – согласилась Мария, – пойдёмте.

Они шли, разговаривали как старые знакомые. Усеин шутил, был весел и счастлив. Незаметно пришла пора расставания.

– Мария, давай встретимся завтра?

– Завтра? Я могу только в субботу?

– Извини, но послезавтра я уезжаю домой, в Крым.

– К сожалению, завтра я не могу. Усеин, мне пора. Прощай! Будешь в Харькове – заходи, – сказала Мария, когда они подошли к её дому.

– Я буду писать.

– Пиши, адрес ты теперь знаешь, – сказала она ему на прощание.

Усеин ушёл, опустив голову. Нашёл такую девушку и перед самым отъездом! Что за невезение!

Он вернулся в Судак. Там ему сразу предложили должность главного бухгалтера «Судакского винсовхоза», одного из важных центров виноградарства и виноделия в Крыму. Это передовое хозяйство объединяет пять долин: Судакскую, Ай-Савскую, Таракташскую, Айванскую и Сууксинскую. Жизнь закрутила Усеина, но Мария не выходила из головы. Он писал ей письма каждый день. И с каждым днём убеждался, что не может без неё жить. «Я влюблен! Так здорово! Так вот что такое любовь! Я просыпаюсь, думая о Марии, и засыпаю, думая о ней. Нет, не могу больше так. Всё, еду и женюсь. А что, если она не согласится?» – мучился вопросами Усеин.

Как-то он спросил у Айше:

– Айше, как ты думаешь, в меня можно влюбиться?

– Конечно, Усеин. Я же люблю тебя!

– Нет, это не то. Может в меня влюбиться какая-нибудь

девушка? Я интересный?

– А-а, всё ясно, ты влюбился. А кто она? Покажи.

– Она далеко, в Харькове.

– А почему ты её там оставил?

– Понимаешь, сестрёнка, времени не было ухаживать, уехал я.

– Ну, так ты её потеряешь, может, у неё уже есть жених.

– Жених?! Ты что, не может быть! – заволновался Усеин.

Он вдруг понял: медлить нельзя, так можно потерять Марию. На следующий день он отпросился на работе и поехал за Марией. По дороге с уверенностью подумал: «Теперь я точно без неё не вернусь».

Приехав в Харьков поздно вечером, Усеин устроился на ночлег в гостинице. Но ему не спалось. Он решил дойти до дома Марии. С волнением подошёл к её двери и постучался. Никто не ответил. Выглянула соседка и сказала:

– Что стучишься? Ночь на дворе. Нет её, уехала.

– Куда? Когда?

– Не знаю, – ответила соседка и закрыла свою дверь.

Усеин сел на ступеньки подъезда. Он не мог ни о чём другом думать, кроме неё. Где она? Почему уехала? Куда? Досидев до утра, он постучался в другую дверь. Вышла молодая женщина и сообщила Усеину, что Мария в больнице.

– А вы кто ей? – спросила она Усеина, который уже помчался на поиски Марии.

– Я её жених! – крикнул он, выбегая из подъезда.

Пока Усеин шёл по улице, в его голове крутилась запоздалая мысль:

«Что ж я не спросил, в какой она больнице? Вот эта ближайшая, – решил он, подойдя к больничному корпусу. – А ведь я не знаю, что с ней, вдруг что-то серьёзное?»

С такими мыслями он зашёл в приёмный покой. Там ему ответили, что такой больной у них нет. Усеин был обескуражен. Что делать? Значит она в другой больнице, но какой? И вдруг увидел Марию.

– Мария! – окликнул её Усеин.

– Усеин! – обрадовалась Мария. – Как ты меня нашёл?

Мне сказали, что ты заболела. Всё хорошо у тебя?

– Заболела? Нет, не я. У меня всё нормально. Сестру привезла вчера с аппендицитом. Всю ночь не спала, ждала, когда сделают операцию, потом сидела около неё. Всё хорошо теперь. А ты как здесь оказался?

– Я приехал за тобой.

– За мной? – удивилась Мария.

– Да, я люблю тебя! Выходи за меня замуж! – выпалил Усеин. – Ты писала, что скучаешь, я тоже сильно скучал, вот не выдержал и приехал. Приехал за тобой.

Мария засмеялась.

– Усеин, я так сразу не могу тебе ответить.

– Хорошо, я подожду. Только, пожалуйста, не думай долго, мне скоро возвращаться на работу.

– Какой ты быстрый! Я ночь не спала. Давай завтра встре-

тимся.

До завтра Усеин дожидаться не мог. Вечером с охапкой цветов он пришел к Марии. Его настойчивость льстила девушке, тем более Усеин нравился ей, и она тоже не могла забыть его с тех пор, как он уехал домой. Мария предложила прогуляться по вечернему городу.

На улице благоухала весна, воздух наполнился пьянящими запахами акации, магнолий и жасмина. Суетливый шумный день подошёл к концу. Люди устало расходились по домам. Постепенно стихал шум улиц. Утомленные за день бушующим людским потоком автобусы, трамваи, машины лениво провожали последних пассажиров. Уходящее солнце прощалось с прошедшим днём вечерним отсветом окон. Постепенно гас дневной свет. В домах зажглось пришедшее ему на смену электрическое освещение в виде множества светящихся огоньков, которые никогда не загораются и не гаснут одновременно. Из окон доносились голоса людей, звуки музыки. Мария с Усеином не торопясь шли по городу, наслаждаясь весной и тихим весенним вечером.

Их романтический настрой прервали подошедшие к ним три парня. Один из них попросил прикурить. Усеин знал, что за этой банальной фразой последует и внутренне подготовился к драке.

– Я не курю, – ответил Усеин.

– А девушка?

– Я тоже, – ответила смущенная Мария.

– Слушайте, парни, зачем такой девушке этот правильный мужик? Идём с нами, красавица!

– Дайте нам пройти! – резким тоном сказал хулиганам Усеин.

– Уходи, быстро! – шепнул он Марии. – Я сам разберусь.

Парни обступили Усеина со всех сторон. Владая тактикой и приёмами борьбы куреш и бокса, он быстро справился с двумя, а третий убежал. Связав одного своим ремнём, а другого его же ремнём, Усеин подумал: «Оставить их тут или вызвать милицию?» В это время он услышал свисток. К нему подбежали милиционер и Мария.

– Усеин, ты в порядке? Я нашла милиционера.

– Молодец, товарищ! – молодой милиционер протянул руку Усеину. – Ловко вы с ними справились. Это известные хулиганы в районе. Но вам придётся пройти со мной в участок для дачи показаний.

Мария с Усеином согласились. Не разгуливать же этой шпане по городу. Они должны понести наказание. В участке его уговаривали пойти к ним на службу, на что Усеин ответил:

– Нет, не могу, я из Крыма. Приехал за невестой, за девушкой Марией. Она меня ждёт в коридоре.

– Ну что ж, спасибо ещё раз за помощь, – дежурный пожал ему руку.

А в коридоре уже знакомый милиционер сказал Марии:

– Девушка, держитесь за этого парня. Он надёжный человек!

– Спасибо, – ответила Мария, – я знаю.

Проводив Марию до дома, Усеин обратился к ней снова:

– Мария! Я прошу твоей руки. Ответь мне сейчас.

Девушка не выдержала натиска влюблённого парня и сда-лась.

– Хорошо, Усеин, я согласна.

Они обнялись и решили завтра же подать заявление в ЗАГС. Ночью Усеин долго не мог уснуть. Он нашел свою судьбу!

За окном стояла ночь... После шумного, яркого, ослепительного дня всепоглощающая темнота накрыла землю и оглушила тишиной. Померкли краски дня, исчезли звуки дневной суеты. Повсюду на земле зажглись электрические фонари. С высоты птичьего полёта виднелись чернеющие дыры земли, исчезли, раздавленные тьмой, неосвещенные места. В ослепляющей мгле лежали поля, леса, луга. Земля, утопая в объятиях ночи, впала в забвение ...

Через два дня их расписали. А в выходные молодые отметили с друзьями это событие в ресторане. Усеин нашёл своих однокурсников и пригласил на свадебное торжество. Это был праздничный ужин, который они запомнят навсегда как самый счастливый в их жизни. На следующий день после торжества молодожёны уехали в Крым.

В Судаке Марию встретил райский уголок земли: благоухание цветов, пальмы, кипарисы, море. Экзотические фрукты: инжир, гранаты, мандарины, апельсины. Родные Усеина с радостью приняли Марию в свою семью. Его жена оказалась общительной, открытой и жизнерадостной девушкой, живущей в гармонии с собой и окружающим миром. Молодые обошли все окрестности, побывали в Таракташе, прогулялись по побережью. Усеин научил жену плавать. Она познакомилась с бытом и традициями крымских татар. Мария полюбила этот край. Судак напоминал ей родину. Такой же солнечный, шумный и гостеприимный, как её родной край и любимый Харьков.

Выйдя на работу, Усеин объявил всем, что женился.

– Ну ты скорый какой! Не ожидали! А где свадьба? Кто невеста?

– Невеста из Харькова – Мария. Свадьба? Отметим обязательно!

– Слышали мы о твоих подвигах. Нам прислали благодарность из отдела внутренних дел города Харькова. И мы тоже в свою очередь объявляем тебе благодарность за мужество. Молодец! И как ты справился с тремя хулиганами?

– Бокс, куреш – вот и весь секрет! – ответил Усеин.

Молодые ещё раз отметили свою свадьбу уже в Судаке. Усеин пригласил на торжество своих родственников и сослуживцев. Вскоре горком партии вручил им ключи от нового

дома. И это были ещё не все радости жизни. Мария ждала ребёнка!

В 1939 году у них родилась дочь – Эльвира. На следующий год, в возрасте всего двадцати трёх лет, Усеина как перспективного молодого специалиста избрали секретарём парторганизации винзавода «Судак». Целыми днями он пропадал на работе и на собраниях, отдавая все силы и время винсовхозу и делу партии. В 1939-1940гг. совхоз участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и удостоился премии и диплома первой степени. После выставки Усеин побывал на Всесоюзной научно-исследовательской станции виноделия и виноградарства «Магарач» в городе Ялте по случаю её преобразования во Всесоюзный научно-исследовательский институт виноделия и виноградарства. С собой в поездку он взял сестрёнку. И они опять были вместе, гуляли по городу и набережной.

В 1940 году у Усеина с Марией было уже двое детей – сын и дочь. Сына они назвали Валерием в честь лётчика-испытателя, Героя Советского Союза – Валерия Чкалова.

«Вот оно – счастье! – думал Усеин, когда держал своих детей на руках. – У нас всё впереди. Родина, партия, семья и дети, что может быть важнее этого для советского человека?!»

7 глава

Айше

*Я помню детство, море, пляж
и мой любимый Таракташ!*

Детство Айше запомнилось как самое светлое, радостное время в её жизни. В школе ей было всё интересно: учиться, ходить в разные кружки, петь в самодеятельности. Дома её любили. Тез-ана, сестра, братья заботились и оберегали. Она всегда знала, что мама умерла давно, ещё при её рождении. Мерьем не пыталась стать для неё единственной матерью и хотела, чтобы Айше знала всё о своей родной маме, и поэтому часто о ней рассказывала.

В доме висел портрет Эмине. С него на девочку глядела мама – восточная принцесса в национальном наряде и украшениях. На комодe стояло свадебное фото родителей. Часто Мерьем подходила к нему с маленькой Айше на руках и говорила:

– Вот твоя мама! Она любит тебя и всегда будет с тобой. А это твой папа, он был самым лучшим!

И Айше всегда знала, что красивая тётя на портрете – ма-

ма, а мужчина на фото рядом с ней – отец. Мерьем тоже любила дочку Эминэ как мать, и ей было очень жаль сестру и её ребёнка.

Когда Айше была маленькая, брат нянчился с ней, они вместе росли, хотя разница в десять лет была значительной. Усеин читал ей книги, учил читать и считать. Поэтому, когда сестрёнка пошла в школу, она уже многое знала. Брат рассказывал ей смешные небылицы, а Айше заливалась звонким смехом. В выходные дни по горным тропам они ходили в Таракташ. По дороге сестра пряталась от него, чтобы, выглядывая из-за выступа скалы наблюдать, как Усеин волнуется и ищет её. А сама неожиданно выскакивала из укрытия и кричала:

– А вот и я!

Брат начинал догонять, а Айше убегала с визгом и смехом.

Зайдя к деду Бекиру и бабушке Гульсум, она бежала сразу к кроликам, брала их в руки и прижимала к груди.

– Айше, – окликал Бекир внучку, – ну-ка, дай посмотреть, как ты выросла.

Как обычно Бекир поднимает её на руки. Она обнимает деда и тут же просит:

– Карт-баба́ (дед), ну, отпустите. Я с Айдын (кличка собаки) погуляю на улице.

Она берёт собаку и, выйдя за ворота, отпускает её с поводка. Собака начинает лаять на всех подряд, а Айше кричит:

– Фу, Айдын, нельзя.

Подняв хвост, Айдын бежит к хозяйке и, виляя им, кружится вокруг неё. Его редко отпускают погулять, поэтому он так выражает ей свою признательность.

Айше идёт к подругам, встав у ворот дома Сафие, громко зовёт её:

– Сафие, выходи, я пришла.

Дождавшись подругу, они идут к горе и там, на травке, начинают играть в «больших»: маму, продавца или учительницу. Вскоре на пригорке собираются другие девочки, и игра разворачивается в целый спектакль. Для игр в ход идёт всё: камни, трава, земля, лоскутки, дощечки. Мальчишки тут же неподалёку играют в «мишень» (игра с мячом), ашики (игра в косточки) или футбол. Лазают по деревьям и горам, поднимают голубей в бездонную голубую высь под свист и хлопанье в ладоши. Они часто шумно спорят между собой, кидают жребий на камешках или читают считалки, скороговорки, чтобы решить, кто из них первый начнёт игру или соревнование.

Любила Айше своего кедешку (братика) Асанчика – сына тёти Медине. После игр с подружками она шла к тёте и, зайдя в дом, сразу спрашивала:

– Абла, а где Асанчик? Он у папы? А-а, вот он, маленький! Покажи-ка, выросли ли у тебя зубки?

С Асаном они долго играют в прятки и догонялки. Айше хочется взять его на ручки, но Асан тяжёлый, а сама она ещё маленькая. Девочка кряхтит и чуть отрывает его от пола. Тут

входит Медине и просит:

– Айше, не поднимай, он же тяжёлый.

Потом приходит пора отводить Асана к папе. Взяв за руку братика, они идут к дому дяди Мирана. Прощаются. Айше целует его в щёчки и вприпрыжку бежит к дому деда.

Бабушка Гульсум зовёт внучку кушать:

– Айше, ну как ты, нагулялась, кушать хочешь? Я испекла тебе твои любимые чибореки (чебуреки) и пахлаву.

Айше прижимается к ногам бабушки и смотрит на неё снизу вверх с озорной улыбкой.

– Да, карт-ана (бабушка), буду!

Ей нравилось слушать деда Бекира, его сказки и легенды. Она часто задавала ему множество вопросов:

– Деда, расскажи, откуда взялись горы, почему идёт дождь, почему собаки не разговаривают, почему...

– Подожди, Айше, не всё сразу, расскажу, что знаю, не торопись.

– Карт-баба́ (дедушка), а почему на нашем кизиле так много ягод?

– Значит, будет холодная зима.

– Из-за ягод?

– Примета такая. Есть и легенда об этом, вот, послушай: когда Аллах сотворил мир, люди и животные стали делить между собой растения. Пришел и хитрый Шайтан. "Ну, а ты чего хочешь?" – спросил у него Аллах. Тот посмотрел лукавыми глазами и сказал: «Отдай мне кизил». «Забирай», –

сказал ему Аллах. Шайтан был рад, ведь кизил цветёт раньше других растений, а значит, и урожай даст прежде других, и он разбогатеет. Но лето прошло, а кизил, хоть и покраснел, все равно оставался твердым. Шайтан от злости и сказал людям: «Берите себе кизил, мне он не нужен». Люди начали собирать ягоды, а они оказались почти чёрные, сладкие. И стали они смеяться над Шайтаном, что не вышло у него разбогатеть на кизиле. Тогда Шайтан и решил отомстить людям. На следующий год он сделал так, что кизила уродилось вдвое больше, чем раньше. Солнце потратило на него всё своё тепло, и вслед за осенью наступила суровая зима с сильными морозами и холодными ветрами. С тех пор в Крыму существует примета: большой урожай кизила – к очень холодной зиме.

– А я сорву ягоды, и их станет мало. Тогда не будет холодно? – спросила внучка.

Бекир рассмеялся и ответил:

– Люди не властны над природой, созданной Аллахом.

Вот так обычно проходил выходной день. Утром рано Айше с братом возвращались в Судак.

Всё лето она купалась в Чёрном море, каталась на лодке и даже бывала на экскурсии на корабле. Проводила лето в пионерских лагерях. И всегда мечтала попасть во Всесоюзный лагерь «Артек» в городе Ялте. Там отдыхали лучшие пионеры страны, отличники, герои, дети разных националь-

ностей и дети коммунистов-иностранцев, а местной ребятне туда попасть было невозможно. Но в 1939 году её мечта всё-таки сбылась. Сбылась благодаря брату.

– Айше, – зайдя в дом к тез-ане, позвал сестру Усеин, – отгадай, что я тебе принёс?

Он крутит какую-то бумажку над собой. Айше подпрыгивает, пытаясь достать.

– Ну, Усеин, – говорит она обиженно, – я же не маленькая. Покажи, что это?

– Ну, ладно, бери. Ты едешь в Артек!

– В Артек? – не верит своим ушам Айше. – Не может быть!

Она хватается путёвку, читает:

– Путёвка в Артек! Ура!!! – радостно кричит она и обнимает брата.

Усеин достал путёвку для сестры по партийной линии. Было непросто. Пришлось долго уговаривать секретаря горкома.

Летний месяц в Артеке запомнился на всю жизнь: насыщенные событиями, встречами и общением дни лагеря. Тысячи детей со всех уголков Родины и с разных концов планеты. Игры, соревнования, кино, плавание, походы и ежедневные костры. Айше участвовала в самодеятельности, пела и танцевала. Каждый день ребята устраивали отрядный костёр с печеной картошкой и обязательно под песню «Картошка»:

Ах, картошка – объеденье-денье-денье,

Пионеров идеал-ал-ал!

Тот не знает наслажденья-денья-денья-денья,

Кто картошки не едал-дал-дал!

Дети ходили строем под речёвки, пели песни о Сталине, совершали прогулки по морю на лодках с песнями. Сдавали нормы ГТО (готов к труду и обороне), играли в военные игры. Каждый пионер должен уметь плавать, метко стрелять из винтовки, быстро бегать и высоко прыгать. Правда, Айше не могла поднять винтовку, чтобы выстрелить стоя. Для неё она очень тяжёлая и большая, но из «положения лёжа» ей это удавалось. Надо было только вовремя отодвинуть плечо, чтобы приклад не ударил в него при выстреле. Вечером все смотрели фильмы на свежем воздухе и дружно смеялись, когда «крутили» комедию. В лагере стоял огромный, «почти до неба» (так казалось Айше), портрет вождя И. В. Сталина.

Айше вернулась из Артека совсем другой. Она стала взрослей, счастливей. Много и захлёб рассказывала о детях в лагере:

– Там были дети-знаменитости! Многие из них получили путёвки за подвиги или за отличную учёбу. Столько интересных историй я слышала! Тез-ана! – с восторгом рассказывала

Айше. – Какая огромная у нас страна! Вы не представляете, сколько там было детей! Они из дальних деревень, аулов и кишлаков. Я подружилась с девочками из разных республик. Буду с ними переписываться. Она любила напевать песенку о вожде всех народов – Сталине и говорила:

– Послушай, тез-ана песню, мы её каждый день пели:

Мы – пионеры Родины великой,
Заботой партии всегда окружены,
Мы скажем все горячее спасибо
Родному Сталину, вожатому страны!

Здесь – воздух голубой,
У берегов шумит прибой,
Кто был хоть раз,
Тот будет помнить всех,
И силуэт горы,
И под горой – костры,
Артек! Артек!

Спев песню для Мерьем, она быстро убежала на улицу, продолжая напевать уже другую песню о вождях:

И помнит каждый час
Великий Молотов о нас!
Как много сделал этот человек!

Мы во дворце живём,
И мы всегда поём:
«Артек! Артек!»

Отдых весёлый наш с песней проходит,
Дружной семьёй мы в Артеке живём.
Время придёт – песня в путь нас проводит,
Дружбу на память с собой мы возьмём.

Детство – самая счастливая пора для Айше. Каждый день устраивались праздники, игры, конкурсы. Взрослые возили их в зоопарк, театры, музеи. Особенно интересно было в пионерских лагерях. Вкусная еда, конфеты, представления, знакомства со знаменитыми людьми, героями революции – всего не перечислить. Когда она входила в автобус, взрослые уступали ей место, как маленькой принцессе и говорили обычно так:

– Мужчина, уступите место девочке, пусть малышка сядет.

Айше навсегда запомнилось чувство защищённости, заботы государства и любви взрослых к детям.

С сестрой Шевкие и тез-аной она иногда навещала брата Абибуллу в Керчи. При входе на территорию металлургического завода первым в ряду передовиков производства всегда висел большой портрет Абибуллы. Айше говорила брату:

– Абибулла-даи, ты такой знаменитый и портрет твой

огромный, как у Сталина.

Из-за значительной разницы в возрасте она обращалась к брату уважительно – даи (дядя).

– Не говори так, Айше, нельзя меня сравнивать с вождём. И, Аллах сохрани, кто-нибудь услышит. Я простой рабочий. Просто говорят, что у меня золотые руки.

– Ой, дай посмотрю, – говорила Айше, разглядывая его руки.

Потом звонко смеялась:

– Ты шутишь? Я уже большая и знаю, что золотых рук не бывает.

– Бывает! Это русская поговорка, так говорят, когда человек умеет что-то делать лучше всех.

Когда у брата Усеина родились дети, Айше с удовольствием нянчилась с племянниками. Так прошло её детство между Таракташем и Судаком. Хорошо, когда много родных и близких, скучать нет времени. Учёба, маленькие дети Усеина, сын Медине, поездки в Керчь к Абибулле. Все эти события наполняли её жизнь яркими впечатлениями и счастьем.

В мае 1941 года она закончила восемь классов...

Вскоре начнётся Великая Отечественная война, которая всё изменит. Страну ждёт великое потрясение, испытания, смерти, голод и борьба. Борьба за выживание, борьба с врагом до победного конца! Это будет война машин и техники,

война умов в создании новейшего вооружения по массовому уничтожению людей и целых народов. Человечеству предстоит испытание смертью и болью, перед которой не каждый сможет устоять. Эта беда разделит, разбросает и обездолит семьи. Дети потеряют отцов и матерей. Взрослые детей. Миллионы лишатся жизни, крова и получат увечья. Война породит и тех, кто перейдёт черту чести и станет предателем, оставив клеймо, как чёрную метку на своих семьях.

8 глава

Война

Бесчеловечный мир, заполненный людьми. Здесь пляшет смерть

и кровью наполняется земля...

Жизнь оголена, а небеса глухонемы.

И рушит всё вокруг свирепая война.

22 июня 1941 года, когда Айше ещё не исполнилось и пятнадцати лет, в страну пришла большая беда – война!

Об объявлении войны судакчане услышали по репродуктору. Началась всеобщая мобилизация. В июле, отказавшись от брони, Усеин записался добровольцем на фронт. Можно было остаться и работать в тылу, но ему не сиделось, он рвался защищать Родину. Зайдя в дом тез-аны, Усеин объявил:

– Тез-ана, сестрёнки я ухожу на фронт.

– Почему?! – удивилась Мерьем. – У тебя бронь, ты нужен в тылу!

– Не могу отсиживаться, пока моя страна в опасности. Мой долг как коммуниста быть в первых рядах защитников родины. Кто, если не мы? Мы защитим страну. У нас всё для

этого есть. К новому году вернёмся, вот увидите!

– Вы оставляете нас одних, – сетовала Мерьем. – Аблякима проводили на фронт, теперь тебя? А как же Мария с детьми?

– Она устроилась на работу в столовую винсовхоза поваром. Дети в яслях. Да и вы рядом, если что, поможете.

Усеин подошёл к сестрам:

– Девочки, берегите себя, слушайте маму и учитесь хорошо.

Айше казалось, что всё происходит не с ней. Волнение, страх, беспокойство, патриотизм, неведомый враг. Почему это случилось именно сейчас, когда она так счастлива? Вернётся ли брат?

– Спасибо за всё, тез-ана. Я буду писать. Ждите, я обязательно вернусь! Не хочу, чтобы меня провожали. Оставайтесь дома.

– Усеин, подожди! – крикнула ему вслед Айше.

Она подбежала к брату и крепко обняла его, заливаясь слезами.

– Отпусти, Айше! Перестань плакать, я вернусь, и мы с тобой обязательно поедem смотреть другие города! Ну-у-у, всё, отпусти.

С трудом оторвав сестру от себя, он улыбнулся всем на прощание и вышел за порог. Потом простился с женой Марией, поцеловал маленьких детей, ушёл, не оглянувшись, но с уверенностью, что обязательно вернётся...

Каждый день формировались отряды призывников и добровольцев. Они отправлялись в Феодосию, а оттуда на фронт, прямо на передовую. Провожали их под музыку – с гармонью и духовым оркестром. Провожающие плакали. Кто-то шутил, смеялся, кто-то молчал. Некоторые из отъезжающих пристально смотрели вдаль, прощаясь с морем. Другие брали с собой горсть родной земли. Бабушки шептали молитвы, каждая на своём языке и вере. Дети, жёны, матери плакали. Собаки бежали за грузовыми машинами с призывниками, сопровождая их до развилки. Вскоре и духовой оркестр полным составом ушёл на фронт.

Шло время. Совсем неутешительные новости слышали по репродуктору жители Судака. Враг захватывал всё новые и новые города. Мария плакала, ведь в Харькове осталась сестра, а теперь город взят фашистами.

Война огненной стеной приближалась к родному дому. По пути разрушила и сожгла уже немало городов и деревень. Как дикий зверь, она рвала всё живое и неживое, обесценивая жизнь, унижая человеческое достоинство, бросая вызов миру и всему стоящему на пути её страшных планов и идей. Ужас и безумство – вот имя смертоносной огненной бойне!

В конце июля в Судаке почти не осталось мужчин. А кто остался, ушли в партизанские отряды. Работу по их формированию проводили коммунисты из горкома партии Судака и Феодосии. Появлялись отряды, образовавшиеся стихийно,

по зову сердца. Партизаны уходили в горные леса и обжигали пещеры. В горах создавались продовольственные базы. Крым готовился к партизанской войне. Из оставшихся коммунистов в городе организовано подполье. Айше вызвалась помогать партизанам, ведь она знает все тропы в горах до Нового света, Таракташа и других близлежащих селений.

– Возьмите меня! – умоляла она командира одного из партизанских отрядов. – Я тоже хочу быть партизанкой. Я знаю немецкий язык, умею стрелять, я маленькая, незаметная.

«Нет, – отвечали ей, – подрасти ещё, там видно будет».

Судак продолжал жить. Летние каникулы были в разгаре. Айше бегала к новой строящейся средней школе, мыла окна, расставляла горшки с цветами, встречалась с друзьями и подругами. Они часто рассуждали о войне и о том, когда она закончится. На дворе стояло лето, беспокойное, но лето. Дети ходили на пляж, купались, читали книги.

18 августа Айше с подругой Лютфие и другом Костей с самого утра ждали друзей из немецкого поселения, расположенного рядом с Новым светом. Но они не пришли к месту встречи. А ближе к обеду ребята решили сходить к ним и узнать, что случилось.

– Давайте, сходим до Нового света, – предложила Айше друзьям. – Вчера Эрика жаловалась, что плохо себя чувствует. Может, им нужна наша помощь? Ведь мама её болеет, а братики ещё маленькие. И заодно посмотрим их телёнка, он позавчера родился.

– А нас не потеряют дома? – спросила Лютфие.

– Да что мы, маленькие что ли, – сказал Костя, – к вечеру вернёмся. Погода хорошая, прогуляемся.

Они пошли вдоль побережья по каменистым тропам и возвышенностям. Солнце припекало, пели птицы. На побережье плескались небольшие волны. О чём-то кричали чайки у скал. На пригорках девочки срывали цветочки и напевали песенки. Костя шёл за ними. Временами он отставал, ловил кузнечиков или кидал с высоты камешки в море.

Когда дети добрались до места, их взору открылась страшная картина. В поселении царило полное опустошение. По улицам бродили мычащие коровы, во дворах выли собаки. С тревогой в голосе Айше прошептала:

– Ребята, мне страшно. Давайте уйдём отсюда.

– Что ты шепчешь. Здесь никого нет. Надо узнать, что случилось, – предложил Костя. – Давайте зайдём в Новый свет, узнаем у них.

– Нет, мы туда не пойдём. Вдруг и там так же. Вернёмся домой, – сказала испуганная Лютфие.

На обратной дороге им встретился пастух.

– Дядя, вы не знаете, куда подевались немцы из Нового света?

Пастух посмотрел на детей и, вздохнув, рассказал что видел:

– Сегодня утром их всех вывезли солдаты на машинах. Я с горы наблюдал, притаился за кустами, чтобы меня не уви-

дели. Овцы мои разбрелись кто куда, а я смотрел сверху на то, что происходит. В поселении были солдаты с автоматами и овчарками. Люди кричали и плакали. Я своей собаке морду зажал, чтобы не лаяла. Так и лежали мы с ней. Вы, ребята, лучше бы здесь не ходили. Давайте домой! И меня вы не видели.

– Не знаете, куда их повезли? Может, слышали что? – спросил Костя.

– Нет, далеко я был. Во-он на той горе, – указал пастух на гористую возвышенность у моря, – слышал только крики и голоса, а что говорили внизу не было слышно. Ну всё, бегите отсюда! Не хватало, чтобы ещё и нас с вами увезли. И никому ни слова! Поняли?

Дети побежали домой, что есть мочи, как-будто за ними кто-то гнался. Девочки бежали и плакали, слёзы застилали им глаза. Они падали, вставали и бежали дальше. А Костя их успокаивал:

– Да не бегите так, никто за нами не гонится.

Они останавливались ненадолго, потом опять бежали. Когда Айше вбежала в дом в испачканном платье, с заплаканным лицом и размазанной по нему землёй, Мерьем перепугалась:

– Что случилось? Тебя кто-то обидел? И почему ты пропала, не обедала? Я искала тебя!

– Тез-ана, тез-ана... Подождите, дайте попить, в горле пересохло, – задыхаясь от быстрого бега, сказала Айше.

Она схватила ковш холодной воды и жадно принялась пить. Захлёбываясь от воды и слёз, сказала:

– Эрику, Никласа и всех немцев сегодня утром отправили куда-то. В поселении были военные с овчарками и машина-ми, они и увезли их! Мы встретили пастуха, он нам всё рас-сказал.

– Так вот куда вы ходили. Это же далеко, а если бы с вами что-то случилось? Почему ты не сказала мне куда уходишь?

– Вы бы не отпустили, а я уже большая. Мы же вернулись. Вы лучше скажите, почему их увезли? Одни коровы и лоша-ди бродят по улице. Собаки воют, жуть!

– Не знаю, доченька. Война идёт. Может, опасаются, что они к фашистам перейдут, к своим, значит, – предположила Мерьем.

– Да что вы говорите, тез-ана! Мои друзья не предатели! Вы же знаете!

– Знаю, Айше, но время такое. Непонятно, что происхо-дит, – вздохнула Мерьем. – И куда их повезли?

– Неизвестно.

– Горе-то, какое, о Аллах!!! – причитала Мерьем. – Что с ними будет?! Доченька, скажи друзьям, чтобы никому не го-ворили о том, что видели и слышали. И ты забудь. Хорошо?!

– Знаю. Нас предупредили.

– Кто? – испуганно спросила Мерьем.

– Пастух! Я же говорила.

– Умойся и иди кушать.

Мерьем села на крыльцо, и сердце её громко и учащённо забилось от предчувствия беды.

В городе усиливалось беспокойство, неуверенность в завтрашнем дне. Страх за будущее не давал спать. Оставшись без мужчин, женщины испытывали постоянную тревогу. Тем более, что новости с фронта подтверждали их опасения. Среди горожан были люди, ожидавшие немцев как освободителей от ненавистных «красных» из тех, кто больше всего пострадал от раскулачивания и реквизиций.

Каждый день Айше спрашивала у Марии и почтальона, нет ли писем от Усеина. От Аблякима пришло уже два письма, от Абибуллы одно. А от брата всё не было.

В один из октябрьских дней после школы Айше встретила встревоженная Мерьем:

– Доченька, приходила Мария. Она получила извещение с фронта. Ты только не плачь – Усеин пропал без вести...

Айше села, не в силах осознать сказанное. В глазах появились слёзы.

– Не плачь, может, он жив, – успокаивала её Мерьем, из последних сил сдерживая себя, чтобы не разрыдаться при дочери.

Айше сидела долго, уставившись в одну точку. Она думала: «Почему без вести? Он что, убит, ранен? Может, потерялся?»

– Ни одного письма! Тез-ана! Он забыл про нас! – в отчаянии сказала она и горько расплакалась.

Немного успокоившись, она спросила Мерьем:

– А что значит: пропал без вести? – Он жив?

– Не знаю, девочка моя. Соседка Сальме тоже получила такое извещение. Раз нет похоронки – жив. Найдётся, вот увидишь.

Айше часто слышала по радио о том, какие потери в живой силе несёт Красная Армия, и с горечью думала, что Усеин среди этих потерь. «Лежит где-то в лесу один, потерялся и ищет своих. А может, он ранен и ему некому помочь?» Каждый день она мучилась вопросами о брате, но так и не смогла найти для себя ответ и утешение. «Мой брат может быть только героем, он не мог просто так пропасть», – уверяла она себя.

А тем временем армия нацистского Третьего рейха, завоеывая для германского населения «новые земли» в СССР, двигалась в глубь страны, неся смерть и разрушения. Обеспечение в городе с каждым днём ухудшалось. Ещё в начале войны Мерьем предупредила девочек, что надо беречь продукты. Они готовились к самому худшему. Фашисты приближались к восточному побережью Крыма – к Феодосии и Судаку. В эти дни Мерьем заметила, что крысы стали наглеть, появляться на глаза и метаться по двору. Она поняла: где-то, уже рядом, бомбят и взрывают. Приехали из Таракташа Гюзель, жена Аблякима, и Медине:

– Ана (мама), я решила эвакуироваться, – сказала Гю-

зель, – здесь опасно оставаться, поедemте с нами.

Мерьем категорически отказалась:

– Куда мы поедem? Здесь дом, хозяйство, вернутся сыновья и не найдут нас. Пришлют сюда письма, а мы далеко. Нет, и не уговаривай! Ты, дочка, уезжай с детьми, напишешь нам, как устроились. Мы будем знать, где вы.

– Тогда мы тоже останемся, не поедem без вас, – решила Гюзель.

– Семья моего бывшего мужа не захотела эвакуироваться, – сообщила Медине. – А сам Миран ушёл в партизаны. Все наши родственники остались в Таракташе. Можно пожить с вами здесь, в Судаке? – спросила Медине у Мерьем. – Я не хочу оставаться в доме одна. Вот-вот немцы будут в селении.

– Конечно, Медине, – ответила Мерьем, – вместе не так страшно и выживать легче.

В конце октября рано утром к Марии кто-то постучал в окно.

– Кто там? – спросила Мария.

– Это я, Мемет, земляк Усеина с Таракташа, я воевал с вашим мужем.

Мария, не веря тому, что услышала, переспросила:

– Что?! С мужем? Заходите быстрее.

– А что слышно об Усеине? – спросил Мемет, усаживаясь на стуле.

– Недавно пришло извещение, что он пропал без вести. А вы разве про него ничего не знаете?

– Я служил с ним с июля до сентября, потом не видел. Расскажу вам, что с нами тогда случилось.

– Ну же! Рассказывайте, что с моим Усеином? – с нетерпением спросила Мария.

– Мы воевали на юго-западном фронте, – начал рассказывать Мемет, – и попали в окружение. Это было в августе. Все бежали кто куда, кто прорывался к своим, кто бежал домой. Поначалу мы прятались, где придётся. Усеин хотел во что бы то ни стало найти наших, но вокруг были немцы. Мы долго лежали в кукурузном поле, питались одной кукурузой. Кругом поля, края не видать. Я ему говорю: «Давай прорываться в Крым». Он: «Нет, я коммунист, приказа отступить не было». Да, так и было, хоть и окружили нас немцы со всех сторон, но приказа отступить мы не получили, вот и попали в кольцо, столько ребят погибло! Ну я и решил: «Пойду один». Он меня не отпускал, говорил: «Ты что, дезертировать?!» Я не стал его

слушать и побежал что есть мочи. Хм..., значит, он всё-таки там остался, раз пришло извещение.

– Может быть, он жив? – с надеждой спросила его Мария.

– Не думаю... Хотя... кто знает?

– А как вы выбрались?

– Я долго пробирался по полям, боялся на немцев наткнуться. Останавливался в деревушках, потом опять шёл и

вот вернулся домой.

– Значит, вы дезертировали и не боитесь в НКВД попасть?

– Не боюсь, немцы на подходе. Красных уж нет, сами бежали.

– Спасибо, что рассказали об Усеине. А теперь уходите! – с нескрываемой неприязнью к дезертиру сказала Мария.

Мемет ушёл. А Мария поняла одно: погибшим мужа никто не видел, а значит, есть надежда...

Днём Мария зашла к Мерьем и рассказала про визит сослуживца Усеина.

– Хорошо, что хоть кто-то видел нашего Усеина, – с облегчением вздохнула Мерьем.

– Я была уверена, что мой брат не предатель, – сказала Айше. – Вот увидишь, Мария, он обязательно найдётся.

Глава 9

В оккупации

Кровавое знамение затмило взор.
Здесь вырван шаг и порваны надежды.
Из бездны времени жестокий приговор
Встаёт изрешечённым, как и прежде.

К восточному побережью Крыма приближались фашисты. 1 ноября 1941 года они начали бомбить всё побережье, города и сёла. А ночью разрывы бомб стали слышны совсем рядом с домом Мерьем. Дом содрогнулся, лопнули стёкла на окнах, осыпалась штукатурка. Женщины проснулись. Закрыв голову руками, Мерьем произносила слова молитвы. Стоял гул и страшный грохот от взрывов. Потом всё стихло. Айше вышла на улицу посмотреть, что стало с городом. Некоторые здания лежали в руинах, слышались стоны и плач. Сквозь темноту ночи виднелись клубы пыли, кое-где горели пристройки. Мычали коровы, метались животные, вот только собаки молчали. Они к чему-то прислушивались и, прижимая хвосты, жалобно скулили. Люди выходили из домов. Утром на улице Айше узнала, что немцы со-

всем рядом с ними, взята Феодосия.

– Тез-ана! – громко позвала Айше Мерьем, когда вбежала в дом.

– Что? Что случилось?

– Немцы в Феодосии, они рядом, не сегодня-завтра будут у нас.

Через час зашла Лютфие.

– Немцы в Таракташе!

Мерьем села. Девочки обступили её. Айше обняла тез-ану и спросила тихо:

– Что теперь будет?

– Ничего, как-нибудь, дай Аллах, выживем, девочки.

Медине вернулась с рынка. Ей тоже известно, что немцы на пути к Судаку. Девочки начали плакать от страха. До города доходили слухи о зверствах фашистов и создании концлагерей в Крыму. Страх, тревога и неизвестность за свою судьбу витали в воздухе. Айше почувствовала, как её тело охватывает дрожь, и от этого кружилась голова.

– Я боюсь, – тихо и с дрожью в голосе сказала она тез-ане.

Через час они слышали звуки разрядов, взрывы и шум приближающихся танков и машин. В доме опять затрещали стены и задребезжали оконные стёкла.

Женщины сидели, боясь высунуться в окно. И только Айше выглядывала на улицу, по которой, громыхая, шли танки и машины. Пыль на дороге стояла столбом. Но вот машины остановились и из них один за другим стали выпрыгивать

солдаты. Незнакомая речь солдат удивила её. Немецкий она знала, но это был другой язык. Потом она поняла, это же румынский язык! Раньше она слышала такие фразы от знакомого мальчика румына.

– Тез-ана, это румыны! – услышав несколько знакомых фраз, воскликнула удивлённая Айше. Значит, румыны тоже фашисты?

– Значит, фашисты, – подтвердила Мерьем.

– А немцы где? – выглянув в окно, спросила Шевкие.

– Рядом с ними. Во-о-н видишь, другая форма у того офицера, значит, немец, – объяснила Медине, кивая в сторону фашиста, одетого в красивый китель с петлицами и погонами.

Так 2 ноября 1941 года в Судак вошли оккупационные войска румынского гарнизона.

Солдаты быстро распределились по домам: не давая опомниться жителям, врываются в жилище, выгоняя домочадцев на улицу. Весь город согнали на площадь. Айше прижималась к тез-ане. Её испуганные глаза наполнились слезами и отчаянием. Фашисты действовали организованно. Нашлись люди, которые сообщили о наличии в городе евреев и коммунистов. Румыны с автоматами выискивали их среди согнанных людей. Евреев угоняли в концлагеря. Коммунистов расстреливали тут же. Звучали выстрелы и крики людей, заливались громким лаем немецкие овчарки. Плакали женщины и дети. Автоматными очередями поперх голов румыны

«успокаивали» людей. Маленькие грудные дети непрерывно плакали, матери пытались их успокоить. Неподалеку от Мерьем стояла Мария с двухлетней дочкой и годовалым сыном. Она старалась не смотреть на палачей. Прижимала детей к себе, словно могла их защитить. По требованию оккупантов в первую очередь «очищали» от жителей дома, в которых должны были размещаться немецкие и румынские солдаты.

Людей выгоняли из жилищ, вынуждая их жить в сараях и в хлеву, а сами захватчики расположились в их домах. Фашисты поначалу лояльно отнеслись к крымским татарам, помня об участии некоторой части крымскотатарского населения на стороне Германии в 1914 – 1916г.г.

Среди расстрелянных коммунистов Айше узнала соратников брата по партии. Она поймала себя на мысли, что сейчас и её брата расстреляли бы вместе с ними. Вечером все разошлись. Но и ночью ещё слышались крики и выстрелы. После всего увиденного у Айше разболелась голова. Во сне она металась и кричала: «Пустите, пустите!»

В Судакe расположился румынский гарнизон. Свой штаб они устроили в новой школе на втором этаже, а внизу разместили лошадей. Айше возмутилась тем, что её новая школа, которую она отмывала и помогала благоустраивать, теперь занята врагом. Оккупанты призывали жителей активно содействовать сбору продовольствия для германской армии и борьбе с силами советского сопротивления – партизанами. Помня о репрессиях, веря нацистской пропаганде, о том,

что фашисты несут освобождение угнетенным коммунистами народам обиженные советской властью отдельные граждане, независимо от национальности, встали на путь предательства. Они выдавали врагу места, где прятались партизаны, указывали на местонахождение их продовольственных баз. И сами охотно участвовали в разгроме партизанских отрядов, записывались в каратели и местную полицию.

Айше мучительно думала о происходящем: «Ведь не орды же диких племён ведут войну, а цивилизованные страны Европы: Германия и их союзники. Почему народ, имеющий много талантливых писателей, художников, композиторов, учёных, являвшийся примером для других народов, вдруг приобрёл звериный облик? У меня есть друзья немцы и румыны. И я никак не могу даже представить их в этом зверином облики». Она искала ответ на эти вопросы и не могла найти. «Откуда у фашистов неистовая злоба к другим народам? Они такие же люди, как и мы. До войны все ходили на работу, любили праздники, – рассуждала Айше, – у каждого солдата есть семья и дети. Откуда жестокость и безразличие к чужим страданиям? Разве дело только в подчинении солдата старшему по званию? Или солдат – это машина, выполняющая приказы убивать и издеваться над слабым?»

– А предатели, тез-ана, – спрашивала она Мерьем, – откуда берутся предатели? Что происходит с людьми?

Тез-ана молчала, она не знала, что ответить дочери. Её

сковывал страх за будущее детей.

Фашисты взяли под жесткий контроль всё население города. По приказу немецкой комендатуры отсортировывалось население из числа здоровых и молодых людей для последующей отправки их на работу в Германию, в немецкий тыл в качестве бесплатной рабочей силы. Румыны ввели комендантский час. Запретили выходить на улицу без пропусков в вечернее и ночное время. Жителей обязали работать на содержание гарнизона: стирать для них бельё, работать на кухне, в конюшне.

Румыны бесцеремонно входили в дома, забирали всё, что им захочется: еду, одежду, ценности. Входя в дом, они пускали автоматную очередь по стенам и потолкам. Женщины и дети бросались на пол и дрожали от страха, а румыны громко смеялись. Им нравилось пугать людей и чувствовать превосходство победителя. На побережье они установили береговую охрану, берег оцепили колючими проволочными заграждениями. Фашисты опасались угрозы с моря.

В скором времени за Марией и Айше пришёл староста.

– Мария, собирайтесь с Айше в штаб, – сказал староста. – Вас вызывают немецкие офицеры. Только быстро, и ничего с собой не брать.

– Айше где? – спросила Мария.

– На улице стоит, тебя ждёт.

– А что случилось? Нас в чём-то обвиняют?

– Я не знаю, не положено мне с вами разговаривать.

Айше с Марией, взявшись за руки, молча последовали за старостой.

В штабе им пришлось долго ожидать своей участи. Мария надеялась, что их отпустят, они же ничего не совершили. Но, помня, как ещё до войны НКВД увозили семьи предателей Родины по навету и доносу вместе с маленькими детьми в лагеря и тюрьмы, понимала, что уж от фашистов тем более милости ждать не придётся. Прошло время, и староста завёл женщин в кабинет. За столом сидели три немецких офицера в форме при погонах и рассматривали какие-то документы. Взглянув на бумаги, Айше подумала: «Чьи-то кляузы и доносы». Тут один из офицеров поднял голову и, посмотрев им в глаза, на русском языке сказал:

– Мы изучили документы из архивов Советской власти об изъятии вашей земли. С сегодняшнего дня мы возвращаем вам её.

Офицер вручил Марии как супруге наследника земельных владений документы на землю и скомандовал:

– Можете идти!

Женщины были поражены.

– Спасибо, господин офицер! – с волнением в голосе произнесла Мария, держа трясущимися руками бумаги. – Но у нас нет сейчас возможности возделывать землю. – произнесла было она, но староста уже выталкивал их за двери со словами:

– Идите, идите и не оборачивайтесь! Благодарите новую власть.

«Что это было? Фашисты хотят вернуть землю и дать свободу крымским татарам? Не зря повсюду об этом говорят», – лихорадочно думала Мария. Она понимала, что это какая-то игра-мышеловка: вернуть земли. Надолго ли? Они победители и разве отдадут просто так свою добычу? Их не радовала возвращённая земля. Они не заметили, как дошли до дома Мерьем. Соседка Айле спросила:

– Что это вас в штаб вызывали? Расспрашивают и вынюхивают что-то?

Но Мария промолчала. Дома они рассказали Мерьем про возвращённую землю.

– Что с ней делать, ума не приложу... – задумалась Мария.

– Ничего и не надо делать. Наши вернутся, всё равно отберут.

Но всё же по весне они стали возделывать небольшой участок земли, выращивать виноград и наполнять чаны виноградным соком. Земля отцов помогала им выживать в условиях оккупации.

Айше стала тайно от домашних исчезать по ночам. Она решила найти партизан и примкнуть к ним. Сколько можно наблюдать со стороны за тем, что творится вокруг? Айше догадывалась, где они могут быть. Светила луна, но тропы были еле видны. Она шла, прижимаясь к горам. Дошла до

соснового леса, прислушалась. Тишина. И вдруг почувствовала запах дыма.

«Вот они!» – подумала она.

Подкралась и увидела часового из партизан.

«Костя!» – узнала Айше друга.

– Костя, это я! – позвала она громким шёпотом.

– Не шуми, всех разбудишь, – отозвался Костя. – Ты зачем пришла, как нас нашла?

– А то я не знаю все укромные места в округе. Мне нужен командир отряда. Я тоже хочу вам помогать.

– Жди, я схожу, посмотрю, может, он не спит.

Прошло какое-то время, и Костя дал знак идти за ним.

Они спустились в землянку, замаскированную травой.

– Ну, здравствуй, Айше! Зачем пожаловала? – спросил Андрей Иванович, учитель из их школы.

– Я хочу вам помогать. Или возьмите к себе или дайте задание.

– Ух, ты какая! Что за ультиматум? А Мерьем знает, куда ты пошла?

– Нет, зачем им знать?

– Кому это им? – спросил Андрей Иванович.

– Тётя Медине у нас, она переехала из Таракташа к нам жить.

– Хорошо, я подумаю, чем ты можешь помочь. Иди домой, пока не рассвело, а то не сможешь пройти незаметно мимо постов.

Айше ушла. И вскоре получила своё первое задание. Она стала связной. Передавала записки партизанам от подполья и носила еду. Ходила по ночам. Никто не мог подумать на девочку, маленькую и худенькую, похожую в свои пятнадцать лет на двенадцатилетнего подростка, что она связная.

В городе часто проводились обыски, искали партизан, оружие, рации, радиоприёмники. Кого-то вели на расстрел, кого на виселицу. Людей сгоняли на площадь и заставляли смотреть на казнь. Казнили партизан и тех, кто им помогал, подозреваемых или просто оговорённых людей. На грудь вешали большие деревянные таблички со словом «Партизан». Предварительно пленных пытали. Айше с ужасом смотрела на истерзанных мужчин, женщин и подростков. После казни румыны предупреждали людей, что снимать трупы с виселицы нельзя, иначе те, кто осмелится их снять, тоже будут повешены. Но каждый раз наутро виселица была пуста. Партизаны совершали немыслимые трюки незаметного снятия с эшафота погибших товарищей для достойного их погребения.

Несмотря на активную работу фашистов по уничтожению партизан, партизанское движение в Крыму успешно продолжало свою подрывную деятельность в тылу врага. Они взрывали транспорт противника, подрывали мосты, вражеские поезда с военной техникой, добывали секретные сведения, спасали людей от расстрелов и угона в Германию.

В декабре 1941 года советское командование предприня-

ло попытку переброски воздушного десанта в Судак с целью захвата города. Подпольщики сообщили партизанам о высадке десанта и поставили перед ними задачу: встретить его и в случае надобности прикрыть огнём. Айше была среди партизан. Когда сквозь темноту показались парашютисты, неожиданно включились прожектора и фашисты открыли по десантникам огонь. Кто-то из своих партизан, вставших на путь предательства, сообщил им о высадке десанта. Все парашютисты были расстреляны прямо в воздухе. Уже безжизненные тела падали один за другим в прибрежные воды. Партизаны пытались отбить несколько выживших раненных парашютистов, но попали под шквал огня. Айше приказали уходить, а сами приняли неравный бой.

Дома она горько плакала. Плеск от падающих в воду тел стоял в ушах. По городу начались облавы, искали уцелевших парашютистов и партизан. Утром всех согнали на площадь смотреть на казнь. Айше увидела на эшафоте Костю. У неё потемнело в глазах, она чуть не вскрикнула от ужаса. На нём висела табличка «Партизан». Он держался мужественно и смотрел на фашистов без страха. Айше закрыла глаза, чтобы не закричать от этого страшного зрелища – смерти друга. «Почему он не ушёл в лес? А может, его поймали там, в лесу, и может, весь отряд погиб?» – спрашивала себя Айше. Она твёрдо решила обратиться к ним и всё узнать.

Была зима, ночью тропы покрывались инеем, а иногда выпал снег. Когда снег лежал на тропинках, ходить по ним

было опасно: могли остаться следы. Но в этот день снега не было. Она шла по знакомым тропам, оглядываясь, не следит ли кто за ней. Ночью по горам и берегу шарил прожектор, освещая местность. Дойдя до места, Айше издала условный звук, но ответного сигнала не услышала. Землянка была пуста. Подошла к пещере, заглянула – темнота. Вдруг кто-то схватил её за руку и затащил внутрь.

– Тихо, – сказал знакомый голос.

В темноте она разглядела троих партизан.

– Дядя Ахмет, это вы? – узнав одного из них, спросила Айше. – А где остальные?

– Ты зачем пришла? Идут облавы. У нас большие потери. Сюда приходиться нельзя, среди нас – предатель.

– А почему вы здесь?

– Если предатель сейчас с фашистами, он приведёт их сюда. Мы их и примем. Погибли десантники – молодые военнослужащие из Узбекистана. После месяца подготовки их отправили сразу к нам. Мы будем мстить за смерть товарищей до конца, предателю не жить!

– Но что Вы можете сделать? Вас так мало!

– Уходи! Не мешай! – прикрикнул Ахмет.

Позже она узнает, что предателя партизаны выявили и казнили.

Советская Армия не оставляла попыток освободить Крымское побережье. В ночь на 16 января 1942 года в Судаче во время шторма высадился большой десант – более

тысячи человек. Начался артобстрел. Взрывались снаряды, слышались автоматные очереди. Утром Айше сообщила Мерьем:

– Наши в Судаке, Таракташе и в Новом свете. Румыны бежали.

– Как хорошо, что вернулась Советская власть, наконец-то мы сможем увидеть родственников. Надо доехать до Таракташа, проведать их.

Но вскоре пришли новости, что Красной Армии не удалось взять Феодосию. Фашисты перешли в наступление. Советский десант отходил и нёс потери. Десантники ждали подкрепление и снаряды, но поддержка не пришла. В Судаке оставалась только рота солдат с орудиями. Десантники продержались несколько дней. Запоздалое подкрепление не изменило ситуацию, и они были разбиты. Часть солдат попала в плен, часть ушли в леса к партизанам, остальные погибли.

Румыны вернулись. С большими потерями Красная Армия оставила побережье. Судак опять оказался в оккупации...

В 1943 году от лояльности немцев и румын не осталось и следа. Они терпели поражения на восточном фронте, несли потери и становились от этого ещё злее. Крымских татар так же, как и других, расстреливали за малейшую провинность, заставляли работать на оккупантов, отбирали продук-

ты и скот, угоняли здоровых молодых людей на работу в Германию. Среди угнанных оказалась подруга Айше Лютфие...

Тем временем партизанское движение усиливалось. В его ряды стали массово вливаться крымские татары. Всё это время, оставаясь связной, Айше продолжала помогать партизанам.

Оккупация Судака продолжилась до апреля 1944 года...

10 глава

Освобождение

Вот враг разбит.

Свободная земля!

А на щеке блестит

От радости слеза.

В апреле 1944 года началось освобождение Крыма. С воздуха и с моря после артиллерийской и авиационной подготовки за три дня были освобождены и очищены от фашистов Керчь, Феодосия и Судак.

Как ураган, Красная Армия смела всю нечисть, осевшую на Крымской земле. Авиация бомбила базы и оружейные склады противника. Снаряды с обеих сторон летели прямо над головой судакчан и попадали во дворы и сады. Рушились крыши, постройки. У Мерьем снаряд разрушил винный погреб, и вино полилось рекой. Айше с женщинами прятались дома. Окна рассыпались вдребезги, во дворах остались воронки от снарядов. Потом, когда всё стихло, они слышали звуки машин и танков на улице. Вскоре послышалась русская речь.

– Наши! – воскликнула Айше.

Женщины, не помня себя от счастья, выбежали на улицу. Все жители подбегали к освободителям, обнимали и целовали их. А когда вернулись домой, увидели, что во дворе валяются, напившись вина, их пьяные коровы и свиньи.

Окончательно Крым был освобождён в мае 1944 года. За два с половиной года в Крыму фашистами были уничтожены и угнаны тысячи советских граждан, разрушена экономика, сельское хозяйство. Всё это предстояло восстанавливать. По городу силами НКВД выявлялись предатели, шли аресты. Люди и подумать тогда не могли, что вскоре в предательстве и пособничестве обвинят весь крымскотатарский народ!

Долгожданная мирная жизнь пришла в город. Жители принялись восстанавливать дома. С Таракташа приезжала Гюзель. Она сообщила, что все родные живы. Побывав у Мерьем, она и Медине вернулись в Таракташ.

Надежда на возвращение отцов, братьев и мужей жила в сердцах людей. И хотя враг был ещё на территории Советского Союза, Красная Армия своей огневой мощью уже гнала его на запад...

11 глава

Разорванный рассвет

*Краснел рассвет запёкшейся кровью,
Припав вдали к земному изголовью...*

Поздно вечером 17 мая 1944 года в окно Айше увидела много проезжавших по улице машин с солдатами.

«Что-то готовится, – подумала она, – может, немцы опять наступают? Но Советская власть уже установлена, партизаны вернулись в свои дома. Странно!»

– Тез-ана! – позвала Айше к окну Мерьем, – идите, посмотрите.

– Что там?

– Солдаты, много... и машины.

– Не знаю, дочка, – взглянув в окно, сказала Мерьем. – Опять надвигается беда?! Ой, что-то мне нехорошо...

Мерьем садится и держится за сердце.

– Как устали мы от этой войны, думали, что конец. Начнётся мирная жизнь.

– А может, учения? Да всё хорошо будет, не волнуйтесь. Завтра пойду, спрошу у людей, – успокаивая маму, сказала

Шевкие.

Они легли спать. Долго ворочались и, наконец, уснули...

Снится Айше густой лес, она блуждает по нему, ищет Усеина и тез-ану. Подходит к Усеину, а он будто растворяется в тумане. Вокруг темно, стоит ночь. Туман поглощает её всю целиком, и она не знает, куда идти. От страха начинает звать брата:

– Усеин, где ты? Где ты-ы-ы?

От своих же криков Айше проснулась. Мерьем подбежала к ней:

– Что случилось?

– Кошмары, тез-ана, идите спать.

В четыре часа утра во дворе громко залаяла собака, слышался выстрел, собака взвизгнула и замолчала. Громкий стук в дверь прервал её мысли. «Что это там, неужели фашисты?» – проснувшись от шума, подумала Айше. Стала слышна русская речь:

– Вставайте! Открывайте дверь. Быстро! Не то выломаем! Айше подбежала к Мерьем и сестре.

– Тез-ана, Шевкие, одевайтесь, похоже, за нами пришли. Только кто, не пойму, немцы или наши?

Женщины не успели накинуть на себя одежду, как дверь с треском разлетелась, и в проёме показались солдаты с автоматами и собаками. Один из них объявил:

– Выходите! Вы, крымские татары, обвиняетесь в преда-

тельстве родины и пособничестве фашистским захватчиком. На сборы пятнадцать минут. Возьмите самое необходимое.

С этими словами солдаты вышли.

Так, 18 мая 1944 года произошла страшная трагедия для всего крымскотатарского народа. Этот день разделил его жизнь на долгие годы на «до» и «после» и повлек за собой цепь драматических событий, перекроив веками созданную карту Крыма в один день.

Мерьем и Айше стали метаться по дому, лихорадочно думая, что взять? Шевкие находилась в оцепенении. Она стояла посреди комнаты и никак не могла понять, что происходит. Мама и сестра бегают по дому, что-то говорят, а она будто продолжает спать.

– Шевкие, очнись! – стала трясти её за руку Айше. – Надо выходить, одевайся скорее!

Шевкие пришла в себя:

– Мама, что случилось?

– Девочки собирайте продукты, а я возьму документы и вещи, – сказала Мерьем.

– Тез-ана, нас арестовывают? За что? Предательство? Что происходит? – спросила Айше.

– Не знаю, доченька, выйдем к ним и спросим. Давайте быстрее, они ждать не будут.

Прихватив немного еды и вещей, они вышли...

По улице бегали люди с чемоданами, мешками, что-то кричали друг другу, и, похоже, весь город вышел на дорогу. Вдоль дороги стояли солдаты с автоматами и расталкивали людей по подводам и машинам. К Мерьем и девочкам подбежала Мария.

– Мама, я сейчас пойду к их командиру, и скажу, что вы никого не предавали, сейчас...

Она убежала, но вскоре вернулась с заплаканными глазами.

– Нет. Он не может помочь. Я ему сказала, что Айше сирота, а у вас сыновья на фронте. Он посоветовал доехать с вами до Феодосии и там поговорить с ответственным за переселение майором НКВД.

– Нас переселяют? – спросила Айше. – Не арестовывают?

– Да какая разница. Это высылка, ссылка, одним словом, – сказала Мария.

– В Сибирь?! – ужаснулась Мерьем.

– Не знаю, не говорят.

– А почему столько людей переселяют? Все предатели?

– Доедем до Феодосии, всё и узнаем, – ответила Мария.

Айше вдруг увидела знакомых из партизанского отряда: «Дядя Мамут и Халил, их за что? Они же партизаны!» – удивилась она.

Машины тронулись, Мария поехала с Мерьем и её дочерьми. Люди с обречёнными лицами сидели на полу бортовой машины. Одни думали, что их везут на расстрел, дру-

гие – в лагерь. Кто-то считал, что Сталин не знает, что здесь творится, он бы их защитил. Дети плакали. Их подняли ещё сонных, они были голодные и всё просили у матерей кушать и пить. Матери их кормили тем, что прихватили в спешке. По дороге колонна машин проезжала мимо опустевших сёл, откуда слышался громкий и неистовый рёв коров, бляение коз, баранов, вой

собак. Животные были в растерянности, казалось, что они тоже плакали и звали людей.

Когда колонна прибыла в Феодосию, Мария сразу же побежала к руководящему отправкой людей офицеру НКВД. Она пыталась убедить его, что произошло недоразумение:

– Понимаете, мой муж на фронте. Со мной осталась его сестрёнка и мама. Что я ему скажу, когда он вернётся? Что не уберегла их? Они не предатели.

– Гражданочка, не мешайте! – прервал Марию офицер. – Было приказано выселить всех крымских татар, как народ-предатель, а разбираться с каждым – приказа не было.

Погода хмурилась, как будто солнце не желало смотреть на то, что творится на земле, и закрылось облаками. Гнетущая атмосфера неизвестности, шока и растерянности нависла над изгнанным народом. Никто до конца не понимал, что происходит. Пока мужчины воюют на фронте, их беззащитных жён, детей, матерей и отцов лишают родины, крова, свободы, растаптывают и унижают их человеческое и национальное достоинство, не разбирая, кто прав, кто виноват,

без суда и следствия, без права на защиту и предъявления доказательств вины.

Переселенцев согнали с машин на пустырь, где они ещё долго ждали своей участи, окружённые солдатами с автоматами и собаками. Подошёл товарный состав, и их стали распределять по вагонам. Начался хаос. Разделялись семьи. Поднялся невыносимый шум: окрики солдат конвойной охраны, загонявших людей в вагоны, лай собак, рыдания и крики беспомощных взрослых и надрывный плач детей. Матери пытались спрыгнуть с вагона, чтобы найти своих потерявшихся детей, но их грубо заталкивали обратно. Были те, кто пытался бежать. Тогда вслед пускали собаку или стреляли в беглеца.

Мерьем и девочки попали в разные вагоны. Около Айше бегала Мария и просила соседей из Судака, попавших вместе с ней в один вагон, присмотреть за девочкой. Марию отогнали солдаты, пригрозив отправить с ними и её.

Айше плакала, звала тез-ану. Она громко кричала и впервые звала её мамой:

– Ана (мама)! Ана!!!

Мерьем тоже звала дочерей. Но их крики тонули среди криков других людей. Эта душераздирающая картина осталась в памяти у Айше на всю жизнь. Тогда, в тот роковой день, все понимали, что теряют друг друга навсегда, и от этого их зов был отчаянным и ужасным. Стоял невыносимый гул людского горя. Рыдали и плакали все: и взрослые, и дети.

Вагоны товарного состава не были предназначены для перевозки пассажиров. Его набили несчастными изгнанниками так, что даже на полу места было мало, чтобы хотя бы сидеть, вытянув ноги. Старики оседали, теряя сознание. Оставшись совсем одна, Айше вдруг поняла, что один мешочек с продуктами у неё, а другой у Шевкие. Вещи и документы остались у Мерьем. Она была уверена, что Шевкие вместе с мамой.

Конвоиры закрыли вагон на железный засов, стало темно и душно. Только в одном маленьком, зарешечённом окошке под самой крышей виднелся кусочек неба. Все прильнули к щелям, а те, кто оказался подальше от стен, стали задыхаться. Они тянули носы к потолку, откуда через зазоры между досок на них попадал дневной свет. Одна пожилая пара стала терять сознание. Женщины махали им в лицо и просили хоть немного расступиться. Сквозь гущу тел к этой паре протиснулся пожилой мужчина.

– Пропустите: я врач, – сказал он.

Эшелон тронулся, и ветер стал проникать во все щели. Поток свежего воздуха немного оживил переселенцев. Они стояли, шатались вместе с вагоном и держались друг за друга. Плач продолжался. Кто-то кричал от горя и боли, кто-то рвался к выходу. Дети прижимались к своим матерям, а крики взрослых внушали им непомерный ужас. Страх замкнутого пространства, помноженный на большое людское горе, беспомощность и безвыходность положения отражались в

искажѐнных лицах людей, страдающих от физических и душевных мук. Айше трясло мелкой дрожью, как будто её обдали ледяной водой. Она сжалась в комок. Ей хотелось спрятаться, как прячется улитка в раковину. Никого не видеть и не слышать. Она закрывала глаза и уши

Вскоре все замолчали... Тяжѐлое, длительное эмоциональное напряжение, достигнув своего апогея, истощило у людей все силы как физические, так и душевные. Произошёл чудовищный выброс жизненной энергии. Наступило время безразличия, усталости, отрешения от реальности. Настал некий час пик, после которого каждый окунулся в свою беду с головой. Сознание, загнанное в ловушку, лихорадочно искало выход...

Отовсюду слышались стоны и всхлипывания. Приняв случившееся как непоправимое, Айше словно очнулась и будто впервые увидела своих попутчиков. Она со страхом смотрела им в глаза, в которых отражались растерянность, обреченность и отрешѐнность. Кто-то смотрел прямо сквозь толпу близко стоящих мужчин и женщин невидящими глазами с оттенком безумия, кто-то – глазами, ищущими выход. Напротив неё стояла женщина, потерявшая ребѐнка, она молчала и смотрела в одну точку, не отрывая взгляда. Голова её покачивалась в такт качающемуся вагону. Глаза были пусты. Айше казалось, что душа покинула её. Она хотела растормозить несчастную мать, чтобы та пришла в себя, но не

решалась.

Всех их объединяло одно: они были бессильны перед обстоятельствами и перед силой, называемой властью, обрекшей их на пожизненные страдания.

Наступила ночь. Перегруженный состав медленно тащился по рельсам. Усевшись на корточки, люди пытались уснуть. Кто-то стонал, вздыхал, кто-то продолжал плакать.

После трудной ночи наступило не менее тяжёлое утро. Люди встретили новый день в духоте, тесноте и в переживаниях за своё будущее. Пожилая женщина, сидевшая рядом с Айше, поделилась с ней своими опасениями:

– С вечера мой муж ушёл с внуком в горы на охоту на три дня. Я очень боюсь, что их найдут солдаты.

– Что вы, все солдаты уехали с нами, – стала успокаивать её другая. – Они, выходит, спаслись от ссылки, ваши родные. Не беспокойтесь, радуйтесь их спасению. Слава Аллаху!

– А у меня в эту ночь умерла мама, – сказала с опухшим от слёз лицом молодая женщина. – Солдаты оттащили меня от неё, и сказали, что маме повезло в отличие от меня. Кто теперь её похоронит?

– Меня забрали прямо с операционной, – устало произнёс пожилой врач, сидевший возле супружеской пары, которой становилось всё хуже, – больных тоже вывезли, даже неходячих, изверги! Они же не перенесут дорогу.

– Вечером перед высылкой у нас была свадьба, – дрожащим голосом проговорила молодая девушка. – Мой жених

из партизан. Но нас всё равно вывезли и разлучили. Теперь я не знаю где мой муж.

– Мы вот с женой недавно из сибирской ссылки вернулись. Отбывали по раскулачиванию. Сын с невесткой на фронте, внуки с нами. Теперь вот опять сослали. Видно, не судьба нам дома пожить. Вы не отчаивайтесь, мы выживем, главное верить в себя.

Все стали делиться своей бедой. За разговорами они словно оживали, и от этого им становилось легче. Вдруг женщина, потерявшая ребёнка, издала крик, похожий на вой раненого зверя. Она, видимо, вышла из ступора, пришла в себя и осознала случившее. В её глазах появилось безумие, она стала метаться и рваться к выходу, махала руками и рвала на себе волосы. Досталось всем, кто был рядом с ней. Пришлось связать ей руки. Постепенно её агрессия прошла, женщина утихла, и к ней опять вернулись отстранённость и безразличие.

Вскоре врач, пытавшийся помочь пожилой паре, сообщил:

– Всё! Их не стало. Почти одновременно. Инсульт.

В вагоне стало тихо. Дыхание смерти будто коснулось всех присутствующих. Верующие прочитали молитвы по умершим. После того как было произнесено слово «Аминь!», поезд замедлил ход и остановился на какой-то узловой станции. Через некоторое время снаружи щёлкнула тяжёлая щеколда засова, и двери с шумом и грохотом открылись. Кон-

воиры приказали:

– Выходите!

И тут же спросили:

– Трупы есть?

– Есть, – ответил врач.

Переселенцев вывели, чтобы дать попить и поесть мутной жижи, называемой супом. Тем временем солдаты конвойной охраны вытащили тела пожилой пары, сгрузили на землю и оставили здесь же, возле путей. Питья и еды на всех не хватило, и людей загнали обратно.

В вагоне с Айше ехали мальчик лет пятнадцати и его мать – молчаливая сорокалетняя женщина. Его отца расстреляли фашисты ещё в 1942 году за помощь партизанам. И мальчик стал единственным мужчиной в семье. Чувство ответственности делало его старше своего возраста. Звали его Эмир. Несмотря на гонения Советской власти на религию, семья была верующей. Тайком они читали Коран, учили молитвы. Поэтому при выселении Эмир взял с собой – Коран. Когда вагон закрывался, он вытаскивал его из-за пазухи и читал вслух. Люди замолкали, успокаивались и слушали, потому что в их положении приходилось уповать только на Аллаха. Однажды на разъезде всех выпустили попить воды из озера, находящегося рядом с путями. Люди выпрыгивали из вагона, спрыгнул и Эмир. В это время у него из-за пазухи выпал Коран. Заметив выпавшую книгу, к мальчику тут же подбежал один из солдат конвойной охраны, сопровождающих по-

езд.

– Что это у тебя? – спросил он, поднимая книгу.

Эмир молчал.

– Что это? – ещё раз спросил солдат. – Какие-то каракули, – сказал он, листая страницы.

– Коран, – ответил мальчик, – отдайте, пожалуйста, мне.

– Что-о-о?! – закричал солдат. И швырнул священную книгу в грязную лужу. – Ещё что-нибудь скажешь, пристрелю, щ-щенок! Никакой Аллах тебе не поможет! – пообещал он, направив на него автомат.

Подошедшая мама прижала его к себе и попросила сына помолчать. Пока солдаты поторапливали переселенцев возвращаться в вагон, Эмир подбежал к луже, достал книгу из грязи и быстро сунул за пазуху. Люди прикрывали его своими спинами. Уже в вагоне счастливый Эмир сушил страницы Корана, а когда они высохли, на них не осталось и следов грязи.

Поезд продолжал свой путь, неся тяжкий груз людской неволи. Он часто останавливался и стоял подолгу. На стоянках становилось душно, но жары уже не было, стало ясно – поезд едет на север. Некоторых переселенцев выводили на станциях и куда-то увозили. Со временем в вагоне становилось всё больше места. Голод с мучительным чувством жажды не покидал людей ни на минуту. Когда шли дожди, а они шли всё чаще и чаще, вагон отсыревал. Через щели вода попадала на замёрзшие плечи и головы взрослых и детей. По но-

чам было особенно холодно. Многие стали кашлять, чихать, появились вши. У кого-то начался жар.

По ночам звуки громохота колёс движущегося состава казались Айше грозными и устрашающими. Особенно когда их перегруженный людьми вагон сильно кренился на поворотах. В это время она думала, что он обязательно упадёт и развалится. Так каждую ночь в тревоге и страхе незаметно для себя она засыпала. Днём её постоянно тошнило, тошнило и других. Рвота, понос, сырость, вши. Не хотелось уже ни есть, ни спать. Только побыстрее бы приехать и найти Мерьем. Или просто умереть. Да. Ей хотелось умереть... Всё чаще Айше задумывалась о смерти, ведь её образ давно стоит перед глазами, ещё с начала войны. Она перестала её бояться и с обречённостью думала: «Зачем такая жизнь? Мы без вины виноваты. Я – предатель?!» Иногда ей казалось, что всё происходит во сне или происходит не с ней. Как выдержать унижение и нечеловеческие условия, в которые они попали? Кто из них виноват? Маленькие дети, среди которых много грудных? Они родились уже предателями? Это слово жгло её сердце, унижало и отнимало веру в справедливость и будущее. Где её дом, где близкие ей люди? Казалось, что этому хаосу не будет конца. Мерьем раньше рассказывала, что всех нечестивцев ждёт ад. Не про этот ли ад она говорила? Тогда почему она, верящая в Аллаха и соблюдающая его заветы, попала сюда? За что? Мысли комсомолки никак не вязались с Кораном и не давали ей ответ на происходящее.

Она спросила Эмира:

– Эмир, ты знаешь Коран, высказывания пророка. Скажи, почему это случилось с нашим народом. За что такие муки и унижения?

– Известно за что! «У сильного всегда бессильный виноват», – ответил за Эмира безрукий мужчина, сидевший рядом со своей старенькой мамой.

– Послушайте, – сказал Эмир, – в хадисе (послании пророка), переданном Ат-Тирмизи, сказано: «Поистине, величина награды соответствует величине испытаний и бед, и поистине, если Аллах любит какой-либо народ, то посылает на них испытания (беды). И тот, кто проявляет довольство (перед испытанием), тому тоже довольство Аллаха. Тот же, кто гневается, тому – гнев Аллаха».

Люди закивали, соглашаясь с этими словами, и говорили: «Раз нам выпали эти испытания, наш народ выдержит их».

Каждый день кто-то умирал. Трупы вытаскивали, оставляли около путей и ехали дальше. Кто их потом хоронил, Айше не знала. У неё начался кашель. Он не давал ей спать, раздирал грудь. Вдруг кто-то крикнул:

– Волга!

– Откуда знаешь? – спросили люди мужчину, узнавшего реку.

– Я по этой дороге часто ездил в командировку.

Все, кто мог, прильнули к щелям.

– Значит, нас везут не в Сибирь, – сказала женщина с

детьми.

Поезд остановился на перегонном пункте. Было приказано выходить и распределяться по машинам. Это и было их место ссылки...

Айше услышала шёпот из толпы:

– Это рядом с городом Горьким, – сказал опять тот же мужчина, бывший командировочный.

Она оглядывалась по сторонам в надежде увидеть Мерьям, но тщетно. Дышать было тяжело. Не прекращающийся сухой кашель и слабость валили с ног. В воздухе стояла духота, как перед дождём. Конвойные растолкали людей по грузовым машинам, и колонна двинулась вперёд. Ровная дорога кончилась, начались ухабы. Неожиданно сверкнула молния, и грянул гром. Начался ливень. Все сразу промокли до нитки. Машины стали вязнуть в грязи. Людям пришлось толкать завязший транспорт. Сапог у многих нет, ведь ссылные в основном женщины и дети, и их лёгкая обувь застревала в грязи и оставалась там же. Несколько человек, толкавших машину, топтались у борта, и наклониться, чтобы отыскать потерявшуюся обувь, было невозможно.

Потом колонна двинулась дальше. Люди сидели на полу бортовой машины в грязи и в воде, многие остались босыми. Вдоль дороги зеленел густой и непролазный лес, но никто не смотрел по сторонам. От усталости и холода собрав волю в кулак, замученные долгой дорогой переселенцы держались стойко, смиренно принимая испытания, выпавшие на их до-

лю. Наконец они прибыли в назначенный пункт. Их выгрузили на поляне посреди леса. После долгой и мучительной дороги с машин сходили еле живые люди. Кто держался друг за друга, кто не мог самостоятельно спрыгнуть с кузова. У стариков подкашивались колени. Дети не плакали. Казалось, они быстрее всех смирились со случившимся и, прижимаясь к матерям, со страхом разглядывали местность. Оставшиеся без родителей дети, прятались за спины взрослых в надежде, что они защитят их от солдат с автоматами. Усталые женщины напряглись в ожидании неизвестности. Раздалась команда: «Строиться!» Прошла перекличка. Взрослым приказали рубить лес для построек бараков. Раздали пилы, топоры. Но у Айше вдруг потемнело в глазах, и она упала без сознания. Оказалось: у неё жар. Это было воспаление лёгких...

Глава 12

В изгнании

Ты слышишь стон, земля?!

То стон из-под оков.

У озера беды не видно берегов.

Путь к родине моей метелью замело,

За что изгнали нас из рая твоего?

Так началась новая жизнь Айше в изгнании, вдали от родины, без родных и близких. Тяжёлая, смертоносная болезнь с распростёртыми объятиями первой встретила её в чужом краю. Девушка долго находилась в бреду от высокой температуры. Врач решил, что она не жилец и уже не подходил к ней. На десятый день начался кризис: это день, когда болезнь встаёт между жизнью и смертью. Организм вступает с ней в неравную схватку, и если жизнь победит, то смерть отступит. Айше то ли в бреду, то ли наяву вдруг увидела маму... Это была не тез-ана, это была её родная мама с фотографии, которую она видела с раннего детства. Молодая и красивая. Золотые украшения сверкали, а лицо обрамляло сияние.

– Ана (мама)! – крикнула Айше: – мне плохо, я хочу к

тебе, – со стоном произнесла она и протянула к ней свои измождённые руки.

Эмине взяла их, и сильная боль пронзила девушку с головы до ног. Что-то синее и яркое вышло из её ослабевшего тела и ушло вместе с матерью. В дверях мама Айше оглянулась и, улыбнувшись, сказала: «Не сейчас, балам (детка), не сейчас...», – и ... исчезла.

Айше пришла в себя и почувствовала прилив сил, но, вспомнив сон или видение, вдруг поняла, что это мама забрала болезнь с собой. Да, она рядом и всегда была с ней рядом!!! Потом ещё долгое время девушка находилась под впечатлением и была счастлива, что видела маму во сне.

Вскоре Айше могла уже есть и самостоятельно ходить. Выйдя из лазарета, она заметила, как быстро появились вокруг бараки. За месяц её болезни построен целый посёлок.

Все ссыльные трудились в Городецком леспромхозе Горьковской области. С раннего утра они уходили на лесосеку пешком, где ежедневно валили лес и сплавливали его по реке.

После продолжительной болезни девушка выглядела, как выпавший из гнезда неоперившийся птенец. На неё было тяжело смотреть, не то что отправлять на лесоповал, где её могли не заметить среди деревьев из-за маленького роста и худобы. Комендант посёлка Николай Иванович, недолго думая, определил её статистом. Айше стала фиксировать объём выполненных работ, кубометры древесины и вести про-

чий учёт. Принимала телефонные звонки, получала сообщения и указания.

Спецпоселенцы могли свободно передвигаться по посёлку и даже выходить за его пределы, но удаление дальше трёх километров расценивалось как побег, за который можно получить срок тюремного заключения. Покидать границы дозволенного можно было только при наличии особого разрешения коменданта. Ссылным полагались довольствие и хлебные пайки, которых они лишались за малейшую провинность.

В редкие свободные минуты в сухую погоду Айше бродила по лесу. В отличие от лесов Крыма лес средней полосы России намного гуще, а деревья настолько высокие и ветвистые, что местами не пропускали солнечные лучи. Деревья-исполины и кусты росли так часто и близко друг к другу, что приходилось пробираться сквозь них, царапая руки и ноги. Повсюду лежал валежник, который закрывал тропы и преграждал путь.

Стояло лето 1944 года...

Айше исполнилось восемнадцать лет. Достигнув совершеннолетия, она так и осталась маленькой ростом. Худоба не портила её. Фигура приобрела женские формы, исчезло детское выражение лица. Несмотря на перенесённое тяжёлое заболевание и бледность, молодость одарила Айше внешнею восточной красавицы. Пронзительный, живой взгляд

больших бездонных глаз притягивал и манил своей загадочностью. В них будто бы из глубины ночи поблескивали маленькие алмазы и отражался весь её внутренний мир. До всех этих трагических событий улыбка не сходила с глаз Айше, они всегда смеялись и искрились, но сейчас искорки погасли. Она стала молчалива. Девушку можно было сравнить с тенью, так не слышно и незаметно она старалась жить среди людей в этом большом и холодном бараке, словно не хотела мешать им своим присутствием. Красоту Айше не портили ни серый шерстяной платок, ни чёрная телогрейка. В этой невзрачной одежде она была похожа на заколдованную злым волшебником прекрасную узницу.

Айше познакомилась с Заремой – добросердечной, стройной крымской татарочкой. Её родители погибли в дороге, и внезапное сиротство вынудило несчастную девушку искать у людей поддержку и участие. Поэтому она быстро подружилась с Айше, такой же одинокой, юной изгнанницей, как сама.

Несмотря на нужду, войну и неволю, девушки мечтали о любви, платьях и туфлях. Около их кроватей всегда стояли цветы или просто веточки кустов и деревьев. Айше не переставала замечать прекрасное и удивительное в окружающем мире. Природа распахнула перед ней свои зелёные объятия и окружила свежим воздухом, запахами трав, деревьев и кустарников. Хвойные деревья – пирамидальные ели и сосны – напоминали родину. Красивые белые березы приветливо

встречали её, шелестя блестяще-изумрудными листочками на ветру. В редкий солнечный денёк можно было прилечь на высокую, густую, душисто-зелёную траву или собирать цветы на полянках, где росли пушистые шары клевера, желтоглазые ромашки, красноглазые гвоздики, медовые кашки, яркие незабудки, синие колокольчики и небесные васильки. Девушки плели себе венки из цветов, а потом бежали в барак смотреться в зеркало, а точнее, в осколок разбитого зеркала из комендатуры.

В жаркий день, все цветущие травы: зверобой, душица, полынь, тысячелистник – начинали благоухать. В зарослях кустарников зрели ягоды черники, голубики, брусники. Поселенцы срывали их, как только они появлялись, не дав им созреть. В лесу много грибов, но, чтобы их собирать, надо уходить вглубь дальше трёх километров, поэтому Айше довольствовалась тем, что находила. Иногда видела белку и ёжика, наблюдала за муравьями. Девушка радовалась прекрасному лесу и тому, что осталась жива. Часто мысленно она уносилась в своё детство, где они с братом были вместе, туда, где вся семья кушала экмек (хлеб) и чебуреки, где они были счастливы. Вспоминался запах мандаринов, вкус инжира, тёплое летнее море...

Однажды, когда Айше бродила по лесу и грустила о родине, её мысли прервал хруст веток. Она обернулась и увидела седого деда. Он нёс целую вязанку сухих веток. Около неё дед остановился и, громко откашлявшись, присел на пенёк.

На нём была старая выцветшая гимнастёрка с чужого плеча. Рукава закатаны, пот струился по морщинистому лбу, волосы всклокочены. Из них торчали маленькие веточки и сухие листья.

«Леший», – подумала Айше. Она читала о них в сказках. Но леший вдруг заговорил:

– Ты почему, дочка, здесь плутаешь? Нехорошо одной бродить, – проокал нижегородским говором «леший».

– Здравствуйте, дедушка! – вежливо поздоровалась Айше. – Кто вы?

– Я-то? Дед Паша я. А ты кто?

– А я здесь на поселении живу. Меня Аня зовут. Так меня здесь называли, а настоящее имя Айше.

– Так что ж ты одна?

– Просто гуляю, пока время есть, сейчас обед. Я работаю здесь в конторе.

– А я истопник, вот собираю хворост для печи. А ты хворающая что ли? – спросил дед Паша.

– Выздоровела уже.

– А то смотрю: синяя вся, худющая. Того гляди упадёшь. Я отвары для силы сварю и передам тебе, быстро на поправку пойдёшь.

Они разговорились и подружились. Когда дед встречал девушку, всегда громко её приветствовал и интересовался здоровьем.

– Анюта! Отвар пьёшь мой? А-а-а, хорошо, видно, лучше

уж тебе, – разглядывая Айше, говорил дед.

Дед Паша учил её различать лечебные травы, корни, понимать лес. Рассказывал интересные истории. Айше слушала его, широко открыв глаза, с удивлением и не перебивая. Но что правда, а что вымысел, различить было трудно. Дед такой выдумщик!

– А где ваши дети? – спросила его как-то Айше.

– Один я, давно уж.

Айше привязалась к деду. А он к ней. Два одиночества не давали друг другу скучать. Она с удовольствием слушала его байки. Её покорили его доброта и неунывающий нрав.

– Слушай, – говорил он, – что расскажу. Встретились рыбак и охотник. И давай небылицы сказывать. Ключнул как-то, – говорит рыбак, – сом. Я его тащу, а он такой сильный да большой. Взял топор и разрубил пополам. Хвост забрал, голова осталась. Потом ещё раз пришёл на это место, закинул блесну: глядь, поймался опять сом, да без хвоста. Во-но как!

– А вот у меня была собака, – рассказывает охотник. – Поймает зайца да говорит мне: «Чай, хватит тебе зайца-то одного?»

– Кто говорит? Собака?!

– Да, а кто ж?

– Да ну! Так и говорит? – спрашивает рыбак.

– А то, ей-богу! Я ей: давай ещё лови.

«Не-э-э-т, твоя тепереча очередь», – она мне. Вот така ум-

на собака была.

– Дед Паша, Вы сами придумываете или где слышали? – интересуется Айше.

– И сам, и что родители сказывали, а что, интересно али как?

– Интересно! Сказки я люблю. Мой дедушка много рассказывал сказок и легенд.

В лесистой местности вокруг поселения были реки и маленькие озёра. Наслушавшись сказок деда, устроившись на берегу водоёма, она представляла себя Алёнушкой, сидящей у пруда. Сестрицей, потерявшей братца. Совсем как про неё и Усеина. А по небу пролетали «гуси-лебеди». Щебетанье птиц, стук дятла и кукование кукушки напоминали о мирной жизни. И Айше начинала мечтать о том, как хорошо было бы стать вольной птицей и улететь к себе на родину. Но сказка быстро заканчивалась, и приходилось возвращаться в суровую серую действительность: в барак или на работу.

Айше, как только выздоровела, написала письмо Марии и указала свой адрес в надежде, что так найдутся все. Так и случилось. Вскоре Мария получила письма от Мерьем, Медине, Шевкие, семей Аблякима и Абибуллы. Из писем они узнавали друг о друге, где находятся. Оказалось, что Мерьем попала в Ульяновскую область тоже на лесозаготовки. Остальные в Узбекистан в колхозы на сбор хлопка. Так судьба разбросала семью Айше, и они все стали жить надеждой, что когда-нибудь обязательно увидятся.

Мария писала из Судака:

«Здравствуй, дорогая Айше!

Вот уже несколько месяцев, как я осталась одна с детьми. Город опустел. Как же тяжело было смотреть на пустые дома. Сейчас в них заехали новые жители из разрушенных городов, те, кто остался без жилья. Живите, сказали им, пока здесь. Вот я и думаю: значит, вас вернут когда-нибудь обратно.

Мои дорогие, всё думаю о вас, живы ли, здоровы? Верю, мы обязательно встретимся, и Усеин вернётся – мой любимый муж. Пока не знаю, что с сестрёнкой. Украину освободили, значит, будет от неё письмо.

Айше, пиши. Я всегда жду от тебя писем. Береги себя! Мария».

Подруга Зарема заменила Айше родных. Им было о чём поговорить, вспомнить море, детство. Ведь Зарема из Феодосии. В дороге её мама умерла от дизентерии, а отец от брюшного тифа; и сама она чудом выжила. Вскоре у Заремы появился парень Сервер. Они вместе работали на лесоповале. Сервер жил с мамой в семейном бараке, где на каждую семью выделялась маленькая комнатка, огороженная тонкими дощатыми перегородками. Айше с подругой часто заходили к его маме – тёте Азиме. Девочки нуждались в материнском тепле, и Азиме старалась дарить им это тепло.

Наступила осень. Прекрасная пора увядания! Осенняя природа умирает чарующе, красиво, одеваясь в оранжево-зо-

лотые одежды, раскрашивая всё видимое глазу великолепие в солнечный цвет. Как будто желает возместить этим недостаток солнечного тепла! Осенью растительность покрывает землю золотым ковром, словно воздаёт ей должное за прожитое лето, за то, что земля поила и кормила её, пока она цвела. Птицы покидают обетованную землю и улетают туда, где ещё тепло и зеленеет листва. Ветер становится более жёстким и не щадит никого, проносятся ураганы. Так как борьба холодного и теплого воздуха обостряется, холодный, становясь осенью сильнее, полностью вытесняет слабый и изможденный теплый воздух. А пока они соревнуются, кто сильнее, бушующие ураганы сметают всё на пути, не жалея ни деревьев, ни людей. Небо оккупируют дождевые ливневые облака, загораживая солнце и не давая ему согреть и освещать землю. Ветрами и дождями природа смывает все краски уходящего лета.

Осенняя погода вынуждает людей одеваться теплее и искать укрытий от ливней и ветров. Земля размокнет до грязи и месива от постоянных дождей, а ночью промёрзнет до инея. Вездесущая сырость проникнет всюду: во всё живое и неживое. Туманы окутают леса и поля, закроют видимость на дорогах, вытягивая из земли последнее тепло. Но красоту осени не затмевают дожди и ветра. Не блекнут её краски под тучами и туманами. Она умеет уходить красиво, гордо, помахивая на прощание ветками с золотыми листьями, устилая дорогу разноцветным ковром. Осень – это подготовка к

более холодному времени года – зиме. Только зимой стихии оставят землю в покое, и она впадёт в спячку, укрывшись белым, пушистым одеялом, будет ждать своего возрождения – весны!

В эти холодные осенние дни, несмотря на всю красоту осени, Айше особенно сильно тосковала по крымскому жаркому солнцу. Дождливая и мрачная погода давила на неё вместе с гнётом неволи и одиночества. Она вспомнила рассказ брата о местах на планете, где никогда не бывает солнца, и, встретив русскую осень, поняла, что эти места находятся именно здесь...

13 глава

Победа!

Мир на земле, где кровь лилась рекой,

Победу добывая.

Где дождь из слёз стоял стеной,

Свободен от врага – от края и до края!

9 мая 1945 года Айше, как всегда, дежурила у телефона, получала сводки, писала отчёты. Раздался звонок:

– Девушка! Победа!!! Передайте Николаю Ивановичу! Победа!!! Поздравляю всех!!!

Айше не сразу сообразила, о чём ей говорят. Слишком долго ждали они победу, а её всё не было. Она выбежала из конторы и закричала:

– Товарищи, Победа!!!

– Победа?! Кто сказал, когда? – спрашивали люди, не веря своим ушам. Все, кто был на территории посёлка, прибежали на крики. Схватили Айше и стали подбрасывать её вверх от радости.

– Уррааа!!!

– Победа!!!

Слёзы счастья и торжествующие возгласы не смолкали до самой ночи. Новость быстро разлетелась по посёлку и по всему лесному хозяйству. И даже в отдалённых уголках леса были слышны возгласы: «Ура!!! Победа!!!» Все обнимались как близкие родные: и поселенцы, и стражи порядка. У людей появилась надежда. Скоро вернуться их мужья, братья, сыновья и заберут их на родную землю!

Но время шло... Возвращались фронтовики – крымские татары. В Крыму они не находили своих родных, а узнав их местонахождение, уезжали к семьям, где оставались уже как спецпоселенцы, теряя права свободного гражданина. И несмотря на все заслуги и награды, мужчины автоматически приобретали статус предателя родины.

Усеин так и не вернулся, но вернулся Абляким. Он приехал в Крым, но, как и все, семьи не нашёл. У Марии узнал адрес и уехал в Узбекистан к семье, в Андижанскую область. От жены Абибуллы пришло письмо, где она сообщала, что от мужа с 1942 года нет вестей. Получая письма от родных, Айше понимала: сейчас главное, что кончилась война и как жаль, что не вернулись Усеин и Абибулла. Вспоминая о брате, Айше нередко плакала и грустила, ощущая своё горькое одиночество.

За Айше стал ухаживать парень из вольнонаёмных работников – водитель лесовоза Миша – белокурый, высокий, открытый и жизнерадостный молодой человек. В его голубых

глазах всегда играла улыбка. Войной на правой щеке был оставлен шрам в виде молнии. Его полные губы говорили о добродушии и мягкости характера. Молодой человек приносил девушке полевые цветы на работу и незаметно подкладывал ей в ящик стола. Когда они встречались взглядами, Миша краснел и отворачивался. А она, улыбнувшись, проходила мимо. Когда в очередной раз он положил в стол цветы, в контору вошла Айше.

– Так вот кто приносит мне цветы! – воскликнула она.

– Здравствуй, Аня! – смутился Миша.

– Здравствуйте! Вы пришли к Николаю Ивановичу?

– Нет, Аня, я к тебе.

– Ко мне?

– Сегодня привезли комедию с Любовью Орловой. Пойдёшь посмотреть?

– Не знаю. Если друзья пойдут.

– Мы можем пойти вместе.

Вечером с друзьями они были в кино. После фильма Миша пошёл провожать девушку, а по дороге рассказал о себе:

– Я был на фронте. В 1942 году получил ранение в лёгкое, но выжил. После операции подлечился, меня комиссовали. Можно было уехать домой в Свердловск, но я решил работать в этом леспромхозе. Здесь я увидел тебя первый раз, когда ты вышла из лазарета. Тогда я подумал: «Какая маленькая, худенькая девочка и без мамы».

– Я не маленькая, как видишь, – сказала Айше.

– Да, но я же тогда не знал, сколько тебе лет. С тех пор смотрю, как ты взрослеешь, и какая стала красивая.

– А шрам на щеке откуда?

– Война оставила на память.

– Миша, скажи мне, как думаешь, я вернусь домой? Когда нас отпустят?

– Не знаю, Аня. Об этом никто не говорит.

– Мои друзья Сервер с Заремой женятся. Разрешение у коменданта на свадьбу получили.

Они подошли к бараку Айше.

– Ну вот мы и пришли. Пока!

Она помахала Мише рукой на прощанье и зашла в барак.

– Аня! Давай завтра встретимся? – крикнул ей вслед Миша.

– Хорошо! – улыбнулась Айше.

«Как здорово, когда есть друзья», – думала она. От этого на сердце становилось тепло и уютно.

На свадьбу молодожёнам каждый гость принёс что мог. Кто картошку, кто свою пайку хлеба, сушёные грибы, ягоды. Любая еда была дорогим подарком к свадьбе. Комендант выдал самогон. Получился настоящий праздник. Зарема нашла свою любовь, и Айше была за неё очень рада.

Глава 14

В плену судьбы

Разрезана душа

Без жалости до крови.

Приходит пустота

Вонзается до боли.

В начале октября выпал первый снег. Пришла зима. Это была уже вторая зима в изгнании. Тогда, в первую зиму в промёрзшем сыром бараке, она смогла выжить. Выживет ли сейчас? «Я выдержу всё, – думала Айше, – я смогу, чтобы когда-нибудь быть вместе с семьёй. Весь этот ужас обязательно закончится, так говорила мне мама Сервера, и я верю ей».

На работу надо было выходить в любую погоду. И только в туманы и буран валить лес было невозможно. Вернувшись с работы, люди долго не могли согреться, так как печь плохо прогревала воздух. Не всем удавалось пережить зиму. Ночью морозы доходили до – 40, днём до – 37. Снег зимой заваливал их барак иногда под крышу. Приходилось подолгу расчищать пути, чтобы добираться до работы. Когда за окном выла вьюга, кружили метели, образуя снежные завалы,

Айше опасалась, что их барак занесёт снегом и они никогда не смогут выйти. Зато, когда светило солнце, снег искрился и, сверкая самоцветами, слепил глаза. В солнечный день она шурилась от снега, как от летнего светила. Ей нравилась спокойная и мирная зима. В безветренную погоду в лесу стояла тишина и даже издалека было слышно, как где-то хрустнула ветка от пробежавшего оленя или косули, или вспорхнула птица, потревожив усыпанное снегом дерево. А ночью зимняя тишина нарушалась громким уханьем филина.

Но когда зима бушевала, её бураны сбивали с ног. Айше падала в сугроб, в глаза и нос забивался колючий снег, и становилось трудно дышать. На ресницах сразу появлялся иней, а морозный воздух пронизывал до самых косточек. Отогреваясь после мороза, ноги и руки начинали нестерпимо болеть, а лицо пылать.

Она мысленно сравнивала тихий зимний лес с мирной жизнью, а бураны с войной. Война, как буран, пронеслась по её жизни, разметав всех родных. Под её завалами осталось счастье, свобода и брат. Метели замели дорожки к дому, отрезали путь к счастью. В завывании вьюги ей слышался вой голодных волков и собак, пророчащих беду. Так злая зима грозила предстоящими испытаниями.

Вскоре Айше получила от Марии очередное письмо:
«Здравствуй, Айше!

У меня есть новости об Усеине. Ко мне заходил служивший вместе с ним фронтовик по фамилии Рыбак, который

рассказал, когда последний раз видел моего мужа. Рыбак тоже был в окружении в 1941 году, как и наш земляк Мемет. Вот что он поведал:

– В августе 1941 года под Киевом наша армия попала в окружение. Среди солдат была паника. Все бросились врассыпную. Кукурузное поле, в котором мы прятались от фашистов, начали бомбить. Мы стали прорываться к своим в сторону Харькова. Нас было шесть человек. Вокруг немцы, а так как немец ночью спит, мы пробирались по ночам. Сам я из местных, из Харьковской области, и эти места знаю. По пути к нам присоединились другие солдаты окруженцы. Увидев деревню, мы посылали кого-нибудь в разведку: есть ли там немцы. Потом просили у жителей провизии. Шли, вернее, больше ползли, дальше, приходилось преодолевать водоёмы. Плавать не все умели, а Усеин хорошо плавал, он помогал солдатам переплывать речки. Сначала одному поможет, потом за другим вернётся. Оставалось немного идти до своих, но мы попали под миномётный огонь. Я получил ранение и очнулся в чьей-то избе. Меня спасли местные жители одной деревушки неподалёку. Я спрашивал тогда у моих спасителей:

– Не видели ли вы там других наших солдат?

Они ответили:

– Мы никого не видели, на тебя вот наткнулись, козу свою искали. Видим, лежишь и стонешь. Мы тебя под ручки и бежать, а то на немцев могли нарваться.

Пролежал я у них до середины сентября, потом добрался до наших. Как раз в это время под Харьковом собрались «окруженцы», те, кто выжил и вышел к своим. Потом мы получили пополнение, и нас отправили на фронт. Не знаю, что стало с Усеином и другими бойцами, я их больше не видел. Вот зашёл узнать, где он, жив ли?

– В октябре 1941 года я получила извещение, что он пропал без вести, – ответила я, – и вскоре объявился наш земляк из Таракташа, Мемет. Он тоже с Усеином прятался в кукурузном поле.

– Да. Мы служили с ним в одном отделении стрелковой дивизии. Я знаю его. Он живой?

– Сейчас неизвестно, где он. Наверное, выселили его тогда же, в 1944 году.

– Значит, Усеин не вернулся... Может, он там, под Харьковом, и погиб? – предположил Рыбак.

– Нет, я не верю, что погиб, – ответила я, – я надеюсь, что вернётся. Вы же вернулись. Может, его тоже кто-то спас. А может, он попал в плен?

– Нет, это невозможно, он говорил мне: «Я им живым не дам». Во-первых, коммунистов в плен фашисты не брали, сразу расстреливали – мы это знали наверняка. Во-вторых, Усеин говорил: «Коммунисты не сдаются. Семью и партию позорить не буду». У него была винтовка, он пулю себе припас для этого дела. Мы ведь своё боевое оружие не бросили, хотя многие тогда побросали и петлицы срывали, когда бе-

жали со страху куда глаза глядят. Да-а-а, в первый год войны страшно было с непривычки, но потом по привычке, осмелели и начали гнать фашиста с земли нашей. После непродолжительной паузы он продолжил:

– Так вот что, Мария. Мы с вашим мужем, когда ещё прятались в кукурузном поле, договорились: кто из нас выживет, придёт к семье и расскажет о том, как всё было и что мы героически сражались. Усеин храбрый и отчаянный. Он и не думал сдаваться или бежать, чтобы скрыться. Он всегда говорил: «Надо прорываться к своим, мы не можем, как трусливые зайцы, прятаться в норах». Хороший он человек, ваш муж. Всегда буду помнить, и, дай Бог, может, свидимся.

– Спасибо вам, за добрую весть о моём муже. Я тоже надеюсь и жду.

Вот, Айше, я передала тебе наш разговор – слово в слово. Мы будем ждать Усеина несмотря ни на что! Пиши, как ты, как здоровье? У меня всё хорошо, дети растут. Я работаю.

Пока, ваша Мария».

Прочитав письмо Марии о брате, Айше задумалась: «Что за ирония судьбы! Опять Харьков. Там он учился, женился, воевал и пропал без вести. Это не иначе, как судьба. Но надежда всё-таки есть, и это хорошо». Было горько сознавать, что брат мог погибнуть в свои двадцать пять лет.

В посёлке всё чаще стали появляться фронтовики, кто приезжал к своим семьям, кто устраивался на работу. Тогда

никто не думал, что может быть что-то хуже войны.

Наступивший 1946 год принёс людям новое испытание – голод! Пайки хлеба, без того маленькие, были урезаны. По всей стране прокатился очередной голодомор, и особенно его смертельную хватку испытали на себе люди, находившиеся в неволе. Айше вспоминала рассказы Мерьем о голодоморе 20-х и 30-х годов. Теперь и ей довелось испытать его на себе. Худенькая Айше часто падала в обморок. У неё кружилась голова и темнело в глазах. Голод сделал из неё маленькую высохшую старушку с тёмными кругами под глазами. И никто не смог бы сейчас распознать в ней представительницу древнего и знатного ханского рода. Миша приносил ей сушёные грибы и вяленую рыбу, отдавал часть своего пайка. Она отказывалась и говорила ему:

– Не надо Миша, ешь сам.

– Аня, я прошу тебя, возьми хлеб. Я сытый. Молоко тоже достану, подожди, только не умирай!

Так продолжалось почти два года. За это время многие не пережили голода. Умер ребенок Заремы, родившийся в эти голодные годы. Айше с Мишей ходили к друзьям утешать их и поддержать в такой скорбный час. Холод, голод и смерть были постоянными спутниками этого времени. Первыми не выдерживали маленькие дети и старики. Смерть косила людей как всегда с холодным равнодушием, каждый раз напоминая о себе, пугала своей беспощадностью. Казалось, что она пришла в жизнь Айше надолго, навсегда.

Айше выжила во многом благодаря другу. После того как голод остался позади, Миша признался ей:

– Аня, я давно люблю тебя. Ты разве не замечаешь? Давай поженимся?

Айше удивлённо взглянула на молодого человека.

– Это невозможно! Ты сразу потеряешь все права, как мы, и станешь поселенцем. Нет, не надо об этом, прошу тебя!

– Ну и что, я хочу быть рядом с тобой!

– Мы же и так вместе, мы друзья, пока этого достаточно, я не могу рушить твоё будущее, и я... я не люблю тебя. Понимаешь?! Ты мой друг, самый лучший и верный друг! Я тебе обязана жизнью и всегда буду помнить об этом.

– Я всё-таки буду ждать твоего согласия хоть много лет, – после некоторого раздумья сказал Миша.

– Хорошо, поживём – увидим, – согласилась Айше.

Пришло письмо из Ульяновской области от тез-аны, но писала не она, а какая-то незнакомая женщина. В письме она сообщала, что Мерьем умерла три месяца назад. Причину смерти не указала. У Айше на глазах появились слёзы. Дрожащими руками она раскрыла, лежавшую в конверте, сложенную бумагу, и увидела знакомый почерк тез-аны:

«Здравствуй, моя дорогая доченька!

Если ты получила это письмо, значит, меня уже нет на этом свете. Пришло моё время. Хочу сказать, что я любила тебя и всех моих детей. Надеюсь, что Абибулла и Усеин найдутся, и вы все вместе встретитесь и вспомните меня – ва-

шу маму. Хотя мы не вместе, но душой рядом. Не печалься и не плачь, береги себя. Ты хорошая девочка и обязательно будешь счастлива! Если вернёшься на родину, поклонись могилам наших родителей и помолитесь за нас.

Твоя тез-ана!»

Айше присела на скамью и не сразу поняла суть этого письма. Мозг отказывался воспринимать прочитанное, инстинктивно защищая сознание. «Не может быть! – это была её первая мысль. – Наверное, женщина ошиблась адресом». Айше спросила Зарему:

– Зарема, прочитай, что там написано, я не пойму, – обратилась она к подруге.

Зарема прочитала письмо... и крепко обняла её. Только тогда Айше поняла, что случилось, и горько разрыдалась. Постепенно сознание утраты близкого человека пришло к ней.

– У меня больше нет мамы! Нет!!! Нет!!! – закричала она. – Моя бедная, родная тез-ана вдали от нас, детей, умерла совсем одна. Нас не было с тобой рядом. Прости нас!

Письма тез-аны согревали её в трудные минуты. Она по несколько раз их перечитывала, целовала бумагу и прижимала к груди, как будто это была тез-ана. Ещё четыре месяца назад Мерьем писала ей, что с ней всё хорошо, здоровье в порядке. Беспокоилась о ней, поддерживала уверенность, что скоро они будут опять вместе. Но ведь не всё можно было писать в письмах. Айше не знала, что с тез-аной происхо-

дило на самом деле. Возможно, голод подкосил её здоровье.

Сколько испытаний может выдержать человек в восемнадцать лет? Война, ссылка, несправедливое обвинение, голод, болезни, потеря родных и близких. Айше не проклинала страну, в которой она жила, ведь она подарила ей счастливое детство. Она проклинала войну, которая забрала у неё всё. Войну, которая разделила людей на врагов и защитников, героев и трусов. Из-за предателей, ставших на сторону врага, весь её народ несёт жестокое и непосильное наказание. В ней копилась обида на родину, которой они с братом так гордились. Её обескураживал тот факт, с какой лёгкостью она отреклась от них, сделав из них изгоев. Айше вспомнила любимые песни Артека:

Если Сталин сказал,
Значит, есть,
Значит, будет,
Если Сталин сказал,
Станут делом слова...
И помнит каждый час
Великий Молотов о нас!
Как много сделал этот человек!
Мы во дворце живём,
И мы всегда поём:
Артек! Артек!

Вспомнив детство, она ощутила горькое разочарование, ведь им всегда говорили, что добрый отец народов – Сталин – любит их и защищает. До войны она чувствовала эту любовь, а теперь...

Однажды дед Паша встретил её и подозвал к себе:

– Анюта, поди сюда! Ну, как поживаешь?

– Хорошо, дед Паша, – грустно ответила Айше.

– Ты не грусти. Главное в жизни оставаться человеком.

Вот слушай байку да мотай на ус:

– Один мудрец увидел змею, которая попала в огонь и решил вытащить её из пламени. А когда сделал это, змея укусила его. Мудрец бросил змею, и она опять упала в огонь. Тогда он снова вытащил змею из огня и спас ей жизнь. Один из учеников спросил:

– Отче, эта змея укусила тебя, почему ты спас её?

Мудрец ответил:

– Натура змей такая – кусать, а моя – помогать.

– Не меняйся дочка, оставайся собой, не копи обиду. Храни доброту в сердце, но будь осторожна. Поняла?

– Конечно, дед Паша, спасибо вам.

– Да что уж, я много знаю и ещё расскажу. Внешность человека – это картинка, и она обманчива. Мы не можем знать, о чём думает человек. И почему он так себя ведёт, тоже не знаем, – сказал дед и продолжил: – если ты всё потеряла, утешься тем, что не потеряла жизнь, если осталась одна, не замыкайся. Ты, чай, не дверь. Одиночество – это тюрьма для

души и тела, порви цепи и иди на свободу.

Постепенно Айше возвращалась к жизни с её радостями и потерями. Её успокаивали письма родных. Медине писала, что в Узбекистане тёплый климат, похожий на климат в Крыму, а летом очень жарко. Она, наконец, нашла свою любовь и вышла замуж. Стал присылать письма и дядя Осман из Азербайджана. Миша был рядом, он отвлекал её от грустных мыслей, и Айше часто думала, как странно устроена жизнь! Забирая одного, она дарит другого, тоже близкого человека, такого заботливого и понимающего. Со временем она стала замечать, что ей очень не хватает Миши в дни, когда его не было рядом. Он приходил, и она расцветала в улыбке, смущённо пряча глаза. Любовь неслышными шагами шла к ней, заставляя сердце биться чаще, краснеть от смущения и ждать встречи. Любовь в неволе привязывает людей через испытания. Пройдя вместе через трудности, влюблённые становятся единым целым. Забота друг о друге сближает и растёт. Непреодолимое желание быть вместе, придаёт силы и помогает выжить. У Миши превосходное чувство юмора, он веселил людей своими шутками, не давал грустить и унывать.

Но жизнь не переставала наносить Айше удары судьбы. Зимой 1948 года Миша сильно простудился. Она бегала в больницу, навещала его, сидела подле кровати. Её друг лежал с высокой температурой, началось воспаление почек. Врач давал неутешительные прогнозы. Айше украдкой пла-

кала у постели больного. Когда Миша почувствовал себя лучше, спросил её:

– Ну что, темноглазая, ты согласна быть моей женой?

– Да! – ответила Айше, и её влажные от слёз глаза наполнились радостью.

– Я так рад, Аня! Как только смогу ходить, распишемся!

– Хорошо, Миша, ты только выздоравливай поскорее!

А наутро ей сказали, что Миши больше нет....

Эти слова прозвучали как приговор. Опять беда вцепилась в неё своими холодными щупальцами. Комок слёз встал в горле и не давал разрыдаться. Спазм в гортани не пропускал пищу. Всё тело было в напряжении, словно скопившееся горе застряло в горле и мешало ей пить и есть. Зарема пыталась помочь подруге, просила её заплакать, но у Айше не было слёз. Она слегла с температурой. Прошло несколько дней, и спазм постепенно отпустил её. Взглянув на фото Миши, она, наконец, разрыдалась и была безутешна. Молодой человек скрасил ей одиночество, был её ангелом-хранителем, отдавал ей всё тепло и, возможно, свою жизнь, с ним она испытала чувство первой любви.

– Ну почему он не уехал на Урал, ведь он же был свободным? – спрашивала она Зарему.

– Он мог и там простыть так же, как здесь. Не вини себя, это судьба.

– За что, жизнь, ты наказываешь меня? – рыдала она. – За что забираешь у меня дорогих мне людей?!

Айше ушла в себя, стала замкнутой и неразговорчивой. Она часто ходила с опущенной головой и ни на что не реагировала. Когда её окликали, не сразу отзывалась, как будто была не здесь. На работе путалась с цифрами, не могла сосредоточиться. Ходила к могилке Миши и долго там плакала. За это непродолжительное время кладбище, расположенное за посёлком, разрослось. И здесь часто можно было увидеть людей, приходивших поплакать у могил родных и друзей.

Как-то она встретила Эмира, который приехал вместе с ней на место ссылки. Он стал взрослым юношей. Люди обращались к нему за советом. Айше спросила его:

– Эмир, не слишком ли много испытаний послал мне Аллах? У меня уходят силы.

– В послании пророка, переданном Ат-Тирмизи, – отвечал Эмир, – говорится: «Знай: то, что миновало, не должно было с тобой случиться, а то, что случилось с тобой, не должно было тебя миновать. И знай, что нет победы без терпения, находки без потери, облегчения без трудностей».

«Получается, что вся моя жизнь – это испытания. Как выдержать их? Трудности должны придавать мне силы», – сделала для себя вывод Айше.

Время шло, её боль притуплялась, но не уходила. Печаль сделала своё дело: сердце её потухло. Всё больше тоска по родине разъедала ей душу. Обнимая деревья в лесу, она думала о далёком Крыме, об акации, которую посадила как раз

перед войной, о каменистых дорожках Таракташа и Судака,
мокроем песке и нагретой солнцем гальке на побережье.

15 глава

СЫН

*Без родины я странник на земле.
Ищу свой дом в пустыне людной.
О родина! Скучаю по тебе.
Мне без тебя идти дорогой трудной.*

Прошло три года, как Айше потеряла тез-ану и Мишу. Жизнь продолжалась. Ровесники находили себе пары, а она никого не хотела замечать. У Заремы за это время родились двое детей. Айше нравилось с ними нянчиться. В это время она вспоминала братика Асана, сына Медине, и думала о том, каким он стал сейчас. А Зарема твердила подруге:

– Тебе пора замуж и детей заводить. Почему ты до сих пор одна? Мишу не вернуть, надо жить!

– Мне никто не нравится. А детей я, правда, хочу. От них веет счастьем, и так хочется жить.

– Хватит с моими детьми возиться, своих пора рожать. Вот Леонид, тракторист, давно на тебя смотрит и сохнет по тебе. Хороший мужчина, серьёзный. Давай так, послезавтра мой день рождения, мы его позовём в гости. Вот и подружи-

тесь, присмотритесь. И кто знает...

– Хорошо, – неохотно согласилась Айше, – посмотрим.

В день рождения Заремы девушки готовили праздничный ужин. В это время в дверь постучался Леонид. Он зашёл с охапкой полевых цветов.

– Поздравляю! – сказал он и подарил Зареме букет и конфеты.

За столом между мужчинами было много разговоров о работе. Женщины говорили о детях. Включили патефон. С пластинок слышались фронтовые песни: «Катюша», «Бьётся в тесной печурке огонь». Леонид замолчал. Он вспомнил своих погибших боевых товарищей и окунулся в воспоминания.

– Ну, что мы скучаем? – сказала Зарема. – Пойдёмте на улицу дышать воздухом, там тепло и сухо, а мы дома.

Все вышли. Зарема шла под руку с мужем, Айше рядом с Леонидом. По дороге они разговорились.

– Расскажите о себе, – попросила его Айше.

– Ничего интересного в моей жизни нет. Я вырос в городе Горьком. Закончил семилетку, пошёл работать на завод. Потом получил права, стал водителем. Началась война. Проехал все фронтовые дороги рядовым солдатом-водителем в мотострелковом полку. Возил снаряды, солдат. Есть награды.

– А как вы здесь оказались?

– Работаю в соседнем леспромхозе, а здесь я в команди-

ровке. Вам трактористы нужны были, вот меня и отправили сюда на подмогу. Теперь ты Расскажи о себе.

– Я из Крыма. У меня много родных. Есть двоюродные братья, сестра, тётя и дядя. Все разбросаны по свету. Сама я сирота, меня вырастила родная тётя и стала мне мамой. Она попала в Ульяновскую область на поселение, там и умерла. Родной брат пропал без вести на фронте, – у Айше дрогнул голос. – Так что я тоже здесь одна.

Они долго бродили по посёлку и возле барака Айше расстались.

Коренастый, широкоплечий Леонид был хмурым мужчиной. В его зелёных усталых глазах остался след от потерь и тяжёлых испытаний, отчего он выглядел старше своих лет. Боевая молодость закалила его характер. Одиночество сделало не по годам серьёзным и сосредоточенным. Айше он заметил сразу, как появился в посёлке. Ему нравилась задумчивая и скромная девушка. Но девушка не обращала на него внимания. Леонид тогда ещё не знал, что в ней давно погас огонь любви, разжечь который будет не просто.

После ужина у друзей, окрылённый вниманием девушки, Леонид стал каждый вечер приходиться к Айше. Они сидели на лавочке, вели беседы. Леонид не скрывал своих чувств, но девушка оставалась холодна. Вот уже семь лет она живёт в неволе, её сердце устало от постоянных потерь и разочарований, но, помня разговор с Заремой, она уговаривала себя быть мягкой с молодым мужчиной. Постепенно она привыкла

к нему. И когда Леонид произнёс слова признания и предложения руки и сердца, Айше согласилась. «Стерпится – слюбится», – говорила она себе, вспоминая пословицу. Они зарегистрировались и стали мужем и женой. От свадьбы Айше наотрез отказалась.

– Ни к чему это, когда буду на свободе, отметим, – говорила она мужу.

Любовь не приходила, и Леонид стал появляться дома нетрезвым. Когда он пытался обнять жену, Айше отталкивала его, ссылаясь на усталость.

– Аня, – обиженно говорил Леонид, – и долго ты будешь ко мне относиться как к другу? Я уже не хочу домой возвращаться, разве ты не видишь? Может, ты любишь другого?

– Лёня, перестань, – останавливала она его, – никого другого я не люблю, я правда сильно устаю.

Со временем Айше стала понимать, что у неё не получается создать семью и она решает расстаться с Леонидом. Но когда решилась на это, поняла, что ждёт ребёнка.

– Лёня, у нас будет ребёнок, – радостно сообщила она мужу.

– Это очень хорошо! – восторженный Леонид поднял жену на руки.

Он окружил её заботой и очень надеялся, что ребёнок свяжет их крепче. А Айше видела в будущем малыше свою единственную радость. Долгожданный день пришёл, родился сын. Родители назвали своего первенца Володей. К рож-

дению сына Леонид построил дом.

– Владимир Леонидович! Аннушка! Добро пожаловать! – говорил он, когда они дружной семьёй входили в новый дом.

Начались бессонные ночи. Айше всё меньше уделяла внимание мужу. А когда Володе исполнилось два месяца, она отдала его в детский барак – подобие детского сада и на весь день уходила на работу. Вечером забирала его, и порой всю ночь ей не удавалось поспать. Ребёнок плакал или болел, но на работу надо было выходить несмотря ни на что.

В марте 1953 года пришла новость – умер Сталин!

Реакция у людей была сдержанная. Радоваться никто не спешил, хотя все понимали, что это с его согласия и решения они оказались здесь. Кто-то всё-таки горевал и плакал. Кто-то боялся перемен к худшему. Но улучшение в содержании и в обращении к ним уже намечалось, повеяло свободой. В стране была объявлена амнистия, но она не коснулась крымских татар...

Всё чаще Леонид был нетрезв, поздно приходил домой, высказывал жене свои обиды.

– Аня, дай поесть, – грубо требовал он.

– От тебя опять пахнет водкой, – упрекала Айше.

– Как хочу, так и живу. Я тебе не нужен, я знаю.

Айше плакала, вид пьяного мужа раздражал её. Соседи специально громко шептались, чтобы она слышала, что у

Леонида появилась женщина и к ней он ходит по вечерам. Она не знала, как на это реагировать, но решила, что так даже лучше. Теперь его можно оставить, и он не пропадёт, раз его есть кому согреть.

С каждым днём в ней зрело желание развестись с мужем. Сам Леонид тоже понимал, что дальнейшая жизнь с женщиной, которая его не любит, невозможна, тем более к этому времени у него сложились серьёзные отношения с другой женщиной, которая только и ждала, когда он станет свободным.

– Лёня, нам надо развестись, – объявила мужу Айше, когда он в очередной раз высказывал ей свои обиды.

– Я согласен, давно пора.

– Ну, вот и хорошо, – поставила точку в отношениях Айше, – завтра же пойдём в поссовет и подадим на развод.

– За алименты не переживай, будешь получать. Сына я не брошу, буду к нему заходить и брать к себе.

На том и решили. Получив развод, Айше собралась к тётке Медине. У Медине семейная жизнь складывалась благополучно.

Леонид стал жить с другой женщиной. Бывший муж забыл дорогу к Володе, весь с головой ушёл в заботы о новой семье.

Айше не переживала по поводу развода, у неё не было ревности и она даже радовалась за Леонида: хотя бы у него устроилась жизнь. Вскоре о планах уехать в Узбекистан к тётке

те она сообщила Зареме:

Зарема не на шутку испугалась:

– Ты что, Айше, там же басмачи. Вот дядя Семён рассказывал, что в Азии басмачи и режут людям головы. Я ещё удивлялась, как твоя тётя там живёт.

Айше рассмеялась до слёз.

– Ну и рассмешила ты меня. Басмачей там нет уже лет двадцать пять. Они были против Советской власти. Это как здесь белые воевали против красных. Гражданская война закончилась давно. Историю надо было учить. Медине писала, что люди там хорошие и добрые.

По действующему в то время законодательству, поселенцам, имеющим маленьких детей, разрешалось отдавать их на воспитание родственникам или в детский дом. Спецпоселение не место для детей и условия для них там не создавались. Айше написала Медине в Узбекистан, что хочет приехать к ним с сыном на поселение, и попросила, чтобы та оформила вызов. Медине посоветовала ребёнка на время отдать дяде Осману. «У них ведь нет детей, пусть порадуются малышу», – писала она племяннице. Айше так и сделала. Написала дяде про Володю и попросила забрать его на время, пока не устроится на новом месте.

Вскоре Осман приехал к племяннице с женой Евгенией. Когда он появился в посёлке, то был очень удивлён, в каких условиях живёт дочь брата.

– Ну-ка, Айше, я посмотрю, какая ты стала, – сказал

Осман, разглядывая её в телогрейке и в валенках.

Он еле узнавал в ней свою племянницу.

– Айше, бедная моя девочка, – говорил он, – как ты выжила здесь? Конечно, мы заберём Володеньку. Я внука брата буду растить как своего сына.

– Зачем растить? Я его заберу скоро и сама буду растить, – сказала Айше.

– Конечно, но, пока ты устраиваешься, растить внука будем мы.

Прибежал Леонид. Соседи сообщили ему, что Айше отдаёт кому-то сына.

– Ты что, отдаёшь сына при живом отце? – кричал возмущённый Леонид, обращаясь к Айше.

– Ты же не интересуешься им. Несколько месяцев уже не приходил, значит, он тебе не нужен, – ответила Айше. – Я же не чужим его отдаю, а родному дяде, потому что сама уезжаю в Узбекистан к тёте Медине. Познакомьтесь, дядя Осман, – это мой бывший муж Леонид.

– Очень приятно, – сказал Осман. – Я обещаю вам, Леонид, у нас Володе будет хорошо. У нас отдельная квартира в городе. Все условия есть. Айше его заберёт, как сможет.

Они оставили отцу Володи адрес в Кировобаде, а Айше дала адрес Медине. Получив разрешение коменданта проводить родных до вокзала, она поехала с родственниками в город Горький. Володя плакал, будто чувствовал, что ему предстоит расстаться с мамой надолго.

– Вовочка, – говорила Айше сыну, – ты поживёшь пока у дедушки и бабушки. Слушайся их. Я приеду к тебе, скоро приеду. Не плачь, малыш.

Айше держалась. Она считала, что так будет лучше для Володи. Не к чужим же едет. Уже в купе вагона она поцеловала сына и расплакалась. Володя тоже стал заливаться плачем, он уже всё понимал, ведь ему почти два года.

– Мама! – кричал Володя. – Мама, я не хочу с дядей, я хочу с тобой!

Пока Айше уходила из вагона, жена Османа Евгения держала ребёнка. Володя извивался как уж. Норовил вырваться и побежать за матерью. Евгения вытащила игрушки и стала показывать ребёнку, но Володя не унимался.

– Отпусти! – кричал он.

– Вовочка, успокойся, не плачь, ты же мальчик, а мальчики не плачут. Ты увидишь зоопарк – слонов и львов. Будешь кататься на машине настоящей.

Володя задумался на мгновение и опять стал кричать:

– Не хочуууу!!

Но всё было уже решено за него взрослыми, которые определили его судьбу, не спросив его мнения.

– Иди, Айше, мы напишем, не волнуйся, всё будет хорошо! До свидания! Передавай привет сестре! – попрощался Осман.

Он поцеловал племянницу, зашёл в вагон и поезд тронулся. А Айше ещё долго стояла на платформе, махая им вслед

платком.

Потом она не спеша побрела до остановки автобуса. Ей казалось, что у неё остановилось сердце, оно не стучало, а душа осталась с сыном. Кто она сейчас? Пустая оболочка от когда-то весёлой Айше. Слёзы стекали по лицу маленькими ручейками. Переходя дорогу, она не замечала проезжающий транспорт. Водители сигналили, резко тормозили рядом и кричали:

– Ты что под машину лезешь? Глухая что ли?

Айше и правда ничего не слышала, ушла в себя всеми мыслями и чувствами. Потом очнулась, услышав чей-то детский крик: «Мама!» Обернулась и увидела, как навстречу к недалеко идущей от неё женщине, бежит маленький мальчик. Женщина раскрыла свои руки и обняла подбежавшего к ней сына. Заглядевшись на эту сцену, Айше подумала: «Скоро и мой Володенька так же подбежит ко мне». С тяжёлым сердцем она вернулась в посёлок. Устав от переживаний и слёз, она уткнулась в подушку и вскоре уснула.

На дворе стояла весна 1954 года. Айше получила вызов из Узбекистана и стала собираться в дорогу. Она зашла к подруге попрощаться.

– Айше, ты только не забывай, пиши мне, – просила Зарема.

– А вы когда уедете отсюда? – спросила Айше.

– Когда дадут свободу, уедем в Житомир. Мы так решили.

– Хорошо, не теряй меня, адрес я оставила.

Подруги обнялись. Айше решила прогуляться по лесу. В этот день была солнечная весенняя погода. Молодые зелёные листочки нежно трепетали на ветках. Бриллиантовая роса блестела под солнечными лучами. Птицы пели прощальную песню. Встретив деда Пашу, Айше обняла его и расплакалась:

– Прощай, дед Паша, спасибо за всё! Уезжаю я, навсегда уезжаю!

– Вот и ладно. Конечно, надо ехать туда, где лучше. Прощай, дочка! Не поминай лихом!

Попрощавшись со всеми друзьями, она взглянула на посёлок, в котором прожила десять лет. Где познала всё: неволю и тоску по родине, горе и радость, первую любовь и одиночество, замужество и рождение сына. Прихватив нехитрые пожитки, она села на попутку, ехавшую в город. Улыбнулась на прощанье Зареме, а на посёлок больше не взглянула. Водитель завёл мотор, и машина, подняв клубы пыли, рванула с места.

– Прощай, лес! Спасибо за всё! – сказала она, проезжая мимо зелёного леса. – Больше я сюда не вернусь!

На вокзале Айше села в проходящий поезд до Ташкента, зашла в плацкартный вагон, нашла на своё место и вскоре поезд тронулся...

В вагоне было много людей. Они весело о чём-то говори-

ли и смеялись. Айше невольно вспомнила другой вагон, тот, в котором ехала в неизвестность в 1944 году, но только тогда все плакали от горя. Скоро она увидит тётю и будет уже не одна. Останутся позади холода, морозы и одиночество. Колёса поезда в бодром ритме отстукивали время в пути, вагон покачивало. Айше смотрела в окно. Мимо проносились леса, деревни, станции. Теперь можно разглядеть дорогу, по которой она ехала десять лет назад, но в этот раз поезд свернет на восток...

Она взглянула на попутчиков по плацкартному купе. На верхней полке лежали молодые мужчины, напротив неё сидел пожилой узбек. На нём стёганный, в зелёную полоску чапан (халат), подвязанный красным платком. На ногах чёрные обтягивающие сапоги с надетыми на них блестящими галошами с носком, вздёрнутым вверх. На голове чёрная тубетейка с белым орнаментом. Глаза мужчины улыбались.

«Интересно, – подумала про себя Айше, – человек улыбается глазами, значит он добродушный и искренний».

– Девишка, куда едешь? – спросил мужчина, прервав её мысли.

– В Ташкент, – ответила Айше.

– Это хорошо, в Ташкенте жарко.

– А вы сюда в гости приезжали? – спросила она своего попутчика.

– Я приезжал к сыну, на могилку. Он здесь в Подмоско-

вье погиб, защищая Москву. Как плохо мне без него! Единственный сын. Ушёл добровольцем родину защищать.

– Я соболезнаю вашему горю, – сочувственно сказала Айше.

– Спасибо, кызым (дочка)! А ты была раньше в Ташкенте?

– Нет.

– Я и сам был один раз проездом. А живу я в Андижане.

– В Андижане у меня брат.

– Баракалла! Вот молодес!

– Я еду в гости.

– Гости – это хорошо! Мы любим гостей.

– Я еду в Самарканд.

– О, Самарканд, там красиво! Меня зовут Карим-ака, а тебя как?

– Айше.

– Ойша, хорошо. Давай кушать, Ойша.

Мужчина снял платок с пояса, расстелил на столике и сказал:

– Вот дастархан, кызым (дочка). Кушать будем.

Затем вытащил из мешка хлеб, яйца, яблоки, сухофрукты.

– У нас хлеб называется нон, – сказал Карим-ака, разрывая буханку хлеба рукой, – его резать нельзя, грех это. Его только руками нужно разламывать.

Карим-ака разложил кусочки хлеба на платке, из голенища сапога вытащил нож и стал резать яблоки на части. Нож был явно самодельным и достаточно большим, с кра-

сивой рукояткой, чёрным лезвием с продольными лунками для стока крови и устрашающе загнутым остриём. Закончив с яблоками, Карим-ака сунул нож в чёрные с красным рисунком кожаные ножны и заткнул их обратно в сапог.

– Ты откуда едешь? – спросил он.

– Из города Горького.

– У нас много приезжих из разных городов: татары, украинцы, белорусы, русские, армяне, немцы и греки есть. Эвакуированных много. Всех много. Дружно живём. Тебе понравится.

Молодые люди на верхней полке всё время смотрели в окно и молчали.

– Эй, йигитлар (парни), – позвал их Карим-ака, – спускайтесь, кушать будем.

Айше достала из чемодана сухари, сушёную рыбу и вареную картошку. Получился пир горой. Оказалось, парни ехали в командировку. Они охотно присоединились к соседям. Один из них худощавый мужчина с взъерошенными от долгого лежания волосами, сообщил:

– Мы в Астрахань едем, ночью ходим.

Подошёл проводник. Он держал в руках шесть стаканов с чаем в железных кружевных подстаканниках.

– Желаете чай, рафинад?

– Конечно, хурматли (дорогой), всё давай!

Карим-ака приготовился расплатиться, но парни его опередили.

– Не надо, отец, мы сами заплатим.

– Рахмат, болаларим (сынки).

Мешая сахар в стакане, Айше вспомнила поездку в Харьков с братом. Когда-то они также пили чай с сахаром в поезде и смотрели в окно на мелькающие красивые картинки их огромной страны. Картики мира, счастья и свободы!

Стало шумно, все разговорились. Незаметно для себя попутчики в дороге становятся откровенными, открытыми, чего не встретишь в повседневной жизни. Со стороны, кажется, будто в купе повстречались знакомые друг другу люди, которые давно не виделись и теперь делятся своими воспоминаниями доверительно, открывая перед собеседником тайники своей души...

Вскоре наступила ночь.

Утром Айше проснулась от солнца, слепившего ей глаза. Она выглянула в окно. Кругом степи, леса кончились.

Верхних пассажиров уже не было.

– Казахстан, – сказал Карим-ака.

На станции к ним посадили двух женщин с детьми. Айше уступила женщине с ребёнком нижнее место. Пока поезд стоял, в вагон забежали маленькие мальчишки-казахи и наперебой стали предлагать вяленую рыбу, айран, шубат и кумыс.

– Айран, я знаю, а что такое шубат и кумыс? – спросила Айше у соседей.

– Это напитки из верблюжьего или конского молока. Шу-

бат жирнее кумыса. Ты бери, пей, очень полезно.

Вагон тронулся. За окном, как в кино, мелькали кадры незнакомой местности. Голые степи, колючки, маленькие корявые деревца. Кое-где стояли юрты. Иногда пробежали тушканчики, суслики. Вскоре показалось стадо мирно пасущихся верблюдов.

– Вижу верблюдов, – воскликнула она, – ого, сколько их! Вот чудо!

– У нас много чуда. Приедешь – увидишь, – сказал Карим-ака.

В пути Айше наблюдала за восходом и заходом солнца. В степи видно всё как на ладони. В лесу такого зрелища из-за деревьев не разглядеть.

Как прекрасен рассвет в степи! Как только начинает светлеть горизонт, появляются первые солнечные лучи. Они осторожно заглядывают за краешек земли. Не торопясь, солнце медленно выплывает из-за укрытия и встречает не успевшую уйти луну. Луна стоит напротив и постепенно, словно круглый ледяной шар, тает в его лучах. И вскоре растворяется совсем, как только раскалённое огненное светило полностью выныривает из-за горизонта. Солнце быстро всплывает вверх, как огромный пузырь над водой, ускоряя свой полёт к зениту. Природа начинает играть красками, словно надевает яркий наряд и прихорашивается. Мир оживает и выходит из ночного оцепенения.

Не менее удивительное зрелище закат. Постепенно гаснет

дневной свет, солнце сползает к горизонту. Багряный закат вечерней дали прощально озаряет краешек земли. Отсвет медной луны на тёмном небосклоне окрашивает небо, где она торжественно принимает главный пост и усыпляет землю, укутывая мглой, как черным покрывалом. Ночь стирает краски дня. Бесстрастно и бездушно своим холодным светом луна разбавляет тьму. Блеском звёзд, этих маленьких алмазов, слегка освещён мрачный небосвод. После яркого, ослепительного дня всепоглощающая темнота накрывает землю. Земля ослеплена в объятых тьмы. Ничего не видно, всё тонет в сумраке, и возникает странное ощущение, что ни земли, ни времени нет. Никого и ничего нет!!! Таинственность и волшебство приходят на смену реальности ушедшего дня...

Айше не могла оторвать взгляд от такого великолепного зрелища. Лёжа на верхней полке, каждый вечер она наблюдала за заходом солнца, а в окне напротив – за его восходом, встречая и провожая день.

Проносющаяся мимо степь, голая и пустая, напомнила ей её жизнь. Вот так и она живёт давно: ни дома, ни семьи, ни садов цветущих, которые когда-то окружали её в Крыму. А теперь сын и друзья остались далеко, но скоро она увидит родных, и хорошо, что все они живут в Узбекистане. Обязательно увидит и обнимет, а потом привезёт сына.

С такими мыслями Айше смотрела в окно, а мимо неё пролетали не только километры пути, но и её жизнь. Неза-

метно прошли четверо суток пути. На пятый день утром её разбудил голос проводника.

– Просыпайтесь, через полчаса Ташкент!

Айше вскочила, сердце её бешено забилося. Опять в чужом краю, но почему-то на душе радостно. Может, потому, что майское солнце весело светило в окно? Яркий свет, тепло и доброжелательность окружающих людей растопили её замёрзшее сердце. За окном мелькали деревья, дома, станции, люди на перронах. Поезд едет по Узбекистану. Айше вздохнула полной грудью. Она уверена: всё плохое позади!

Глава 16

Восток

Прими, Восток, гонимую бедой.

Стань родиной моей, я так устала.

Прими меня с открытой душой,

Позволь найти мне то, о чём мечтала.

Айше вышла из вагона. Вот он, Ташкент – столица Узбекской ССР! И первое, что её встретило, – ослепляющее, яркое, южное солнце, от которого она успела отвыкнуть. От взгляда на него сразу же заслезились глаза.

В зале ожидания сновали люди. Все куда-то спешили: кто с чемоданами, тележками, кто с мешками и кучей детишек. Голос диспетчера часто объявлял отправление или прибытие какого-нибудь поезда. Она вошла в здание вокзала и её тут же окружили цыгане: «Девушка, красавица! Позолоти ручку, дай погадаю», – предложила старая цыганка, схватив её за руки. Айше почувствовала на себе пронизывающий взгляд её чёрных бездонных глаз, заглянувших прямо в душу и на миг забыла, зачем она здесь, но, словно очнувшись, отдернула свои руки от старой цыганки. Ей было не до гадания.

Надо найти кассу, чтобы купить билет до Каттакуртана.

– Ты скоро найдёшь своё счастье, – кричала гадалка ей вслед, – но потеряешь ребёнка.

Другая цыганка шла за ней по пятам, назойливо предлагая свой товар. Отмахнувшись и от неё, Айше спросила встречного мужчину:

– Скажите, в какой кассе я могу купить билет до Каттакуртана?

– Так вот она, под номером два. Вам нужен поезд Ташкент – Бухара.

Простояв большую очередь она, наконец, купила билет. Отправление в 16-00, значит, у неё ещё много времени. Айше сдала вещи в камеру хранения, села на скамью и, чтобы скоротать время ожидания, начала разглядывать посетителей вокзала. Перед глазами мелькал калейдоскоп спящих по залу людей и разнообразный национальный колорит их летней одежды. Пожилые узбеки, одетые в чапаны и тюбетейки, как у Карим-аки, несли суконные сумки-торбы (турвы), перекинутае через плечо. Местные молодые мужчины в белых хлопчатобумажных рубашках, перевязанных поясом из сложенного углом платка, с вещами, жёнами и детьми торопились к поезду. У выхода на перрон в красивых атласных платьях стояли девушки узбечки. Их головы украшали белые тюбетейки, вышитые бисером и разноцветными нитками – мулине. Из-под них до пояса тянулись несколько тонких косичек. В руках они держали цветы, по-видимому, де-

вушки кого-то встречали. Рядом с ними стояли женщины в широких атласных платьях на кокетке, в шароварах, сшитых из того же материала, что и платье. Их головы покрыты платками, ноги обуты в тёмные туфли.

На цыганках яркие разноцветные юбки и кофты. Их длинные чёрные волосы небрежно подвязаны цветастым платком. Они шли по вокзалу босыми, а их бесчисленные бусы издавали звук перекатывающихся камешков. Длинные пышные юбки шуршали, подметая пол. Маленьких детей женщины держали на руках или за спиной. Другие дети, постарше, цеплялись за юбку матери. Цыганки сновали по вокзалу, приставая к пассажирам.

Русские женщины в лёгких ситцевых платьях шли под руку с кавалерами. На ногах у них белели носочки и босоножки на каблучках. Рядом шли мужчины в светлых рубашках с рукавами, приподнятыми с помощью блестящих (стального и золотистого цвета) резинок. На манжетах рубашек красовались запонки, на головах – белые сетчатые шляпы. Мужчины несли чемоданы и, улыбаясь своим дамам, о чём-то оживлённо говорили им на ушко. Глядя на них, Айше подумала: «Эти люди наверняка едут к морю». Она видела таких отдыхающих в Крыму.

Украинцы в платьях и рубашках-вышиванках выделялись своими красивыми белыми нарядами с красным народным орнаментом.

Весь этот парад летней одежды ею давно забыт. За де-

сять лет жизни в средней полосе России про летние наряды она и не вспоминала. Телогрейки, пиджаки, валенки, сапоги, тёмные платки и чёрные юбки – это был и повседневный, и праздничный наряд.

На вокзале стоял шум. Отовсюду слышались разговоры на разных языках: узбекском, украинском, немецком, русском, армянском, татарском. «Совсем как у нас в Крыму», – подумала Айше. Весёлая компания молодых людей оживлённо о чём-то беседовала и громко смеялась. На их спинах висели рюкзаки и верёвки. «Похоже, они альпинисты и едут в горы», – решила она. – Интересно посмотреть, какие здесь горы?»

Солнце припекало уже с утра. Становилось душно и жарко. Она вспомнила, что не послала телеграмму тёте. Здесь же на вокзале нашла почту и отправила срочную телеграмму, в которой сообщила, что утром будет в Каттакургане. Потом решила прогуляться, вышла из здания, спустилась по невысокой лестнице. Слева у стен вокзала работали рабочие, видимо шла реставрация здания. Лежали кирпичи, щебёнка и доски. С другой стороны продавались горячие лепёшки. Она купила одну в дорогу. Аромат хлеба вдруг напомнил родину, и её глаза тут же утонули в слезах. Это были слёзы тоски по Таракташу, где в далёком детстве, забегая домой, она хватала кусок катламы (пшеничные слоёные лепёшки) и тут же выбегала обратно на улицу играть с подругами. Немного успокоившись, Айше вытерла глаза и продолжила прогулку

около вокзала. Пожилой мужчина продавал восточные сладости. Разноцветные, разные по форме и по составу. Среди них она узнала «петушки», яблоки в карамели. Продавец призывал к своему товару прохожих: «Покупайте сладости, халва, парварда. Подходи, не забывай, сладко очень, вай, вай, вай!»

– Кызым (дочка), – обратился мужчина к Айше, – купи хурозканд, – он показал на красную карамель на палочке круглой формы (подобие «петушка»).

– Спасибо! – сказала Айше. – Спасибо, не надо. А вот это что за белый шарик?

– Это курт – сушёный солёный творог из кислого молока.

– Хорошо, дайте курт, две штуки.

– Так возьми, угощаю. И парварду бери. Вижу: в гости приехала, а мы любим гостей.

Айше приняла этот дар и поблагодарила продавца.

Прошло время ожидания поезда, объявили отправление, и Айше, забрав вещи, пошла к своему вагону. Поезд тронулся. В окно она смотрела на проносящиеся станции, поля и степи. Люди входили и выходили. Поезд часто останавливался. На остановках становилось душно, на улице стояла майская жара. По лицам людей струился пот. Айше всё время хотела пить и часто ходила к проводнику за водой.

– Надо съесть что-нибудь солёное, – посоветовал проводник, – а то так и будешь с потом силу терять.

Айше вспомнила: «У меня же есть курт. Он солёный. Надо попробовать», – решила она, но усомнилась. От соли ещё больше пить захочется. Но всё-таки съела одну штучку. Совет помог, и жажда отступила.

Ночью стало прохладней. Всё стихло. Только слышался стук колёс, железное гроыхание буферов и сцепных устройств поезда. За окном мелькали редкие огоньки. Поезд мчал Айше к новой жизни.

Утром поезд остановился в Самарканде. На привокзальной платформе стояли бабушки в платках и белых передниках с ведёрками клубники, черешни и зелёного урюка. Продавались пирожки. Некоторые пассажиры вышли на перрон купить еды. Тут же появились местные продавцы лепёшек. Они стали прохаживаться по вагону, наперебой предлагая круглый горячий хлеб. Айше впервые увидела необычные, блестящие, золотисто-красноватые лепёшки, посыпанные чёрным кунжутом.

Высокий черноглазый парень нахваливал свой товар:

– Купи, девушка. У меня самые вкусные лепёшки.

– Какие интересные, большие, тяжёлые. И пахнут вкусно!

Айше втянула в себя аромат хлеба. От него исходил сладковато-пряный запах.

Пожилая женщина с нижней полки объяснила:

– Это самаркандские лепёшки, других таких же во всём свете нет.

– Почему? – удивилась Айше.

– Потому что вода и воздух Самарканда имеют уникальные свойства. Такая лепёшка остаётся съедобной целых три года, достаточно хорошо сбрызнуть её водой и прогреть в тандыре. И она опять свежая. В нашем народе о ней есть легенда.

Айше отломил кусочек.

– И правда, необычный вкус! Расскажите мне эту легенду, пожалуйста, – попросила она женщину.

– Ну, хорошо! Слушай: «Однажды хан бухарский спросил у своих советников: «Почему в Бухару везут лепёшки из Самарканда, ведь их можно печь в Бухаре?». Ему ответили, что только испечённые в Самарканде лепёшки будут вкусными, но шах не поверил советникам и приказал привезти самаркандских лепёшечников в Бухару. Но лепёшки всё равно не получались такими, как нужно. Думали, ломали голову советники, решили, что дело в самаркандской муке и воде. Привезли из Самарканда тандыр, муку, воду, но и тогда лепёшки не получились такими же, как в Самарканде. И тогда мастер сказал: «Всё дело в воздухе. Такого воздуха, как в Самарканде, нигде нет». Но так как воздух перевезти нельзя, ему позволили вернуться домой, а люди вновь, как и раньше, стали возить

лепёшки из Самарканда».

– Да, это чудеса! Прав был Карим-ака.

– А кто это Карим-ака?

– Мой знакомый, хороший человек, – ответила Айше, вспомнив своего попутчика.

За разговорами быстро прошло время в пути. И вскоре проводник громко известил пассажиров:

– Приготовьтесь, станция – Каттакурган!

В окно поезда среди встречающих Айше пыталась разглядеть свою тётю. Она спустилась с подножки вагона, огляделась и вдруг услышала:

– Айше, я здесь!

Айше не узнала Медине. Это была какая-то пожилая женщина с почерневшим лицом. «Но тёте всего сорок два года» – промелькнуло у неё в голове. Женщина обняла её.

– Ты что, не узнаёшь меня, Айше?

– Медине-абла! – воскликнула Айше.

Из-за небольшой разницы в возрасте она называла тётю Медине-абла (сестра).

Женщины обнялись, расплакались и долго так стояли, не в силах расстаться.

– Ты совсем не выросла, – сказала Медине, – такая же малышка.

– Что ты, Медине-абла, мне уже двадцать восемь лет.

– Вот, познакомься, мой муж – Абдулла.

– Здравствуй, Айше, – поприветствовал Абдулла, – как доехала, всё в порядке?

– Здравствуйте! Всё хорошо!

– Ну, поедем домой. Надо до ночи успеть, – сказала Ме-

дине.

– А что, нам ещё далеко ехать?

– Конечно, мы в поселении живём. В колхозе работаем.

– Мне надо отметить, что я прибыла на место назначения.

– Мы сейчас по пути заедем в спецкомендатуру, в районный центр Пайшанбе.

Они сели на повозку, запряжённую лошадью, и поехали. Айше была счастлива. Вот она долгожданная встреча! По дороге она рассказала о себе и сыне.

– Медине-абла, ты расскажешь, как доехала до Узбекистана тогда, в 1944 году? Тяжело было?

– Приедем – обо всём поговорим, – ответила Медине.

В спецкомендатуре Айше было указано прийти завтра к начальнику отдела за направлением на работу.

Только ближе к вечеру они подъехали к Кадану, поселению крымских татар. Дом Медине оказался глиняной постройкой, мазанкой с плоской крышей, на которой цвели маки и васильки, росла трава. Рядом стоящие мазанки тоже «процветали». Все дома были побелены. Крымские татары всегда белили свои постройки. Это придавало их жилищам чистый и опрятный вид. Смотрелось это красиво – цветущие белые дома с красными от маков крышами. Даже в самых сложных условиях проживания везде и во всём татары поддерживали порядок и чистоту.

– Вот наш дом, не хоромы, но самые красивые цветы у нас

на крыше, – улыбнулась Медине. – Он построен из земли, глины и камышей, вот и цветёт.

Во дворе росли молодые деревья: яблоня, черешня, персик, кусты малины, роз и сирени. Под навесом из камышей находилась супá (глиняное возвышение над землей прямоугольной формы), на ней стоял топчан (деревянное покрытие). На топчане расстелен дастархан (скатерть). Вокруг него циновки из соломы.

Только Медине с племянницей сели на топчан, набежали жители спецпоселения – земляки из Крыма и стали наперебой спрашивать Айше: не видела ли она их родных. Радости было столько, словно они встретили родную дочь или сестру. Её обнимали, закидывали вопросами. После расспросов женщины спели народные песни. У всех на глазах появились слёзы. Горечь потери родины ничем невозможно погасить, и только слёзы, солёные, как море, лились из глаз людей, ставших странниками поневоле. Ведь народ без родины как ребёнок без матери, как дети, ставшие по воле судьбы сиротами. Наговорившись и поплакав вволю, поселенцы разошлись по домам: завтра рано утром в поле на работу.

Вечер прощался с солнцем, темнело. Кое-где в окнах глиняных построек светились огоньки керосиновых ламп. Стрекотали сверчки и цикады, тьякали собаки. Ночь опустилась на поселение, всё стихло. Под светом звёзд и полумесяца мелькали крохотные пятнышки света, светлячки. Воздух стал прохладней, появился лёгкий, свежий ветерок, пахну-

щий травами и пылью. Айше спросила Медине:

– Почему у вас такие молодые яблоньки и персики? Здесь раньше не было деревьев?

– За фруктовые деревья и личное хозяйство надо было платить большие налоги, – ответила Медине, зажигая керосиновую лампу. – Мы заводили кур, цыплят, коз. Было несколько яблонь и урюка, но в позапрошлом году всех колхозников задавили непомерным сельхозналогом почти на всё: кур, коров, овец, их приплод, плодовые деревья и кусты. Даже на овощи и картошку, которые мы получали в колхозе за трудодни, а ведь мы за них платили налог и колхозу. В общем, драли с нас по три шкуры. Пришлось живность заколоть, деревья вырубить и всё покупать на базаре в несколько раз дороже, чем стоят эти продукты. Безвыходное было положение, опять пришлось недоедать. Но в прошлом году, после смерти Сталина, налоги снизили, и мы вот, как видишь, посадили саженцы, купили козу и курочек. Зарплату деньгами нам не платят, что выдают за трудодни – продаём, тем и живём. Без личного хозяйства можно ноги протянуть.

– Да, мне это знакомо, в леспромхозе люди тоже выращивали овощи, яблони и жаловались на налоги, но у нас с мужем подсобного хозяйства не было. Нам платили зарплату деньгами, и мы всё покупали в магазине или у соседей. Муж хорошо зарабатывал.

Тётя накрыла дастархан, и за чаем Айше спросила её:

– Медине-абла, расскажи о себе. Как ты приехала в Узбе-

кистан, как всё было?

– Стараюсь не вспоминать то время. Такого насмотрелась и пережила! Ну да ладно, расскажу. Ехали мы сюда очень долго, почти три недели, – начала рассказывать Медине, – как я выдержала, один Аллах знает. Стояла невыносимая жара, и жажда мучила нас днём и ночью. То, что успевали пить на разъездах из близлежащих водоёмов, тем и спасались. Хотя какое это спасение... От грязной воды у людей начался понос. Дизентерия, брюшной тиф косили людей. Некоторые дети и старики не выдерживали и от нехватки еды, воды, инфекции и долгой дороги умирали. Мы подолгу стояли на станциях и переездах. По дороге людей высаживали в разных областях Узбекистана для расселения. А нас привезли сюда, в Каттакурган. Поместили в бараках – сараях. Понятно, что местные поначалу отнеслись к нам настороженно, с опаской. Конечно, ведь им сообщили, что к ним везут предателей. Но многие узбеки с пониманием и сочувствием отнеслись к нам. Позднее наши друзья, соседи Зариф и Садокат, рассказали:

– Нам сообщили, что сюда везут врагов и предателей родины. Нам было не по себе. Почему к нам? Мы никогда не видели врагов родины и представляли их страшными и злыми мужчинами. А когда приехали вы, увидели совсем другую картину. Перед нашими глазами стояли измождённые старики, дети и женщины. «Как же так? – думали мы. – А где враги? Это они?» Мы поняли одно: что-то тут не так. Вы

хорошо работали, старались, злых взглядов на нас не бросали. Оказалось, у нас одна вера и очень похож язык.

– Ты знаешь, – сказала Медине, – они даже не пытались спрашивать у нас причину нашей ссылки и вообще трогать эту тему. Не хотели соль на рану сыпать. А когда стали возвращаться наши мужчины с фронта с наградами: орденами, медалями и увидели, какие дружные у нас семьи, отношение изменилось и у тех, кто верил в то, что мы предатели.

Так вот, сразу на следующий день после прибытия нас выгнали в поле на работу. Первые дни председатель колхоза был с нами слишком строг. Потом увидел, что мы хорошо работаем, стараемся, стал лучше к нам относиться. Мы пили грязную воду из арыков, и все повально болели дизентерией и брюшным тифом. Условия проживания были хуже, чем у скота, и унесли тогда немало жизней. А работы в колхозе всегда хватает: сады, пастбища, овцы, поля с хлопком и пшеницей, посев, уборка, обработка почвы. Мы вырабатываем свою норму трудодней. За трудодни дают зерно или муку. Если не выработаешь, наказывают: лишают трудодней. В первые годы, когда мы приехали, ещё шла война, время было тяжёлое. Несмотря на это узбеки делили с нами последнюю лепёшку, хотя сами тоже не сладко жили, недоедали, трудились, как и мы, ссыльные.

Каждый год с сентября до декабря мы собираем хлопок с утра до заката. В поле выходим всем колхозом. Работаем весь день, согнувшись, под палящим солнцем. А позд-

ней осенью с утра на земле уже лежит иней, холодно, пальцы мёрзнут, только днём отогреваемся, а вечером опять мёрзнем. Набиваем фартуки хлопком, потом закидываем их через плечо и через всё поле тащим на хирман (пункт сдачи хлопка). И так несколько раз за день. Обедаем в поле, вечером дома валимся с ног. Ты знаешь, а я ведь до сих пор не научилась носить тюк хлопка на голове, как это делают узбечки, – она улыбнулась, вспомнив неудачные попытки водрузить на свою голову тюк, и продолжила, – со временем мы привыкли и к арычной воде. Научились ею пользоваться без вреда здоровью. Узбеки эту воду отстаивают, потом пьют, ну и мы так стали делать. Она проточная, поэтому более-менее чистая. Как они говорят: «Вода семь раз обернётся и уже считается чистой». Да... всякое было. Здесь я познакомилась с Абдуллой. Он приехал сюда уже одиноким. По дороге его жена умерла из-за астмы, не выдержала жары и духоты. Детей у них не было. Мы с ним поженились и начали строить свой дом. Строили из того, что было под рукой. Почва здесь глинистая. Делали кирпичи из этой земли, мешали её с камышом и сеном. Кирпичи сушили на солнце. Потом готовые стены обмазывали глиной несколько раз. Как видишь, получился добротный дом, в нём тепло, а в жару прохладно. Дочка у нас родилась, Садие. Сегодня оставили её у соседки, когда поехали тебя встречать. Сейчас она спит. Ей исполнилось шесть лет, завтра увидишь свою сестрёнку.

– Хорошо, а моему сыну два годика. Когда я смогу его

привезти? – спросила Айше.

– Подожди, устройся на работу. Может, замуж выйдешь, жильё тебе надо. Успеешь, заберёшь. Для твоего сына у Османа всё есть: своя комната, игрушки, хорошая еда. А здесь всего этого пока не будет. Давай спать. Завтра рано утром тебе ехать за направлением в Пайшанбе, а нам в поле.

– Вот, Айше, ложись, раньше мы курпачи и подушки соломой набивали. Хоть и работали на хлопке, но его трогать было нельзя.

Расстелив на полу курпачи (тонкие, узкие матрасы, наполненные очищенным от семян хлопком), Медине погасила керосиновую лампу и, пожелав племяннице спокойной ночи, удалилась в комнату, где давно уже спал её муж. А Айше перед сном решила подышать свежим воздухом и вышла во двор.

Было темно, светил только молодой месяц, окружённый миллиардами сверкающих звёзд. Она уже отвыкла от чистого безоблачного неба, а здесь все звёзды видны как на ладони. Улыбаясь она подняла голову к зияющей небесной, ночной пустоте, глубоко вдохнула прохладный вечерний воздух, наполненный ароматами свежевспаханной земли, трав и цветов. Немного постояв, зашла в дом и только положила голову на подушку, сразу же впала в глубокий сон.

Утром её разбудило яркое солнце. Медине была уже во дворе и разжигала тандыр – печь, по форме напоминающая

кувшин.

– С добрым утром, Медине-абла! – поприветствовала тётю Айше.

– С добрым утром!

– Ты уже проснулась? Давай, помогу.

– Смотри, это стебли хлопчатника, – сказала Медине, – на узбекском языке они называются «гузапойя», ими мы зажигаем печь, тандыр и самовар.

Медине стала ломать стебли, Айше тоже присоединилась к этому занятию.

– А мы в леспромхозе ветками от деревьев печь топили или дровами. Сначала их надо было высушивать, там ведь почти всегда сыро. Заготавливали дрова на зиму.

– Ты часто простывала? Там же очень холодно, – спросила Медине.

– Болела, но ничего, постепенно закалилась, пришлось. Что ты сейчас будешь делать?

– Узбекский хлеб – нон, русские называют его лепёшкой, – ответила Медине, – каждое утро пеку.

Потом она принялась месить тесто на лепёшки. Айше смотрела за ловкими движениями тётки. Раскатав шарики, она превращала их в круглые лепёшки. Затем надавливала костяшками пальцев на середину теста, а потом быстрым движением руки лепила их на стенки разогретого тандыра. Племянницу она попросила наполнить самовар отстоявшейся водой из вёдер и разжечь его стеблями хлопчатника. Как

только лепёшки поджарились, Медине железным крюком цепляла готовые лепёшки и кидала на столик возле тандыра. Вскоре самовар закипел, и на дастархане, рядом с хрустящими лепёшками, появился чайник с горячим зелёным чаем, а вокруг чайника синие пиалы. Медине пожила на дастархан урюк, черешню, сухофрукты, варёные яйца, разломила лепёшки. Завтрак был готов. Подошёл Абдулла. После завтрака тётя отправила племянницу с соседом на его арбе, запряжённой ишаком, до райцентра Пайшанбе.

Айше зашла в кабинет к начальнику спецкомендатуры. Перед ней сидел молодой офицер госбезопасности. Он оторвал свой взгляд от бумаг на столе и взглянул на неё. Несмотря на молодость у него были серьёзные, вдумчивые глаза и пронизательный взгляд. Он встал из-за стола и подошёл к Айше. Перед ней во весь высокий рост стоял подтянутый молодой мужчина лет тридцати. Атлетический склад фигуры и должность придавали ему весомость и значимость. По сравнению с ним девушка казалась маленькой птичкой и поэтому смотрела на него, поднимая глаза. Она заметила у него на шее большой шрам и проседь в волосах, которые говорили о его фронтовой молодости.

– Ваше имя, фамилия? – строго спросил он.

Айше назвала имя, фамилию и передала ему документы.

– Вы кто по профессии? Образование есть?

– У меня нет образования, – ответила она, – до войны я

успела закончить только восемь классов.

– Понятно. Что же мне с тобой делать? – незаметно для себя он перешёл на ты и задумался.

Анвар-ака, так спецпоселенцы звали этого офицера, прохаживался по комнате и, поглядывая на Айше, долго думал: «На какие работы определить эту маленькую, хрупкую молодую женщину?»

– Будешь работать в Каттакургане. Пойдёшь в райпотребсоюз, там определят твоё место работы, – наконец принял решение Анвар-ака и, начеркав что-то на бумажке, он уверенно протянул её девушке, – вот направление, иди, устраивайся, а я пока подумаю: куда тебя отправить учиться, и вызову, как решится вопрос.

В отделе кадров райпотребсоюза её оформили на работу продавцом в ларёк, познакомили с рабочим местом. Айше сняла в городе комнату у одной узбекской семьи и начала работать. Еженедельно она ходила пешком за семнадцать километров в Пайшанбе отмечаться в спецкомендатуре и сразу же возвращалась обратно. Когда спустя три месяца она пришла в очередной раз на отметку, Анвар-ака вручил ей направление на курсы торговых работников в город Ташкент.

– Поедешь в столицу, – сказал он. – Как приедешь, сразу отметишься в спецкомендатуре по месту учёбы о прибытии.

На следующий же день Айше выехала в Ташкент. Ночью, лёжа на верхней полке плацкартного вагона, она прислуши-

валась к уже привычному шуму железной дороги: звукам рожков, предупреждавших о приближении другого состава, лязгу буферов, гудкам локомотивов встречных поездов. Эти звуки уже не тревожили её, а наоборот успокаивали. Под монотонный стук колёс, покачивание вагона и мелькание придорожных огней она уснула до утра...

В городе по месту учёбы ей выделили место в общежитии. С первого сентября начались занятия. На курсах она познакомилась с девушками из разных областей Узбекистана. По вечерам и выходным они гуляли по городу. По дорогам столицы всегда сновали машины, автобусы, трамваи. Повозки с лошадьми, арбы с ишаками передвигались по краю дороги. Гужевой и автомобильный транспорт по праву занимали свои места на дорогах. В Ташкенте девушки посмотрели древние памятники: мавзолеи, мечети, медресе, красивые старинные здания. Посетили аттракционы парка имени Тельмана, театр оперы и балета имени Алишера Навои. Люда, учившаяся с Айше на курсах, рассказала ей историю строительства этого театра. Его начали строить в 1939 году. Потом стройку из-за войны остановили и через пять лет продолжили. К строительству были привлечены японские военнопленные из Квантунской армии. Люда была приёмной дочерью офицера НКВД, занятого надзором за строительством театра. Его жена Зинаида, работала поваром на стройке. Каждый день она тайком давала некоторым особенно худеньким и измождённым японцам дополнительную порцию

еды: жалела их.

– Они такие маленькие и щуплые, как голодные дети, – рассказывала она дочери.

Японцы звали её Зина-сан. Они любили и уважали маму Люды. Соединяя ладони перед своим лицом, кланялись ей, когда здоровались или благодарили. Не привыкшая к таким почестям, Зина смущалась и говорила им:

– Не надо, что я, барыня?

Театр оперы и балета построен по проекту московского архитектора, но само здание, интерьеры – дело искусных рук узбекских зодчих и ремесленников.

Девушки посмотрели балет и оперу. В больших, красных, бархатных креслах они каждый раз с замиранием сердца ожидали начала представления как волшебства. Огромная люстра, занимавшая почти половину потолка над партером, гасла постепенно. И пока она гасла, Айше любовалась узбекскими народными орнаментами, украшающими стены и потолок театра. Потом открывался тяжёлый занавес и начиналось волшебство

В жару приятно было посидеть в парке у фонтанов, в тени деревьев. В центральной части города зеленел сквер Революции, заложенный ещё в конце XIX века на месте бывшей Константиновской площади. Здесь под вековыми, неохватными и раскидистыми платанами на скамейках сидели пары, играли в шахматы пенсионеры, по аллеям прогуливались матери с детьми. По вечерам горожане приходили сюда от-

дохнуть. Играл духовой оркестр, стояли лотки с мороженым и фруктовыми соками.

Айше впервые побывала на восточном базаре Чор-су. Пёстрый и шумный, он уже с утра наполнялся тысячами голосов продавцов, покупателей и зазывал. Ещё в средние века этот базар появился здесь на Великом шёлковом пути. Повсюду виднелись ряды свежих и сушёных фруктов, овощей, бахчевых, приправ, орехов, сухофруктов, лепёшек. Лежали отрезы из шелка, хлопка, шерсти, платки, тубетейки, национальные украшения. Манили к себе восточные сладости: нават, халва, шербет, нишолда. Яркими и сочными красками радовали глаз ковры, паласы, курпачи, национальные халаты – чапаны. Ждали детей самодельные игрушки – шарики на резинках, свистульки, тряпичные куклы, деревянные машинки, ружья и пистолеты. Предлагались молочные продукты: кумыс, айран, сут (молоко), сюзьма (кисломолочный продукт), катык (кефир), каймак. Напитки: шербет (сок), урюк-шарбати (напиток из сушёного урюка). Много зевак стояли у столиков с поделками восточных мастеров. Здесь можно было увидеть фигурки животных и людей из глины, чеканки, кинжалы, ножи, глиняная посуда и многое другое. Громкими криками зазывали на своё представление дарвоз – канатоходцы, циркачи, трюкачи. Слышались шутки масхарабов – острословов, клоунов, шутников.

Под звуки карнаев (духовой музыкальный инструмент длиной до трёх метров) народ собирался на представление

канатоходцев. По базару разливался запах свежих лепёшек, горячей самсы и шашлыка. Люди приходили сюда не только для того, чтобы что-нибудь купить, а просто поглазеть на товары, увидаться со знакомыми, входя в азарт, поторговаться с продавцом, даже если этот товар не нужен. После базара мужчины обычно шли в чайхану. И там, сидя на топчане, застеленном курпачами, скрестив ноги или полужёжа, облокотившись о болиш (цилиндрическая твёрдая подушка), за продолжительными чайными ритуалами и непринуждённой беседой они смаковали последние новости. Чайхана обычно располагается около арыка или речки. Рядом стоит древнее оросительное сооружение с ковшиками-черпалками – чигирь, вращаемый течением воды. Тень от чинар, навесов, опутанных виноградными лозами или вьюном, дарит прохладу. Нежное журчание воды мягко окутывает и успокаивает посетителя. Ласковый тёплый ветерок обдувает потные от горячего чая лица. Наступает умиротворение и спокойствие, отчего людей клонит к полуденному сну.

Атмосфера восточной сказки, изобилие базара захватывает человека целиком, завораживает настолько, что он становится одним из действующих лиц этого сказочного представления. У Айше рябило в глазах от яркой суеты торговой площади, отчего на время забывались трудности, испытания и лишения.

По городу вдоль тротуаров тянулись арыки с водой для полива деревьев. Во дворах находились маленькие водоёмы

– хаузы. Город утопал в зелени вековых чинар, осин, каштанов, дубов. А по обеим сторонам дорог стройными рядами высились пирамидальные серебристые тополя. Ветки тополя украшены плотными листочками, имеющими белую бархатную обратную сторону листа и изумрудную глянцевую сторону, обращённую к солнцу. Весело и громко трепещут они на ветру, как будто хлопают в свои маленькие зелёные ладошки, приветствуя всех пешеходов и проезжающий транспорт. Блестящая сторона листьев, играя с ветром, ярко и переливчато сверкает на солнце и слепит глаза.

Рано утром во дворах молочницы разносили молоко. Они громко призывали людей купить их домашнюю молочную продукцию: «Кисло, присно молоко! Кому надо?» И им неважно, что они разбудят людей, так как повсеместно принято вставать рано, открывать ворота настежь и начинать уборку в домах и дворах, разжигать печи и тандыры. А днём с такими же громкими призывами с улицы доносился голос арбакеша (старьёвщика): «Шара-баррааа!» Он проезжал по улице на арбе, запряжённой ишаком. Старьёвщик собирал старые вещи и предлагал купить у него разные поделки: самодельные деревянные игрушки, глиняные свистульки, шарики на резинках, лянги, трещётки, вертушки на палочке, сакич (жвачка), курт и «петушки». Все эти детские радости продавались в обмен на пустые бутылки, которые старьёвщик сдавал в ближайшем приёмном пункте стеклотары. Дети сбегались с пустыми бутылками, со всех сторон обступая

старьёвщика, выискивая глазами в его волшебном чемодане, оклеенном цветными картинками, желанную для них игрушку.

Уличная торговля с доставкой товаров ко двору привычная для жителей столицы и других городов Узбекистана. Под окнами то и дело раздаются громкие голоса, извещающие горожан о прибытии товара или предложении тех или иных услуг. Почти ежедневно на улицах появлялся керосинщик с большой железной бочкой керосина, установленной на телеге, запряжённой лошадью. Воронка для разлива керосина служила ему рупором, по которому он громко оповещал: «Ке-рро-син!», продавцы мётел и веников нередко перекрикивали даже керосинщика.

По утрам по асфальтированным дорогам проезжают поливочные машины («поливалки»), и город начинает сиять чистотой, сверкать под утренним солнцем мокрым зеркальным блеском. Запах прибитой пыли, утренней свежести, зелени, яркие лучи солнца, трель первого утреннего трамвая Ташкента будят горожан. Выходя на улицы, люди здороваются друг с другом, прижимая правую руку к груди. Так от всего сердца они приветствуют каждого встречного, произнося слова: «Ассалом-алейкум (мир вашему дому)!». Им отвечают: «Ва-алейкум-ассалом (и вам мир)!». При обращении со знакомыми и незнакомыми узбеки говорят: ака (брат) и опа (сестра), детей своих и чужих называют: кызым (дочка) или углым (сын), пожилых людей – ата (отец) или она (мать).

Тепло, улыбки, благодушные людей возродили Айше. Она загорела от прогулок по Ташкенту, глаза ожили и заискрились. Можно сказать, что первое знакомство с Востоком состоялось, и она очень благодарна Анвар-аке за то, что он пожалел её и не отправил на тяжёлые сельхозработы, помог получить профессию, тем самым дал путёвку в жизнь. Как бывший южный житель, Айше почувствовала в Средней Азии дыхание родины и приняла её всей душой.

В Узбекистане в годы войны нашли приют более миллиона эвакуированных граждан СССР. Большая часть из них осталась жить здесь уже навсегда. И после войны в Среднюю Азию со всех концов Советского Союза продолжали съезжаться молодые люди в поисках работы, специалисты по распределению от институтов и техникумов, чтобы строить города, работать на фабриках, заводах и шахтах. Когда-то далёкий и загадочный Восток с присущим ему гостеприимством принял всех в жаркие объятия, в свою большую семью, назвав их сёстрами и братьями, сыновьями и дочерьми, накормил и обогрел, разделил с ними все тяготы войны и послевоенного времени, стал для них навсегда близким и родным.

Свобода, хотя и относительная, смена климата и обстановки изменили Айше. Получив свидетельство об окончании курсов, она вернулась к тётке Медине совсем другая, чаще смеялась и шутила. И только по вечерам грустила о сыне. Ночью ей снился Володенька. Она была с ним! Играла,

носила на руках, потом теряла, искала и просыпалась со слезами на глазах. Письма от дяди Османа приходили с хорошими новостями: «Володя привык к ним, пошёл в садик, он хорошо кушает, быстро растёт».

Айше продолжала работать в ларьке. В комнате, которую она снимала, была только курпача и свободный сундук для вещей. Что ещё надо одинокой девушке.

Глава 17

Аман

У одиночества в плену

Так долго я была.

В цветущем от любви саду

С тобою ожила.

Осенью Айше предложили перейти на работу в ресторан, находившийся напротив ларька. Девушка согласилась, ей было скучно находиться в таком тесном помещении, как ларёк, ставшем для неё клеткой, где она, как маленькая птичка, сидела в одиночестве.

Ресторанный мир, в который вошла Айше, окружил её комфортом и красотой. Первые дни она не могла налюбоваться его интерьером. Просторный зал с плавно переходящими оттенками теплых и мягких тонов, дорогие портьеры, накрахмаленные скатерти и обшивка мебели гармонично сочетались друг с другом. Стены покрашены приятным золотисто-бежевым цветом. На них располагались декоративные панно из дерева и маленькие светильники. Деревянная мебель и другие детали интерьера выполнены на заказ городскими мастерами. Высокий потолок и мерцающие от

света зеркальные колонны придавали величие и торжественность окружающей обстановке. На столах посуда из фарфора и хрусталя, настольные лампы под белым абажуром и всегда свежие цветы. Большая красивая люстра свисала с потолка и ярко освещала весь зал. В её хрустальных подвесках играл свет от множества маленьких лампочек. А от светильников, висевших на стенах и колоннах, струился тихий вечерний свет. Ковры, покрывающие весь пол, смягчали шум и улучшали качество звучащей музыки, делая её восприятие уютным и приятным. Девушки официантки в белых кофточках, в тёмных юбочках с белыми кружевными фартуками разносили подносы с едой. По вечерам здесь звучала живая музыка. Музыканты и солисты вокально-инструментального ансамбля каждый вечер приезжали сюда за семьдесят километров из города Самарканда, чтобы радовать гостей ресторана своим творчеством. К концу вечера, в разгар веселья, посетители заказывали свою любимую мелодию, отдавая музыкантам немалые деньги.

Айше приняли на работу помощником повара. Иногда она заглядывала в зал как в другой мир, где красиво одетые женщины и мужчины рассаживались по местам, весело и непринуждённо смеялись, оживлённо разговаривали. Она быстро научилась поварскому искусству, ведь ей часто приходилось бывать у Марии в столовой в Судаке, где та тоже работала поваром. Порой она очень уставала от тяжёлого физического труда на кухне и шума, доносящегося из за-

ла. Но каждый день, приходя на работу, живо включалась в процесс приготовления пищи, чтобы вечером люди могли красиво отдохнуть и покушать. Через некоторое время Айше уже знала всех завсегдатаев ресторана и часто видела одну компанию молодых людей, которые приходили сюда ужинать. Один из них, высокий черноволосый парень, весёлый и общительный, иногда заглядывал к ним на кухню. Здоровался со всеми и шутил:

– Девушки, чем будете сегодня кормить усталого странника? – обычно спрашивал он.

Аман, так звали этого парня, сразу заметил новенькую девушку. И вскоре стал поджидать её около ресторана после работы. Когда Айше с другими работницами вышли из дверей, официантка Катя сказала:

– Смотрите, Аман стоит. Интересно, кого он ждёт? Не тебя ли? – спросила она Зою, молодую повариху.

– Не меня. Ты что не видишь, он с Ани глаз не сводит.

– Аня, смотри не упусти, парень что надо, при деньгах и красавчик.

Айше молчала. Они пошли домой, а за ними следовал Аман, сохраняя дистанцию. Потом девушки стали расставаться. Посмотрев в сторону Амана, они улыбнулись, переглянулись друг с другом и разошлись по домам.

– Аня, – позвал девушку молодой человек, когда подруги скрылись за поворотом.

Айше обернулась и вопросительно взглянула на самоуве-

ренного парня.

– Разрешите с вами познакомиться. Меня зовут Аман, а вас?

– Так вы уже знаете моё имя.

– Но хотелось бы услышать от вас, может, я ошибаюсь.

– Ошибаетесь, – опустив глаза, смущённо сказала Айше и вошла в калитку забора, прикрыв её за собой перед самоуверенным кавалером.

На следующий день Аман опять зашёл в ресторан. Прошёл на кухню к раздаточному столику и на поднос перед Айше положил большое красное яблоко. Не сказав ни слова, удалился. Так продолжалось некоторое время. Он оставлял на подносе то яблоко, то персик, то цветок. Когда она проходила мимо, пытался вручить ей цветы, но она не брала. Каждый день он упрямо продолжал попытки познакомиться с девушкой. Однажды Аман пропал, прошёл месяц, а его всё не было. Айше вдруг поняла, что его отсутствие волнует её. Было заметно, что Аман добился внимания девушки.

На Новый год Айше уже работала поваром. Работы было много, проходили праздничные вечера. Ей приходилось возвращаться домой в полночь. В один из таких вечеров на тёмной улице их спокойного городка, она услышала за собой шаги. Вдруг кто-то дёрнул её за сумочку. Айше испуганно оглянулась и увидела Амана. Он, весело улыбаясь, держал перед собой розы.

– Аня, это тебе.

Девушка взяла цветы и улыбнулась. Но сказала строгим ГОЛОСОМ:

– Больше так не делайте. Вы испугали меня.

– Извини! Можно, я провожу тебя?

– Можно, – согласилась Айше.

Они шли и молчали. Аман не знал, что ей сказать, чтобы не спугнуть девушку, которая, наконец, уступила его просьбам.

– Аня, давай встретимся в выходной день.

– Вы только один раз проводили и уже на свидание?

– Тогда я завтра приду проводить тебя!

– Проводите, – согласилась она.

Около калитки, пожелав друг другу спокойной ночи, они расстались. Счастливый Аман скрылся в тёмном переулке. А Айше долго не могла уснуть. Она поняла, что парень нравится ей. «Но ведь я разведённая, с ребёнком, да ещё и ссыльная, что из этого выйдет? Ничего хорошего!» – с этими мыслями и уснула. Снились ей цветы на полянке, а среди них, словно пламя, алел большой красный цветок. Она сорвала его и прижала к себе...

Аман стал встречать её с работы и провожать, но иногда исчезал. И Айше решила узнать, куда он всё-таки пропадает, где работает?

При встрече она спросила его:

– Аман, а где вы работаете, чем занимаетесь?

Аман обрадовался, что им наконец заинтересовались, и

начал выкладывать о себе всё:

– Работаю на заводе рабочим. Живу в городе в своём доме. Отец с сестрёнкой в кишлаке. Когда я начал работать, то каждый вечер пешком возвращался в кишлак в темноте. Шёл по бездорожью через поля и пригорки. А дома меня допоздна ждала сестрёнка с ужином, чтобы накормить уставшего брата. Потом я решил: построю в Каттакургане свой дом. Отец помог. Моя старшая сестра живёт в другом кишлаке с родителями мужа, погибшего на фронте.

Мама умерла рано, и нас вырастил отец. В нашем роду все образованные. Отец – заведующий фермой, его братья, мои дяди, – председатели колхозов, а я вот неуч. Не хотел учиться. Думал: «Денег зарабатываю достаточно, не меньше директоров, учёба не нужна, хватит с меня школы». Я ведь вожу сухофрукты в Белоруссию на продажу. Я там служил. В городе Бобруйске у меня остались друзья-сослуживцы. Вот и договорился с отцом друга, чтобы он продавал мои сухофрукты. Отпрашиваюсь на работе и самолётом туда и обратно. Когда приезжаю, останавливаюсь у друзей. Они все уже женаты, но всё равно всегда мне рады. В Белоруссии мне нравится. Люди открытые, гостеприимные.

– А-а, вот где вы пропадаете!

– Аня, меня волнует один вопрос, – с волнением в голосе спросил Аман, – не занято ли твоё сердце?

Немного помолчав, Айше сказала:

– Нет пока. Так вы до сих пор не женаты?

– Я в разводе. Меня ещё до армии женили. Невесту только на свадьбе увидел. Это была дочка друга отца. Вот они и стоворились. Но я её не любил, не лежала душа, а после армии вернулся и развёлся. Почему я должен без любви жить? Не те времена!

– А дети есть?

– Нет, да мы с ней толком и не были вместе. Сразу после свадьбы я в армию ушёл, а вернулся – не стал с ней жить ни одного дня. Недавно она вышла замуж. – А ты о себе расскажешь? – спросил Аман.

– В следующий раз, – уклонилась от ответа Айше.

Она не знала, как ей рассказать о себе. Вдруг он в ней разочаруется. Поэтому торопиться с признаниями не стала.

В один из январских вечеров Аман провожал Айше домой. У калитки они увидели идущую навстречу женщину с ребёнком.

– Айше, здравствуй!

– Медине-абла! Садие! Здравствуйте! Как поживаете?

Они обнялись, поцеловались. Айше обратилась к Аману:

– Познакомься, Аман, это моя родная тётя Медине, а это двоюродная сестрёнка Садие.

– Очень приятно, Аман, – представился он.

– Здравствуйте, Аман! Вы крымский татарин?

– Нет, я узбек.

– А как похож! Айше, он похож на твоего отца, только Асан был кудрявым.

– Очень приятно было познакомиться. Ну, я пошёл, Аня-Айше! Мне пора. Пока!

Аман ушёл, а Айше подумала: «Теперь он знает, что я никакая не Аня», и ей стало неловко. И почему она раньше про себя не рассказала? На минуту она забыла о гостях, потом опомнилась и пригласила их в свою комнату.

– Айше, что за парень? Он твой жених? – улыбнувшись, спросила Медине.

– Нет, друг.

– А жаль, что не жених, симпатичный, приятный молодой человек. Плохо, что не татарин, хотя так похож! Ну, так что же, у нас много смешанных браков, будет и узбекская кровь.

– Какой он мне жених! Узнает, что у меня есть сын, сбежит, только я его и видела.

– Как знаешь, смотри сама, – сказала Медине, – а мы с Садие приехали в город по магазинам.

На следующий день Аман не пришёл встречать Айше. И она подумала, что он решил с ней больше не встречаться. Но что-то защемило сердце, и волнение обдало её неприятной волной. «Что это? – подумала Айше. – Мне же всё равно, почему я волнуюсь? Надо забыть про него и жить дальше», – решила она и легла спать. Но ей не спалось, глаза увлажнились, и крупные капли слёз, как стеклянные бусинки, выкатились из её больших красивых глаз. Немного поплавав в подушку, она вскоре уснула. Прошла неделя. Вечером в окно кто-то тихо постучал.

– Аня, это я, – почти шёпотом сказал Аман.

Быстро одевшись, она выскочила на улицу. Сердце её бешено колотилось, готовое выпрыгнуть прямо в объятия Аману.

– Аня, извини, я не успел тебя предупредить, что уехал. У меня умерла тётя, папина сестра. Мне пришлось срочно уехать на похороны, потом были поминки.

– Мои соболезнования, Аман.

– Спасибо!

– Аман, мне надо вам всё рассказать, – решительно заявила Айше.

– Что рассказать? Я знаю, ты не русская, а крымская татарка. Я понял ещё тогда, когда приехала твоя тётя. Ну, что из этого? Ты знаешь, это же хорошо! Мы с тобой одной веры! А я думал, что ты русская и отец будет против

нашего брака. Тогда мне пришлось бы туго, но я бы не сдался.

– Какого брака, Аман?! Ты ещё не всё про меня знаешь. Я разведена, и у меня есть сын. Ему исполнилось недавно три года. Его зовут Володя, – на одном дыхании произнесла Айше.

– Сын? Ну да... конечно... ты же была замужем, что же я удивляюсь.

Он немного помолчал, а потом спросил:

– А где он сейчас? Почему не с тобой?

– Он в Азербайджане, у дяди. Я его отдала им на время,

пока у меня нет жилья.

– Да, да... у дяди... – тихо и задумчиво произнёс Аман.

Видно было, что он растерян или размышляет, что ему делать дальше, какое решение принять.

– Ну, вот что, – подумав, уверенно сказал молодой человек, – сына мы заберём. У нас будут ещё дети. Выходи за меня замуж, – уверенно заявил Аман, который видимо уже принял решение.

От этих слов у Айше учащённо забилося сердце. Она понимала, что Аман её любит и она его тоже. Да ещё берёт с ребёнком, зная, что несвободна и носит клеймо предателя. С таким человеком можно быть уверенной в завтрашнем дне. И как хорошо, что он принимает её такой, какая есть! Не веря своему счастью, Айше спросила его:

– А вы уверены в своём решении?

– Конечно, Аня! Ты разве не видишь, как я к тебе отношусь?

Получив утвердительный ответ, Айше с радостью приняла его предложение:

– Да, Аман. Я согласна!

Они были счастливы. И с этого дня улыбки не сходили с их влюбленных глаз уже никогда! В ту ночь никто из них не уснул. Айше ворочалась в постели до утра. Аман у себя дома долго смотрел на небо, выискивая звёздочку, которую хотел бы подарить любимой, и думал, что скоро у него будет жена и уже готовый сын и главное – этот брак будет удачным. Он

чувствовал это всем сердцем и душой.

Вскоре Аман рассказал отцу о своём выборе. Отец был несколько удручён такой новостью. Ведь он привёл когда-то сыну невесту, от которой тот отказался. Невеста была под стать Аману из обеспеченной семьи, узбечка. А он берёт в жёны приезжую, чужую женщину, крымскую татарку. Хотя ему больше не хотелось указывать сыну, с кем ему лучше жить, но переживания за него только усиливались: «Что за татарку он приведёт в дом? Она ещё и с ребёнком!» – сокрушался отец.

С детства Аман рос озорным и непослушным мальчиком. Себя в обиду не давал, был сильным, среди друзей лидер. Вокруг него собирались мальчишки и брали с него пример. А когда окончил школу, то дальше учиться не захотел. Отец возил его в Самарканд устраивать в институт. В институт Амана зачислили, но как только отец уехал, сын сбежал домой. После двух безнадёжных попыток вернуть беглеца к учёбе, отец решил его женить, чтобы тот остепенился и взялся, наконец, за ум. Женил, отправил в армию, а сын вернулся и развёлся с женой. Поселился в Каттакургане, построил дом, пошёл работать на завод и стал держаться подальше от отца, чтобы тот не мешал ему жить весёлой холостяцкой жизнью. В городе он попадал в истории: друзья, драки, потасовки, стал первым парнем на районе, ровесники его уважали и боялись. Неизвестно чем бы закончилась его холостяцкая жизнь, если бы не Айше. Поэтому отец с надеждой в сердце

согласился на его союз с чужеземкой, и к тому же никогда прежде он не видел своего сына таким счастливым.

После получения в спецкомендатуре разрешения молодые зарегистрировали свой брак и отметили своё бракосочетание с друзьями в ресторане, где работала невеста.

После свадьбы они поехали к отцу Амана. Айше впервые увидела кишлак, где родился муж. Её взору открылись огромные просторы красивой сельской местности. Вокруг простирались поля, пашни, виднелись колхозные сады и большая животноводческая ферма, где работал отец Амана. Вдалеке высокой и длинной грядой растянулись горы. Через кишлак протекает река. Большой, глиняный, с айваном (навесом) дом отца расположился прямо у реки. Дувалов (заборов) между соседями нет. За домами у всех посажены сады. Соседи свободно посещают друг друга, двери их жилищ всегда открыты. На улице находится общий водоём – хауз. В него по небольшому каналу из реки попадает вода.

Они зашли во двор дома. Двор чисто выметен, в центре стоит супá, на ней топчан, над топчаном нависают сухие ветки раскидистой чинары. В углу двора кухня – тандыр и печь. За домом зимний сад, загон для коз и баранов, в стойле мычат коровы и телята. «Летом здесь очень хорошо и зелено», – подумалось Айше. Навстречу молодым вышел отец – крупный пятидесятичетырёхлетний мужчина среднего роста. Его круглое розовощёкое лицо излучало доброту. Тонкие губы придавали строгость, он ведь руководитель большой фермы.

Из распахнутого на груди чапана виднелась белая полотняная рубашка подвязанная кушаком, на голове тибетейка, на ногах плотные кожаные махссы (сапоги), вдетые в галоши. Звали его Бахтиёр-ака, что значит «счастливый». Но счастье Бахтиёра было недолгим. Рано умерла любимая жена. Но он так и не привёл в дом другую женщину. Сам растил трёх детей. Не всё ладилось с сыном, но сейчас отец надеялся, что Аман будет счастлив.

Следом за отцом появилась сестрёнка Амана, белолицая девушка лет семнадцати по имени Хикмат. Её стройную фигуру облегал приталенный зелёный чапан, голову украшала расшитая тибетейка, и несколько тонких чёрных косичек рассыпались по юным плечам. Она была так легка, что казалось: девушка не вышла из дома, а выпорхнула из него. Её весёлые лукавые глаза с любопытством стали разглядывать Айше.

Отец обнял сына и поздоровался с невесткой. Следуя обычаям, в отчий дом мужа Айше принесла свежеиспечённые лепёшки. Вежливо приложив правую руку к сердцу и поклонившись отцу мужа, она прошла в дом в сопровождении сестры Амана. Всей семьёй они пообедали, поговорили, а вечером молодожёны уехали.

Аман рассказал жене, что с друзьями он частенько приезжает к отцу на охоту в здешние места, богатые дичью и пушными зверьками. Обычно они уходят в близлежащие горы и предгорья за зайцами, кекликами, лисами и кабанами.

Молодые решили приехать в кишлак весной, чтобы Айше смогла увидеть всю красоту этого края, лучше узнать местность и её окрестности.

Так Айше приняли в семью. Теперь она не одинокая женщина, у неё есть муж, семья мужа и семья тёти Медине. Постепенно она обростала близкими людьми. И муж Аман оказался именно тем человеком, с которым она по-настоящему счастлива. Они дополняли друг друга и не могли друг без друга дышать. Аман перестал ездить в Белоруссию. Семейная и трудовая жизнь пошла своим чередом. Любовь молодых крепла день ото дня. А вскоре Айше поняла, что ждёт ребёнка. И они принялись благоустраивать дом к появлению третьего члена семьи.

Глава 18

Город

О город, мне ниспосланный судьбой.

Ты для меня кусочек рая.

Каттакурган укроет добротой,

Теплом людей и солнцем душу согревая.

Каттакурган, где поселилось счастье Айше, небольшой городок с населением в семьдесят тысяч жителей. Он располагается в долине реки Зеравшан. По центру города проходит оросительный канал, проложенный до Каттакурганского водохранилища. Канал прорыли вручную ещё во время Великой Отечественной войны для орошения полей. Здесь дружно проживают люди разных национальностей: узбеки, татары, русские, чувашаи, мордва, калмыки и другие. У евреев есть еврейская махалля, казахи живут в казах-ауле, по берегу канала и в районе кирпичного завода кучно проживают крымские татары. Город являет собой многонациональный союз. Люди вместе отмечают праздники, ходят в гости, на свадьбы, дни рождения детей, помогают в беде, перенимают рецепты национальных блюд. Двери горожан всегда открыты

и закрываются только на ночь, а летом они не закрываются и вовсе. Ночью все спят во дворах, так как в доме душно от жары.

Целомудрие, скромность, соблюдение приличий, уважение к старшим и забота о детях в этом городе основаны на одной важной и почитаемой всеми фразе: «А что скажут люди?»

Дети шумной ватагой бегают от соседей к соседям как к себе домой. На улице они играют в догонялки, партизаны, прятки, салки, казаки-разбойники, футбол, лапту, классики, прыгалки. Проводят соревнования, концерты и ведут тимуровскую работу (помощь старикам). Некоторые мальчишки заводят голубей и даже целые голубятни, которыми очень гордятся. Сердобольные женщины выносят на улицу горячие пирожки и раздают всем детям, пробегающим мимо них. То и дело из окон слышатся голоса матерей, зовущих их кушать или делать уроки. В каждом дворе всегда находятся бабушки, которые раздают детям конфетки. С утра до позднего вечера детвора играет на улице, изредка забегая домой, чтобы поесть и сделать уроки. А вечером они падают в кровать и тут же засыпают.

Ежедневно по вечерам на берег канала приходят семьи с детьми, прихватив с собой еду. Для плавания они несут надувные чёрные камеры от колёс грузовой машины. С мостиков дети и взрослые прыгают в воду, ныряют или переплывают канал.

В городе царит атмосфера большой семьи, объединяющей в себе разные уклады жизни, традиции, разное вероисповедание, национальную принадлежность и менталитет. Низкий уровень послевоенного быта не удручает людей. Одинаково невысокий материальный достаток уравнивает их перед житейскими трудностями, а главное утешение они всегда находят в словах: «Лишь бы не было войны!»

Айше сдружилась с соседями. Общительная и отзывчивая, она всегда охотно принимает гостей и родственников мужа, приезжающих из кишлаков для посещения воскресного городского базара.

Весной и летом молодожёны уезжают в зону отдыха горожан – водохранилище. Из-за огромных размеров оно называется Узбекским морем. Зелёными садами разрослись здесь фисташковые рощи. Вдоль дорог и тропинок приветливо встречают отдыхающих цветы и фруктовые деревья. Сюда привозят труженников города на выходные дни. Весной и летом великолепные виды бескрайнего, как море, водохранилища с курсирующими по водной глади лодками и катерами, красивой и пышной растительностью на побережье радуют глаза. Целые поляны прекрасных кувшинок украшают поверхность рукотворного Узбекского моря.

Каждое воскресенье рано утром в городе проходит хашар (субботник). Поливальные машины освежают Каттакурган своими живительными брызгами. После чего жители дружно

выходят из домов и квартир на благоустройство улиц и дворов. Единственный выходной в неделю всегда занят приятными хлопотами. После хашара почти все идут на большой городской базар. Кроме горожан сюда съезжаются многочисленные торговцы и покупатели из близлежащих кишлаков. И торговая площадь становится средоточием интересов всех живущих в округе людей.

Это обычный восточный базар со всем своим национальным колоритом, запахами, красками, звуками и голосами. Прилавки с пряностями привлекают к себе гурманов, вынуждая чихать от обилия горького перца. Около восточных сладостей толпятся дети. Фрукты лежат на прилавках разноцветными горками. В ведёрках по сезону продаются ягоды: клубника, тутовник, смородина, ежевика. Бахчевые стоят на земле, как цветные пирамиды: оранжевые, зелёные, жёлтые. Вдоль рядов выстраиваются продавцы молочных продуктов и лепёшек в белых фартуках. Тандыры стоят рядом, а запах горячих лепёшек манит к себе людей. В мясных ларьках тушами висят говядина, свинина, баранина, конина. В Каттакурганском районе особенно вкусное мясо, так как живность здесь кормят выжимками из семян хлопчатника: богатый питательными веществами продукт придаёт мясу особый вкус. Шум, сутолока, суэта, торги разбавляются мелодиями музыкантов, играющих на узбекских национальных инструментах: дойре, домбре, сурнае. Здесь можно встретить своих знакомых, зайти на самсу, шурпу, шашлык,

благо шашлычная находится неподалёку, а вкусный дымок горящего саксаула и капающего на него жирка тянется по прилавкам, призывая к себе покупателей без лишних слов. Мужчины у пивного ларька пьют пиво, пока их жёны выбирают товары, обсуждают новости и результаты футбольных матчей. Рядом в чайханах в тени чинар узбеки-старожилы, полулёжа за хон-тахтой на топчанах и курпачах, тихо, чинно пьют горячий зелёный чай.

А в обычные дни товары предлагаются около домов. Громким и зычным голосом во все услышанье продавцы зазывают покупателей: “Шарра-барра! Керросиин! Точу ножи и ножницы! Чиню обувь! Горячие лепёшки! Арбузы, дыни! Нишолда!” Создаётся впечатление, что вокруг домов проходят торговые пути. А ведь когда-то так и было. Ещё во втором веке до нашей эры через Каттакурган далёкие предки проложили Великий шёлковый путь ведь торговля издревле является основным занятием восточных людей.

Доморощенные художники с чёрно-белых фотографий пишут цветные портреты. Они с завидной регулярностью ходят по домам и забирают фотокарточки, которые требуется превратить в портреты. Сходство получается чаще минимальное, но портрет, что ни говори, всё-таки портрет, да ещё цветной! Их вешают обычно над кроватью.

В тёплое время вечерние сеансы кинофильмов проходят в летнем кинотеатре под открытым небом. Перед экраном мелькают светлячки, кто-то неторопливо курит, а на заборах

кинотеатра и деревьях сидят мальчишки. Их “галёрка” так же шумно, как и “партер” реагирует на фильм. Часто фильм прерывается, и мужчины с мальчишками начинают дружно свистеть, топтать ногами и кричать: “Механика на мыло!” Любители побузить отрываются от души. Женщины затыкают уши и терпеливо ждут продолжение сеанса. Дожди здесь редкость, поэтому летние кинотеатры всю весну, лето и раннюю осень принимают зрителей. Для мальчиков побывать в кинобудке у механика всегда вожаделенная мечта. Многие хотят стать киномеханиками, чтобы смотреть фильмы бесплатно и по несколько раз.

Кинотеатры всегда полны людей. В дневные и вечерние сеансы аншлаг. А когда идут комедии или индийские фильмы, кино «крутят» по несколько дней подряд, пока не посмотрится весь город. Кино – это не только окно в другой мир, это повод для общения. Фильмы не просто смотрят, в них вживаются, зрители сопереживают героям как своим родным, плачут или смеются от души. Это было время чистоты, наивности, дружелюбия и участия...

Вскоре в помощь кинотеатрам пришли телевизоры. Они манили своей загадочностью. Всех интересовал вопрос: как в этом маленьком экране помещаются люди, которые поют и говорят?!

Аман с Айше купили свой первый телевизор «КВН». Концерты, кино, новости – всё это необычно и удивительно созерцать воочию, а не слышать по радио. Конечно, разгля-

деть в нём картинку было сложно – такой маленький был кинескоп. Тогда перед экраном ставили большую линзу, наполненную водой, и экран зримо увеличивался, изображение, правда, становилось мутным, но это никого не смущало. По вечерам у молодых собирались друзья и соседи «на фильм». Хотя на большом полотняном экране кинотеатра фильм смотрелся лучше, но в доме он воспринималось совсем по-другому. Можно было дружной компанией попить чай, громко обсудить или поспорить по поводу поведения героев фильма.

Айше с мужем по вечерам прогуливались по городскому парку, который по праву является излюбленным местом горожан. Здесь установлены самые современные в стране аттракционы и качели. На специально отведённых площадках проводятся концерты, танцы. Парк утопает в зелени вековых чинар и радует глаза красными и белыми благоухающими чайными розами. По территории тянутся аккуратные дорожки, усыпанные крупнозернистым песком, и арыки. Ежегодно 22 апреля, в день рождения вождя революции В. И. Ленина, парк открывается. В этот день почти весь город собирается здесь: музыка, танцы, шашлыки, пиво. Дети покупают мороженое, «петушки», лимонад, катаются на качелях и каруселях. Женщины, все как на подбор с причёсками, в нарядных платьях из ситца, хлопка, крепдешина, креп-жоржета или штапеля, сшитых своими руками или на заказ, гордо прогуливаются по аллеям парка. К вечеру на летней пло-

щадке начинается концерт, проводятся конкурсы, игры. Молодежь спешит на танцы или в бильярдную.

В городе находится печально известная тюрьма строгого режима, построенная три столетия назад по Указу Екатерины II. В годы репрессий сюда попадали осуждённые по 58 статье – предатели родины, чаще по наговору или доносу. После освобождения одни из лучших специалистов страны Советов: врачи, инженеры, учителя, деятели искусств – оставались жить и работать в Каттакургане, зная, что на родине их никто и ничто не ждёт. С такой биографией продвижение по службе было уже невозможно. Высококвалифицированные кадры нужны послевоенной республике, и освобождённые специалисты активно включаются в работу, отдавая все силы и знания приютившему их Узбекистану. К бывшим заключённым переезжают члены их семей из Москвы, Ленинграда и других крупных российских городов. Со временем некоторые специалисты уезжают в другие населённые пункты республик Средней Азии, где нужны кадры, но всё же бóльшая часть из них остаётся в Каттакургане.

Раз в неделю по местному радио из Ташкента передают музыку и песни крымских татар. Айше всегда ждёт концерт с нетерпением, следит за часами. Когда подходит время, она садится на табурет поближе к радио и слушает родные мелодии с таким упоением, с каким пьёт воду страдающий от жажды человек. Вместе с исполнителем она напевает знакомые песни, кружится в танце, высоко вскинув руки. В такие

минуты мыслями она на родине. Глаза заполняются слезами, а сердце рвётся на части. В это время Аман старается не мешать любимой побыть наедине с собой. Ностальгия захлёстывает её с головой, и, несмотря на счастливую семейную жизнь, душа рвётся на родину.

Кроме городской радиоточки в доме имеется радиоприёмник с проигрывателем. Рядом на полке стройными рядами ждут своего часа пластинки эстрадных и оперных певцов. Почётное место в центре комнаты занимает круглый стол с резными ножками, обтянутый кожей. Над ним висит оранжевый абажур. Весь свет абажура сосредоточен над столом, а вокруг него по комнате разливается тихий и уютный полумрак. Вдоль стен разместились этажерка, комод и тумбочка, на которой стоит телевизор. На этажерке громко тикает будильник, стоят книги, фарфоровые статуэтки и керосиновая лампа. Над комодом Аман повесил большое зеркало в красивой, резной, позолоченной раме. Окна украшают новые занавески, а пол – разноцветные полосатые дорожки. В спальне блестит никелированная железная кровать. На двух больших сундуках стопкой лежат курпачи, подушки и разные постельные принадлежности для многочисленных гостей из кишлаков. Большое пространство в углу на кухне занимает солидная кирпичная печь с чугунной плитой, нагрев которой регулируется съёмными кругами. Рядом с печью кочерга и ведро с углём, с помощью которого она разогревается. Рядом с печью возвышается резной буфет с посудой и кухонными

принадлежностями. Свет часто отключают, и тогда хозяева достают с верхней полки этажерки керосиновую лампу.

В общем, дом получился современным, уютным и готовым к приёму детей. Айше написала дяде Осману, чтобы он поскорее привёз Володю. Сама она приехать не может, потому что ждёт второго ребёнка. Осман пообещал, но приехал через год: то болел сам, то Володя.

Глава 19

Дети

*Коль дети – счастья плоды,
Мой плодоносит сад.*

Летом неожиданно от инсульта умер отец Амана, так и не дождавшись внуков от сына. Руководящая должность, ответственность требовали сил и напряжения, которого он не выдержал. После смерти отца младшая сестра Амана, Хикмат, стала жить с молодожёнами.

После новогодних праздников у молодых родилась дочь Лола. Начались бессонные ночи, приятные хлопоты. Аман бежал с работы домой, чтобы помогать жене с ребёнком, не спускал дочку с рук, забывал ужинать, пока Айше не начинала его уговаривать:

– Аман, поешь, положи ребёнка, ты её разбалуеть, она не сможет спать одна.

В апреле 1956 года свершилось событие, которое долго ждали все крымские татары. Комендантский режим был снят. Сняты ограничения по перемещению крымских татар.

Не надо больше отмечаться и регистрироваться. Им можно селиться и жить где угодно. Но... Но без права на родину и возврат имущества. Да, они стали свободными гражданами, как все, но возвращение в Крым оставалось невозможным. Историческая справедливость так и не была восстановлена. Немногие тогда уезжали в Крым с надеждой поселиться там, но многие из тех, кто уезжал, не найдя на родной земле пристанища, возвращались обратно, ведь здесь, в Азии, они обрели семью, работу, друзей, уважение.

Со дня выселения крымских татар надзором за спецпоселенцами и их перемещениями занимался НКВД (наркомат внутренних дел), с 1954 года КГБ (комитет госбезопасности). Но до конца жизни Айше называла эту службу НКВД. Она всегда была благодарна работнику этой службы Анвару-аке за то, что он отправил её учиться в Ташкент. После выхода Указа она пришла к нему в отдел последний раз – попрощаться. Анвар-ака поздравил её с освобождением:

– Теперь мы не увидимся, Айше. Работай, живи и будь счастлива! – сказал он ей на прощание.

– Спасибо, Анвар-ака, за всё! Я никогда не забуду вашей доброты!

С этими словами она вышла из спецкомендатуры, чтобы никогда сюда не возвращаться.

В один из июньских дней 1956 года Айше как всегда занималась работой по дому: подогрела чугунный утюг на пе-

чи и стала гладить детские вещи дочки. Её взгляд невольно скользнул по окну. Краем глаза она заметила до боли знакомое лицо.

– Вовочка, Осман-ага! – радостно прошептала она.

По двору шёл Осман, держа за руку маленького мальчика. Айше бросила глажку и выскочила им навстречу. Со слезами на глазах она медленно подошла к ребёнку и рухнула перед ним на колени. Протянув к нему руки, тихо сказала:

– Вовочка, родной мой, иди к маме!

Вовочка испугался незнакомой тётки и начал плакать, прижимаясь к ногам Османа, он тянул ручки вверх, чтобы тот взял его и защитил от незнакомой тётки.

Осман поднял Айше с колен и обнял её.

– Здравствуй, Айше! – поздоровался Осман. – Не торопись, он не помнит тебя. Зайдём в дом, люди смотрят.

– Здравствуйте, Осман-ага! Проходите, – сказала Айше, вытирая уголком фартука мокрые глаза.

Они вошли в комнату, в доме пахло гарью.

– Что это у тебя горит? – спросил Осман.

– Ой! Утюг! – испуганно ответила Айше и, сняв с прожженной пелёнки утюг, поставила его под струю холодной воды. Утюг недовольно зашипел, и пар распространился по всей комнате.

Заплакала маленькая Лола. Айше подошла к ребёнку и, уткнувшись в её маленькое тельце, горько расплакалась. Лола перестала плакать и стала смотреть непонимающими глаз-

ками на маму, а потом тоже разревелась вместе с ней. Поплакав и успокоив дочь, Айше вышла к гостям с ребёнком на руках.

– Наша дочь – Лолочка, – представила она дочь дяде Осману.

– Красивая, – посмотрев на внучку погибшего брата, сказал Осман, – поздравляю вас!

– Спасибо за поздравление!

– А где твой муж?

– Аман в обед придёт.

– Айше, ты извини нас, Володя называет мамой Евгению.

Он сам начал так её звать, а меня папой. Мы не стали его отучать, чтобы не травмировать его психику. Ведь когда мы уехали от тебя, он долго плакал, плохо спал, не мог привыкнуть к новой обстановке.

Айше молчала и думала, сколько же пришлось пережить её маленькому ребёнку из-за разлуки с ней. Потом она вынесла Володе игрушки и картинки. К этому времени Володенька успокоился, вытер слёзы, тяжело вздохнул и принялся разглядывать игрушки.

– Папа, смотри, – сказал Володя, показывая Осману картинки.

– Володенька, иди, покажи маме Ане, – попросил Осман.

– Нет.

– Ну, иди, играй дальше, может, спать хочешь?

– Нет.

– Володя, посмотри девочку, – предложила Айше, – это твоя сестрёнка.

Но Володя не хотел смотреть на свёрток на руках у тёти: что там интересного для него, мальчика? Он отрицательно помотал головой и занялся игрушками.

– Почему Вы не сказали ему, что у него есть мама? Тезана всегда говорила мне, что у меня была родная мама.

– Не смогли, прости. Ребёнка было жалко, да мы, честно, говоря, были очень рады, когда он стал нас так называть, мы уже не надеялись, что будем родителями, а тут подарок судьбы. Поэтому сейчас Евгения плачет день и ночь, расставшись с Володей. У нас для него есть все условия: ванна, горячая и холодная вода, у Володи своя комната. А у вас только кран с холодной водой и все удобства во дворе. Лучше поехала бы к нам жить.

– Как Вы это представляете? Бросить мужа, которого я люблю, забрать его дочь? Нет, и другого разговора не будет. Извините, Осман-ага. Спасибо, что растили сына, но он должен жить с нами.

Айше накрыла на стол, Осман уложил Володю спать.

Вскоре подошёл Аман. Мужчины поздоровались, обнялись и пожали друг другу руки. Аман стал расспрашивать гостя о дороге, здоровье и делах. Пообедав, Осман принялся опять уговаривать Айше и заодно Амана. Ему хотелось во что бы то ни стало оставить Володю у себя.

– А может, вы всей семьёй поедете к нам жить? – предло-

жил Осман. – У нас большая квартира, всем места хватит.

– Что Вы, Осман-ака, – возразил Аман, – мы никуда не поедём. У нас своё жильё, работа, друзья. Я отсюда никуда. Здесь моя родина. Наше место здесь. Правда, Айше?

– Конечно, Аман!

Проснулся Володя.

– Мама, мама, – громко стал звать маму Володя.

Айше подошла к сыну, но он ещё больше закричал и устроил истерику. Осман взял его на руки:

– Успокойся, сынок, мама далеко, она скоро приедет. Пойдём-ка, погуляем на улицу.

Они оделись и вышли. Айше сидела и молчала. Аман не знал, что сказать ей в утешение. Потом он прервал тишину:

– Что ты решила? – спросил он жену.

– Не знаю, пусть пока поживут у нас, Володя привыкнет.

Но Володя не привык... Прошла неделя. Осман собрался в дорогу. Опустив голову, он вытер слезу, попрощался и, пока Володя спал, вышел за порог. Оставив

Володю и маленькую дочку сестре Амана, Айше с мужем пошли провожать дядю.

– Айше, не провожайте меня, – попросил Осман. – Я сам доберусь. Вдруг Володя проснётся, испугается, что нас нет. Вернитесь!

– Нет, Осман-ага мы проводим вас, хотя бы до автобуса.

На улице дядя опять стал уговорить племянницу не заби-

рать у него сына:

– Айше, у тебя семья, есть ребёнок, работа, а мы одни. Ты не сможешь уделять Володе должного внимания. Подумай, а мы дадим ему образование, всё дадим, что у нас есть. Он привык к нам, ему будет здесь тяжело без нас, поверь!

– Нет, Осман-ага, ещё раз спасибо за всё. Жаль, что вы уезжаете. Когда ещё увидимся? – сказала Айше.

Подошёл автобус.

– До свидания! – попрощался Осман. – Берегите Володеньку!

Они обнялись. У Османа на глазах показались слёзы. Это были слёзы отчаяния. Он надеялся, что уговорит Айше, но она оказалась непреклонной. Помахав в окно автобуса на прощание племяннице и зятю, Осман уехал на железнодорожный вокзал...

Володя вдруг проснулся. В незнакомом доме он чутко спал, а может, что-то почувствовал, и с тех самых пор, когда Айше оставила Осману сына, он всегда был начеку: «вдруг опять отдадут», конечно, ребёнок не помнит тот день, когда он расстался с мамой Айше, но состояние тревоги осталось в глубине его подсознания. Володя поднял рёв. Айше пыталась его успокоить, отвлечь, но он ничего не хотел слушать. Его плач перешёл в истеричные рыдания. Тогда Айше сказала Аману:

– Аман, беги за дядей на вокзал, верни его, я решила...

ради Володи... отдать его им.

Аман побежал на остановку. Автобусы ходили часто. Добравшись до вокзала, Аман застал Османа на перроне.

– Осман-ака! – позвал он дядю Айше.

– Что случилось? Что-то с Володей? – с беспокойством в голосе спросил Осман.

– Вас зовёт Айше. Она согласна, чтобы вы забрали сына.

– Согласна?!

Они поспешили назад. До отправления поезда ещё оставалось время. Осман торопливо собрал Володю в дорогу и сказал племяннице:

– Спасибо, Айше, когда он вырастет, мы обязательно скажем ему про тебя, и он приедет к вам сам, по собственному желанию. Вот увидишь!

Оставив дочку с Хикмат дома, Айше с Аманом поехали провожать дядю и сына на железнодорожную станцию. Там она поцеловала Володю и как тогда, в городе Горьком, долго стояла на перроне, смотря вслед удаляющемуся поезду. Налившаяся молоком грудь напомнила ей о дочери. Вернувшись домой, Айше накормила девочку, прилегла с ней рядом и подумала: «Самое главное, что все живы и здоровы, когда-нибудь мы будем вместе, вся наша семья, все наши дети и мы с Аманом».

Вскоре они выдали замуж Хикмат. А в 1960 году у Айше с Аманом было уже три дочери. Младшую они назвали в честь тез-аны Мерьем, среднюю Азизой. Неожиданно для семьи их

дом пошёл на снос как самострой: Оказалось, что Аман построил его без разрешения горсовета. Им выделили комнату в бараке, который находился в ста метрах от их дома и где уже жили несколько семей. Барак одноэтажный, кирпичный. Теперь всем пришлось ютиться в одной комнате.

Глава 20

Встречи с прошлым

*Стучалось прошлое в окно,
И счастье, и беда.
Что в тень ушло уже давно,
Вернулось навсегда.*

В выходной день августа 1963 года вся семья Айше была дома. Аман читал газету. Маленькие дети Азиза и Мерьем играли на полу. Айше готовила старшую дочь в первый класс, пришивала к школьному платью белый воротничок. Лола разглядывала тетрадки, чернильницу и учебники. Коричневый портфель с застёжкой привлёк её внимание. Она с гордостью носила его по комнате и говорила:

– Мама, смотри, я уже большая. Я иду в школу.

– Конечно, большая, доченька. Сходи, взрослая ты моя, купи мацони (армянский кефир). И хлеб принеси.

Лола пошла за угол дома, где по обыкновению сидели армянки и продавали свой мацони.

Айше штопала носки, когда в дверь кто-то постучал.

«Кто это?» – подумала она и открыла дверь. Перед ней

стоял их знакомый – крымский татарин Керим-ага с соседней улицы.

– Здравствуй, Айше, посмотри, кого я тебе привёл, – улыбаясь, сказал Керим-ага.

Из-за спины Керим-ага вышел мужчина. Айше сразу узнала его. Перед ней стоял её двоюродный старший брат Абибулла, которому на ту пору исполнилось сорок девять лет, но выглядел он на все семьдесят. Седой, сгорбленный, худой, без зубов, но глаза... Его уставшие глаза излучали радость. Казалось, что только они и выдержали все беды и несчастья, разрушившие его жизнь. По ним Айше и узнала брата.

– Абибулла-даи! – с этими словами она бросилась к нему на шею. – Где ты был всё это время? Мы думали, ты погиб.

Из-за большой разницы в возрасте она звала брата даи (дядя).

Они долго стояли друг перед другом, как будто не могли поверить в свершившееся чудо, и плакали. Слезы капали из их счастливых глаз, как капает слепой дождик при ярком солнце.

– Даи, проходи, проходи, – словно очнувшись, сказала Айше, – познакомься – мой муж, Аман.

Аман протянул руку Абибулле, поздоровался и обнял его. Вернувшаяся с хлебом и мацони Лола тоже принялась обнимать брата мамы, и радость, наполнившая дом, охватила и её. Она сразу полюбила этого «дедушку» и не отходила от

него ни на шаг.

– Это твоя дочь?

– Да, старшая, у нас их трое. Есть сын, но он живёт с дядей Османом.

– С Османом?

– Да, я потом расскажу об этом. Это длинная история.

Айше усадила всех за стол. Стала хлопотать по дому, чтобы накормить семью обедом.

– Сестрёнка, – сказал уставшим голосом Абибулла, – сядь, дай воды, потом попьём чай, нам надо поговорить.

Айше поняла, что предстоит долгий разговор и подала ему стакан воды. Все сели за стол и стали слушать дорогого гостя.

– Тогда, весной 1942 года, шли тяжёлые бои под Харьковом, а в конце мая у Барвенково мы попали в окружение, – начал долгий и тяжёлый рассказ Абибулла. – Много солдат погибло, и тысячи попали в плен. Мы шли по дорогам нескончаемой вереницей из военнопленных. С обеих сторон нас охраняли немцы с собаками и автоматами. Под вечер группа пленных решила вырваться из колонны. Они затеяли потасовку, чтобы отвлечь охрану. Поднялся шум, началась стрельба, слышались крики и лай собак. Люди побежали, и я с ними. Недалеко от дороги был лес, и каждый надеялся добежать до него и скрыться в нём. Но автоматные очереди настигли нас. Бегущие рядом пленные падали, и я упал. Притворился мёртвым. И ту же на меня всем телом

повалился убитый пленный солдат. Немец прошёлся по лежащим на земле людям автоматной очередью. Подошёл и ко мне. В эту минуту я подумал: «Ну, всё, прощай, жизнь, мама и все мои родные», – тут Абибулла всхлипнул и дрожащим голосом продолжил: – Фашист ногой скинул с меня убитого солдата. Видимо, ему показалось, что я тоже мёртв, потому что был весь в чужой крови. На моём лице лежали даже мозги, так как пули пробили пленному голову. Возможно, поэтому он не стал в меня стрелять, а только пнул ногой, как мешок с картошкой, и пошёл дальше. Мне пришлось лежать до темноты. Потом я побежал в сторону наших частей через поле сражений по трупам. Вся одежда моя пропиталась чужой кровью, как будто я плыл по кровавому морю. Но это было именно так: когда всё поле усеяно погибшими, трудно найти места, где можно пройти, чтобы не наткнуться на них. Когда дошёл, наши не поверили, что мне удалось сбежать из плена. Вот и передали в НКВД. Там, конечно, решили, что я диверсант. Долго били и допрашивали: кто послал, с какой целью? Потом я услышал, как лейтенант, который вёл допрос, говорил за дверью своему начальнику:

– Товарищ, майор! Арестованный ни в чём не сознаётся. Думаю, ничего не знает. Он дезертир, товарищ майор!

– По документам крымский татарин, а они, по сводкам фронта, массово дезертируют и переходят к немцам. Поэтому под трибунал его. Выполняйте!

– Меня осудили.

– Суд был? За что тебя осудили? – с волнением в голосе спросила Айше.

– Ни за что! Я просто вернулся. Вот за что! Был военно-полевой трибунал, но без моего присутствия. Мне просто зачитали приговор. Я обвинён в предательстве по 58 статье и осуждён на двадцать два года лагерей. Жена отказалась от меня. Написала отказ. Я был отправлен в лагерь ГУЛАГа (Главное управление лагерей и мест заключения) по этапу на север вместе с предателями и изменниками родины.

Такого поворота в жизни брата Айше не ожидала. Она думала, что Абибулла пропал, погиб, его угнали в Германию. Ведь его жена Февзие всегда писала им, что не знает, что с ним.

– Абибулла-даи, как же так? Февзие нам писала, что от тебя нет вестей. Значит, она обманывала нас?

– Да. Она сказала мне, что ей стыдно было сообщать моим родным, что я арестован за предательство и о том, что она от меня отказалась.

– Мы жили надеждой, и тез-ана верила, что ты жив и найдёшься. А если бы знали, в какой ты беде на самом деле, было бы ещё тяжелее. Хотя... – Айше ненадолго задумалась и сказала: – всё-таки надо было сообщить нам правду. Неизвестность хуже плохой правды. А что Февзие рассказала про тебя дочери?

– Сказала, что я умер. Она не надеялась, что вернусь. Я ей всё простил, тем более она сейчас больна.

– А почему ты не писал нам оттуда, из лагеря?

– Сначала я не писал, шла война. Сомневался, что выживу там, а после победы стал писать, но ответа не получал. Оказалось, вас уже не было в Крыму.

– Как встретила тебя дочь?

– Она очень обрадовалась. Сказала, что представляла меня именно таким и что ей всегда не хватало отца. Потом она говорила с матерью и упрекала её, что та не сказала ей правду. Выходит, дочь не отказалась бы от меня, зная, по какой статье меня осудили.

– Видишь, какая замечательная у тебя дочь! А как ты нашёл свою семью?

– Когда освободили, сразу поехал домой. Был в Крыму в прошлом году. Пришёл домой, а там живут чужие. Мне сказали, что всех крымских татар увёз НКВД в 1944 году. Куда? Неизвестно. Они отдали мне все мои письма. Не выбросили! Стал искать Марию, но она тоже уехала из Судака за месяц до моего возвращения. Соседи дали её адрес в Харькове. Поехал туда. Сначала поработал на складе грузчиком, чтобы прилично одеться и предстать перед ней. Я весь позносившись, да и деньги на обратную дорогу нужны были. В Харькове встретился с Марией. Она дала адрес моей семьи и твой. И рассказала, как всё было, как и когда вас увозили и про Усеина. Она до сих пор ждёт его, поэтому и оставила свой адрес в Крыму.

Оттуда я поехал в Узбекистан, нашёл семью. Сначала

остановился у дочери. Потом устроился на работу, познакомился с хорошей женщиной, женился. Наш дом стоит рядом с домом брата Аблякима. Вскоре увидел сестру Шевкие. Вот теперь нашёл и тебя. Все эти годы думал о вас, мечтал увидеть, этим жил и выжил в лагерях. Не многие дождались свободы, и я вернулся чудом. Выдержал все издевательства охраны, побои, холод и голод.

Айше слушала его исповедь и не могла поверить во всё это. Её переполняли тревожные чувства к брату, жалость, обида за него, за себя, за их прошлое и будущее. Она верила его словам. В их семье не может быть предателей. Но всё равно они все признаны ими и всю свою жизнь несут эту незаслуженную кару. Страна наказала её семью, не разобравшись, не желая понимать и отличить врага от честного человека.

– Ты говоришь, тебе дали двадцать два года. Ты вышел раньше?

– Да, на два года раньше. Меня освободили за примерное поведение, я хорошо трудился. Справлялся с нормой, которую постоянно увеличивали. Нас испытывали на выживаемость. У меня было сильное желание вернуться на родину, к вам. Оно спасало от отчаяния и безысходности, придавало сил. До сих пор сняты взрывы снарядов, тысячи погибших однополчан. И я опять иду по полю, перешагивая тела, ступая по крови. В голове всегда одна мысль – забыть всё это, но не получается.

– Абибулла-даи, как хорошо, что ты вернулся! Это большое счастье, я верю тебе, что ты ни в чём не виноват.

– Спасибо, сестрёнка. Главное, что мы опять вместе!

За долгими разговорами они просидели всю ночь. Брат с сестрой вспоминали и рассказывали друг другу о том, что с ними произошло за эти годы. Аман слушал их и понимал: сколько же им пришлось пережить. И от этого у него появилось желание ещё больше оберегать и защищать свою слабую и хрупкую женщину. Абибулла остался у сестры, помянчился с племянницами, посмотрел город. На следующей неделе он уехал, пригласив сестру с семьёй к нему в гости.

Как приятно сознавать, что в семье прибыло, нашёлся брат. Вот бы нашёлся и Усеин, тогда Айше была бы самая счастливая на свете.

Глава 21

Долгая дорога домой

Часть

I

Прижмусь к земле,

услышу зов веков.

Взываю к небу я в мольбе:

Верни нам землю дедов и отцов!

Через три года после рождения младшей дочери в семье, наконец, родился сын Хаит. Айше стала шеф-поваром. Она всё успевала: трудиться на работе и дома, растить четверых детей, принимать гостей и родственников. И всегда всё делала с улыбкой, люди тянулись к ней. Вместе с мужем они старались всем помочь, поддержать, были гостеприимны, приветливы и никогда не ссорились. Иногда, чтобы поднять настроение жене, Аман напевал ей свою любимую популярную тогда песню «Я встретил девушку», после которой Айше всегда начинала улыбаться:

Я встретил девушку, полумесяцем бровь,

На щечке родинка и в глазах любовь.

*Ах, эта родинка меня с ума свела,
Разбила сердце мне, покой взяла...*

Пока родители были на работе, дома хозяйничали дети. Старшие делали уроки, убирались по дому. Папа был очень строг. Приходил с работы, проверял дневники и часто говорил детям о том, как жалеет, что не хотел учиться и не слушал отца. По выходным приезжали гости из кишлака: родственники с детьми, и дом наполнялся шумом, смехом и радостью общения. В отпуск они ездили в гости к братьям Айше, сестре и племяннику Асану в Андижан и Ташкент.

Наступил 1967 год. В этот год вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о реабилитации крымских татар. Указом признано, что «обвинения в предательстве и сотрудничестве с фашистскими захватчиками огульно и необоснованно отнесены ко всему татарскому населению Крыма». А ведь прошло целых двадцать три года! За это время выросло не одно поколение. Они рождались с клеймом предателей родины. Вернуть доброе имя одним Указом было невозможно, в головах у некоторых советских людей надолго поселилась предвзятость к этому народу. Велика сила предубеждения! Она копилась в умах людей и передавалась из поколения в поколение.

Однажды дочь Лола пришла из школы и рассказала матери, что учительница на уроке назвала её подругу крымскую татарку Асие «предательским отродьем». Асие убежала из

класса, а за ней ушли остальные дети.

– Мама, – спросила дочь, – за что Ирина Ивановна её так назвала?

– Это она со зла сказала, доченька, – ответила Айше. – Человек так устроен: если он зол, обрушивает свою злобу на другого человека и обязательно в унижительной форме. При этом он старается как можно больше ужалить его оскорбительным словом. Слово – самое страшное оружие, оно страшнее пули, убивает постепенно, а иногда и сразу, порой унижая не только одного человека, но и его семью, а иногда и весь народ.

Спустя несколько дней после этого события Лола заметила, что давно нет в школе учительницы, обидевшей Асие. Она поинтересовалась :

– Мама, а где Ирина Ивановна? Её давно не видно. Русский язык нам теперь преподаёт Валентина Степановна.

– Она уехала.

– Куда?

– Не знаю, доченька.

Уже будучи взрослой, Лола узнала, что учительницу тогда уволили из школы, а родителям Асие принесли извинения директор школы, секретари обкома и горкома партии.

Это были отдельные, нечастые, но очень болезненные моменты для крымских татар. Из года в год лживые и несправедливые обвинения унижали и ущемляли национальную гордость и без того многострадального народа, потерявшего

из-за депортации всё: родину, значительную часть своего населения, дома, земельные участки и имущество.

Природа возникновения предательства, причины этого явления, а вернее проявления характера человека, попавшего в определённые условия, вызваны не только слабостью, страхом, озлобленностью или мстительностью, но и его позицией в обществе. Это всегда отдельные случаи, возникающие независимо от национальности. Предательство проявляется там, где человек ставит свои эгоистические, индивидуалистические интересы выше интересов общества. Народ – это историческая общность, где каждый вносит свой вклад в развитие этой общности своим трудом, способствует благополучию этого народа. Где в приоритете патриотизм, преданность и любовь к родине. Именно преданность своей родине и народу помогла крымским татарам выжить в условиях гонения и запрета обучения детей на родном языке. Несправедливо признанный преступным, потерявший свободу на долгие десятилетия, народ сохранил культуру, самобытность, сплотился, не озлобился и с честью выдержал все испытания.

Для оглашения Указа 1967 года к Айше по месту её работы специально приехал директор горторга Азат Рахимович, чтобы засвидетельствовать почтение одному из лучших работников торгового предприятия. К этому времени Айше получила заслуженное звание «Отличника Советской торговли». Когда Азат Рахимович зачитал Указ, из глаз Айше

хлынул поток счастливых слёз, который невозможно было остановить. Она прятала их за плечами работниц, чтобы никто их не видел. По окончании речи он сказал:

– Ойша-опа, мы вас никуда не отпустим. Вы для нас родной и близкий человек. Наша земля стала для вас второй родиной, здесь ваша семья, ваши дети. Своим честным и добросовестным трудом вы заслужили любовь и уважение коллектива горторга.

Раздались аплодисменты, и все начали обнимать и поздравлять Айше. От нахлынувших чувств она не смогла вымолвить ни слова. Вот она – долгожданная свобода! Вот оно – счастье быть нужным и уважаемым человеком! Значит, жизнь прожита не зря.

В этом же году многие крымские татары предприняли попытки поселиться в Крыму, но их не брали на работу без прописки и не прописывали, потому что не было работы. Мало кто тогда обратил внимание на поправку в Указе о праве проживания на всей территории СССР в «соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме». Созданная бюрократическая карусель не давала им осесть на родной земле. Некоторые возвращались назад, другие поселились в городах Украины, поближе к Крыму. Абляким с семьёй приехали в Судак и смогли купить домишко. Радости было много. Он писал Айше, что наконец-то он дома и жизнь налаживается. Но не тут-то

было, прописку им не разрешили. Более того, их постоянно по повестке вызывали в милицию и прокуратуру, где открыто говорили:

– Уезжайте обратно в Узбекистан и больше не возвращайтесь, потому что прописаться здесь у вас не получится.

Аблякиму пришлось продать дом в Судаке, но возвращаться они не стали. Купили дом в городе Херсоне Украинской ССР. Абляким с женой устроились на работу. А позднее, уже после смерти Абибуллы, в 1982 году его дочь переехала поближе к дяде Аблякиму вместе с детьми и внуками.

Несмотря ни на что после Указа 1967 года нескольким семьям крымских татар всё-таки удалось закрепиться в Крыму. С большим трудом, упрямо перешагивая через бюрократические препоны и барьеры, люди селились на земле предков.

Не смирившийся со своей участью крымскотатарский народ ещё долгое время будет добиваться возвращения домой, напоминая о себе, взывая к пересмотру несправедливых обвинений, осуждению гонений и ущемлений в правах...

Глава 22

Долгая дорога домой

Часть

II

*Уж слышатся шаги пришедших перемен,
Их топот по ступенькам перекрёстка...*

Однажды в городе Айше встретила землячку-крымчанку Севиле. До выселения в 1944 году та проживала на территории Генуэзской крепости, построенной ещё в XIV веке. Это неприступное сооружение высится над городом Судаком как напоминание об итальянских завоевателях крымской земли и стоит на горе, являющейся древним окаменелым коралловым рифом. В её семье все художники и занимались они тогда росписью стен крепости и восстановлением древних фресок. После Указа Севиле побывала в их родном городе Судаке и рассказала Айше о своих впечатлениях.

– Побродив по Судаку, – начала рассказ Севиле, – я подошла к своему дому. В нём живут чужие люди. Ничего не изменилось. Всё на месте: те же постройки, стены, забор, сад. Только дом выглядит сиротливо, не чувствуется рука хо-

зяина, словно в него пустили квартирантов. Без друзей и знакомых город показался мне чужим. Впечатление удручающее. Нет той атмосферы уюта, единой семьи, в которой мы жили до войны. Всё перевернулось: приезжие стали хозяевами, а коренные жители приезжими. И мы не просто там гости, а нежеланные гости. Мы чужие на родной земле. От увиденного у меня разболелась голова и я вернулась в гостиницу, отложив все планы на завтра.

– Интересно, а что стало с моим домом? – задумалась Айше.

– Думаю, что то же самое. Живёт кто-то и нас не ждёт. Так вот, на следующий день, – продолжила Севиле, – я решила прогуляться по крепости-музею, посмотреть работы моей семьи и на то, что от них осталось. В одном из помещений увидела трёх мужчин, которые оживлённо о чём-то спорили. Это были реставраторы. Они стояли ко мне спиной и не заметили моего появления.

– Вот здесь был такой рисунок, – сказал один из мужчин, показывая что-то на бумаге.

– Нет, мне кажется, что было так, – утверждал другой, показывая свой вариант.

– А я думаю, что было вот так, – говорил третий, рисуя на бумаге какой-то узор.

Я решила к ним подойти.

– Здравствуйте! – поздоровалась я. – Извините, но я слышала ваш разговор. Меня зовут Севиле. Я жила здесь раньше.

ше, до выселения крымских татар в 1944 году. Мои родители работали в этой крепости художниками. Это наши рисунки. Мы восстанавливали эти фрески.

Я попросила дать мне карандаш и быстро набросала им эскиз рисунка. В результате взрывов и бомбёжек он сильно пострадал. От мужчин я узнала, что они направлены сюда из Москвы для реставрации крепости. Они поблагодарили меня за эскиз, и я ушла.

Айше долго находилась под впечатлением от рассказа Севиле и не могла успокоиться. Она шла по тротуару и думала: «Не всё ли мне равно, что в доме, где меня давно нет, живут чужие? Ведь я счастлива здесь. Нет, мне не всё равно от постоянно кровоточащей раны в душе по разрушенным надеждам, по потерянным родным и родному крову, потерянным юным годам на поселении. И все мои земляки, изгнанные со своей земли, как и я, продолжают скучать по Крыму и мечтают о возвращении. И как бы ни было хорошо на чужбине, на родине человеку лучше, что ни говори...».

Дядя Амана – председатель одного из колхозов Каттакурганского района иногда заезжал в гости к племяннику. Его водителем был крымский татарин Исмаил. Входя к ним в дом, он обычно говорил:

– Ойша, посмотри, с кем я приехал к вам, – твой земляк, Исмаил. Поговорите друг с другом, отведите душу. Он тоже скучает по родному языку.

После обеда с гостями, за чаем, Айше с Исмаилом вспоминали далёкий Крым. Общаясь на родном языке с земляками, она не могла наговориться и словно окуналась в близкую, родную ей атмосферу, из которой не хотелось выходить. Родные корни проросли в её душу так глубоко, что выкорчевать их с годами и испытаниями судьбе так и не удалось.

Жизнь продолжалась, дети росли. Дома и на работе скучать было некогда. Город жил обычной советской жизнью. Сюда часто приезжали известные артисты и певцы. А в 1971 году здесь снимали фильм «Джентльмены удачи». Лола помнит, как они с одноклассниками сбегали с уроков на съёмочную площадку, чтобы подкараулить киноактёров: Г. Вицина, С. Крамарова, Е. Леонова для взятия автографов. С высокой горки они наблюдали за съёмками фильма в местном СИЗО и, когда съёмки заканчивались, шумной ватагой сбегали вниз навстречу актёрам, не давая им пройти мимо. В ресторане, где работала Айше, приезжие знаменитости обедали. Нередко появлялись известный крымскотатарский певец Февзи Белялов и участники танцевального народного ансамбля "Хайтарма".

Но беда, как водится, приходит неожиданно. В конце апреля 1988 года Айше ослепла на один глаз, ей поставили диагноз, грозящий полной слепотой: отслойка сетчатки обоих глаз. Как сказал Айше лечащий врач, до полного отслоения

сетчатки времени осталось не более трёх дней.

Её дочь Лола добилась направления на операцию в клинику глазных болезней Гельмгольца в город Москву, где заместитель главного врача клиники был известный офтальмолог С.М. Аветисов, бывший каттакурганец. Знакомый врач Лолы связался с ним по телефону, и Аветисов ответил, что обязательно примет земляков без очереди.

В аэропорту города Самарканда перед посадкой в самолёт мужчина в чёрном костюме начал проверять паспорт Айше. Его лицо вдруг помрачнело, и он с серьёзным выражением лица сказал ей:

– Я прошу вас отойти в сторону.

Айше растерянно отошла.

– В чём дело? – спросила встревоженная Лола. – Почему вы не пропускаете маму?

– Ваши документы? – спросил Лолу мужчина.

Проверив документы Лолы, он произнёс:

– Проходите.

– Я без мамы никуда не пойду. Объясните, в чём дело?

Мужчина опять ничего ответил, подошёл к другим, таким же солидным товарищам, по-видимому, работникам службы госбезопасности. Они о чём-то поговорили, поглядывая в сторону Айше. После недолгих переговоров он подошел к Лоле.

– Ваша мама крымская татарка?

– Да.

– Мы не можем её пропустить. К годовщине депортации 18 мая в Москве на Красной площади ожидается очередная акция крымских татар, – он с сожалением посмотрел на Лолу. – Во избежание несанкционированного митинга нам было дано указание: не пропускать лиц крымскотатарской национальности в Москву.

Стоявшая в стороне Айше, горько заплакала от обиды. Она, уже пожилая женщина, полуслепая, продолжает оставаться угрозой для родины?

– Доченька! За что они так со мной? Что я сделала? Сколько это будет продолжаться? – она была безутешна.

Дочь не знала, как успокоить мать.

– Мама, не плачьте! Успокойтесь. Я сейчас поговорю с ними. Нас пропустят.

– Послушайте, – сказала мужчинам Лола, – мама теряет зрение. Вот направление от облздрава в клинику Москвы, вот история болезни. Нам не до митингов и выступлений. Неужели вы не видите её состояние? Нас там ждут, потому что она нуждается в срочной медицинской помощи.

Наконец после недолгого совещания с коллегами мужчина объявил Айше:

– Проходите.

Их пропустили в самолёт. С тяжёлым сердцем женщины сели в кресла авиалайнера и погрузились в свои думы. Лола волновалась за зрение мамы: «Только бы успеть», – думала она.

В приёмной московской клиники Гельмгольца секретарь ответила:

– Сегодня профессор не принимает.

– Передайте ему, что мы приехали из Узбекистана, – попросила Лола.

Секретарь изменила свой сухой официальный тон на радужный и сказала:

– Да, да, проходите, профессор вас ждёт.

Профессор Сергей Мамиконович Аветисов встретил их как родных. Принял с искренним радушием: обнял, угостил чаем, сладостями. Расспросил о городе, где начинал работать главным врачом городской больницы, и об общих знакомых.

Сетчатку одного видящего глаза успели закрепить лазером, а второй глаз спасти было поздно.

Активисты и участники Крымскотатарского национального движения в течение многих лет настойчиво призывали власти вернуться к вопросу о реабилитации народа и возвращения его на родину. Наконец, в ноябре 1989 года Верховный Совет СССР принял Декларацию, осуждающую преступные и репрессивные акты против коренного народа Крыма – крымских татар и других народов СССР, подвергшихся принудительной высылке с родных земель. Верховный Совет признал законным правом крымскотатарского народа возвращение в «места исторического проживания». Это вызвало волну массового возвращения крымских татар в Крым.

На следующий год татары, решившие уехать на родину, пришли со своими семьями на площадь города Каттакургана и встали напротив горкома партии. Старейшины крымских татар искренне благодарили весь узбекский народ за то, что он в 1944 году приютил их, делился последним куском хлеба. Люди называли Узбекистан своей второй родиной. На глазах стояли слёзы прощания и признательности. Это были слёзы расставания с кем-то близким, родным и горячо любимым. Плакали все, и даже случайные прохожие, оказавшиеся свидетелями этого прощального стихийного собрания. Неподалёку стояла Айше и вытирала мокрые глаза платочком. Ей тоже хотелось на родину вместе с ними, но теперь её место здесь, рядом с мужем и детьми. С детства она много рассказывала детям о Крыме, привила им любовь к исторической родине, учила крымскотатарскому языку. Она надеялась, что кто-то из них уедет туда, тем самым продолжит род на земле отцов.

В этом же году Айше неожиданно получила письмо из-за границы. Она вынула из конверта письмо. Из него выпала фотография. На ней на фоне огромного богатого особняка стояла пожилая женщина со знакомыми чертами лица в дорогих нарядах. На обратной стороне фото написано: «Айше от Лютфие». Писала её подруга, которую в 1943 году фашисты угнали в Германию в качестве оstarбайтера. Она сообщала, что её через Международный комитет «Красный крест» разыскала родная сестра и что сейчас она живёт в

Америке. Теперь можно переписываться с ней и сестрой. В письме она рассказала, как трудно и порой невыносимо было ей первые годы работы в германских семьях. Но ей повезло, в неё влюбился сын немецкого графа. Они тайком от его родителей сбежали в Швейцарию, а оттуда в Америку и стали там жить. Дела мужа пошли в гору, он стал успешным юристом, открыл свою юридическую фирму, а потом и сеть филиалов по США и Европе. «Теперь у меня есть всё, но нет родины», – не без ностальгии писала Лютфие, которая оказалась тем самым редким исключением, кому удалось найти счастье в военной Германии. Айше была рада за подругу, которую считала давно погибшей.

В 1990 году Лола с мамой собрались поехать в Крым, чтобы купить дом. Но перед самой дорогой Айше отказалась от поездки.

– Доченька... я не смогу поехать.

– Почему? – спросила удивлённая Лола.

– Ты же знаешь, мой один видящий глаз слаб, да и ещё ... я боюсь, что сердце не выдержит встречи с родиной. Я так долго плакала о ней, что она стала для меня одной большой раной. Поезжай ты... Потом расскажешь, какая она стала. Я увижу её твоими глазами.

Ступив на землю предков, Лола удивилась, что город Судак находится в запустении. Давно не крашенные заборы, не

беленные дома, разбитые дороги, заросшие тротуары, неухоженные деревья и кусты придавали городу унылый вид. А ведь в рассказах мамы здесь был прекрасный, почти сказочный рай.

Она обошла город, съездила в Таракташ. Домá явно нуждались в ремонте, и на вопрос Лолы к местным жителям: «Почему вы их не перестраиваете или не ремонтируете?», ей объяснили: «Когда мы сюда приехали, нам сказали, что мы здесь живём временно, могут вернуться крымские татары и всё отобрать. Вот мы и не делаем ремонт, так и живём вроде у себя и в то же время не у себя».

Кладбище, где были похоронены дедушки и бабушки Лолы, уже не было, его убрали. По описанию матери дочь нашла дом, в котором её мама родилась, дом в Судаке, где она встретила войну и откуда её забрали навсегда. Лола подолгу стояла возле них. Перед её глазами проносились события полувековой давности. Вот мама-маленькая девочка пришла мокрая из школы, потому что после уроков они с подружками купались в море. А сейчас она слышит голоса солдат: «Выходите! Крымские татары, вы обвиняетесь в предательстве!» Щемит сердце... А летнее море как прежде шумит ласковым прибоем и шепчет: «Айше, Айше, где Айше?»

Вот старая акация, наверняка та самая, которую мама посадила перед самой войной, стоит уже большая и раскидистая. Потрескавшаяся кора и небогатая крона подтверждали возраст дерева. Ветки нависали над родительским домом,

ставшим по воле судьбы чужим.

Лола прошлась по улицам и на одной из них увидела группу женщин из шести человек. Они были в домашней одежде, по-видимому, соседки. Кто с вёдрами, кто с сумками. Женщины стояли и о чём-то оживлённо беседовали. В надежде, что они помогут в поисках дома, Лола подошла к ним, поздоровалась и спросила:

– Скажите, пожалуйста, продаются ли здесь дома?

– Не знаем, вроде бы никто не продаёт, – ответила одна из женщин, с любопытством разглядывая незнакомку.

– А вы тут давно живёте? – поинтересовалась Лола.

– Да, давно уж! Мы приехали сюда с родителями. Нам сказали: «Живите пока здесь». А в конце восьмидесятых стали пугать: «Вот скоро вернутся татары – будут вам головы резать». Многие от страха и уехали. А татары возвращаются и ничего, хорошие люди, трудолюбивые, дома строят, не пьют. Во-о-н видите? Нариман крышу кроет, а та-а-м, – показав в другую сторону, сказала женщина, – Рефат дом строит.

– А мы, – перебила её черноволосая женщина, – греки. Вернулись сюда ещё в 1956 году. А вот моя свекровь.

Она указала на дом, около которого они стояли, и пожилую женщину, сидящую на крыльце. Это была старая гречанка. Её колоритная фигура заинтересовала Лолу. Она невольно засмотрелась на неё. Распущенные, седые с синевой, волнистые, потрёпанные ветром, всклокоченные волосы придавали ей образ старухи Изергиль из рассказа М. Горького. На

лбу повязана чёрная лента, которая поддерживала длинные волосы. Большой с горбинкой нос, сжатые губы, пронзительный взгляд с прищуром, морщинистые лоб и щёки говорили о возрасте и пройденном жизненном пути. В облике сквозили остатки былой красоты. Это была женщина в прошлом высокая, стройная, с крупными чертами лица и большими миндалевидными глазами цвета ночи. Широкая тёмно-синяя юбка наполовину лежала на земле. На поджатых босых ногах виднелись шаровары. Во рту, как печная труба, дымилась большая курительная трубка. Она пыхтела ею, выдыхая дым изо рта и ноздрей кольцами и, явно наслаждаясь этим процессом, разглядывала женщин, стоящих около её дома.

– Селям! – поздоровалась Лола.

Взглянув на Лолу, гречанка спросила её тоже на крымско-татарском языке голосом с лёгкой хрипотцой:

– Селям! Сен нереден гелдинг? (Здравствуй! Ты откуда приехала?)

– Я из Узбекистана, – ответила Лола, – моя мама, крымская татарка, она раньше здесь жила. Я приехала посмотреть на её родину. Быть может, она вернётся сюда жить.

После Судака Лола поехала в Харьков к двоюродной сестре. Мария, до конца жизни ждавшая своего мужа Усеина, к этому времени уже умерла. Эльвира, её дочь, подарила для Айше портрет Усеина.

– Ой! Как он похож на Артура – сына моей сестрёнки Ме-

рьем, – воскликнула Лола.

Она была удивлена, как сын сестры похож на своего двоюродного дедушку. Фотографий родных у Айше не было, поэтому Лола знала, что это будет дорогой подарок для мамы и. прихватив горстку земли из Таракташа, вернулась в Каттакурган.

Дома она передала маме кусочек крымской земли и своё впечатление о её родине со всеми подробностями и в красках, отчего у Айше возникло ощущение, что она побывала там вместе с дочерью.

– Спасибо, доченька! Ты привезла мне глоток воздуха с родины! Да, это моя акация растёт около дома. Как будто ждёт меня.

Она растрогалась, поцеловала землю, достала платочек и стала вытирать слёзы.

– Мама, не плачьте! Вы же сами просили всё рассказать, а выходит, я вас расстроила?

– Нет, нет, это слёзы радости.

Лола обняла маму, и они ещё долго так сидели, обнявшись, напевая крымскотатарскую песню «Эй, гузель Къырым!»:

*Из Алушты дуют ветры,
Веют мне в лицо,
На глазах застыли слёзы*

По земле отцов.

Алуштадан эскен еллер

Юзюме урды.

Балалыкътан оськен ерлер

Козюме тюшти.

– Мама, а вот портрет Усеина. Посмотрите, как наш Артур похож на вашего брата.

– Ой, доченька! Усеин! – она прижала портрет к груди, словно живого брата, и со слезами радости на глазах сказала:

– Мой любимый брат! Вот мы и вместе. Лолочка, спасибо! Да, Артурчик на него очень похож.

С этими словами она поставила портрет на видное место и долго стояла около него не в силах оторвать взгляда.

Спустя два месяца у Айше произошло радостное событие. Её сын Володя решил, наконец, повидать родную маму. К этому времени он сам стал отцом двоих детей. Когда ему исполнилось семнадцать лет, умер папа Осман. И мама Женя поведала Володе, что он не их сын. Она рассказала о родном отце и матери и почему так всё произошло. Службу в армии Володя проходил в Карелии, где потом и остался. Женился на местной девушке Гале. Через несколько лет в Кировобаде умерла и мама Женя.

Володя появился со своей семьёй в Каттакургане поздней осенью. Аман с Айше к тому времени жили в новом доме. Когда он зашёл в калитку, мама была во дворе. Она сразу же узнала сына, ведь они постоянно переписывались и посылали друг другу фотографии. Взрослый Володя похож на свою мать, но ростом вышел в отца. Коренастый, широкоплечий, с большими глазами и светлыми волосами, он вобрал в себя лучшие черты матери и отца.

Айше держала в руках ведро с водой, увидев сына, она невольно выпустила его из рук и холодные брызги из упавшего ведра обдали её, намочив платье и ноги. Не обращая на это внимание, она быстрым шагом подошла к сыну.

– Сынок! – сказала Айше, глядя сыну в глаза. – Как долго я тебя ждала, сынок!

Она обмякла, но Володя подхватил её.

– Мама Аня, не волнуйся. Я здесь, с тобой, – и крикнул жене: – Галя, принеси маме воды.

Они сели на лавочку во дворе. Из дома вышел Аман. Он встретил сына Айше как родного. Обнял его и прослезился. Узнав о приезде старшего брата, к дому подошли взрослые дети Айше.

– Знакомься, Володя, твои сёстры и брат Хаит.

Такой большой и счастливой семьёй они долго сидели за семейным ужином. Именно об этом дне так долго мечтала

Айше, и он пришёл. Она не могла наглядеться на своих детей и была безмерно счастлива, что дождалась сына.

Так произошла долгожданная, длиною в жизнь, встреча старшего сына с мамой, сёстрами и младшим братом. Володя впервые побывал в Узбекистане, и сёстры показали брату их родные края.

До конца жизни он поддерживал с ними связь.

Прошрое шло по следам Айше. Оно догоняло, напоминало о себе, тревожило и радовало. Оно словно хотело сказать ей: «Я всегда с тобой! До конца жизни! Без тебя меня нет, а без меня нет тебя».

У неё выросли внуки, появились правнуки. Люди неповторимы, но повторим их облик. Эти образы приходят к нам, отражаясь в потомках как в зеркале. Так, внук Айше Артур перенял внешность её брата Усеина. И даже повторил его судьбу: уехав в город Харьков на учёбу, он женился на украинской девушке. В детях Володи повторились черты Абибуллы и Шевкие. Эти образы пришли в настоящее, чтобы прожить совсем другую жизнь.

Когда Айше было уже семьдесят три года, произошла последняя её встреча с прошлым. В один прекрасный летний день они с Лолой возвращались с базара и увидели идущих навстречу четырёх солидных мужчин. Впереди всех шёл высокий пожилой человек. Айше вдруг воскликнула:

– Анвар-ака! Здравствуйте!

Мужчина остановился и, узнав Айше, с улыбкой сказал:

– Здравствуй, Айше! Как поживаешь, как дети? Сколько

же мы не виделись?

– Уже больше сорока лет, – не задумываясь, ответила она.

– Как много лет прошло, целая жизнь! А эта девушка твоя дочь?

– Да, старшая дочь. У меня пятеро детей.

– Молодец, Айше! Дома всё хорошо? Здоровье?

– Хорошо! Спасибо!

– Я рад видеть тебя спустя столько лет, – с искренним радушием сказал Анвар-ака.

Потом они расстались и каждый пошёл своей дорогой.

Когда знакомый мамы удалился, Лола спросила её:

– Кто это, мама?

– Это очень хороший человек, – с радостью и волнением в голосе сказала Айше. Чувствовалось, что она никак не может отойти от этой встречи, взволновавшей её.

– В тот год, – начала рассказывать она, – когда я приехала в Узбекистан, он работал в НКВД и занимался спецпоселенцами. Его зовут Анвар-ака. Это он дал мне направление на работу и учёбу в Ташкент в 1954 году. Благодаря ему, я устроилась на любимую работу, где встретила свою судьбу – вашего папу. Мне никогда не забыть участия Анвара-аки в моей жизни.

Будучи по разные стороны судьбы, спустя сорок три года, они встретились как друзья. Когда-то этот представительный мужчина помог ей обрести профессию и работу. Всегда был

участливым и вежливым, насколько это было возможно при его должности.

Жизнь не была бы так удивительна и интересна, если бы она не преподносила порой сюрпризы и приятные неожиданности. Уже после ухода мамы в мир иной в Каттакурган из Москвы приехала подруга Лолы Миляуша, бывшая каттакурганка. Она остановилась в доме двоюродной сестры. В один из выходных дней Миляуша позвала Лолу в дом своей родственницы Румии, где представила её как заслуженного художника Узбекистана. За чаепитием женщины пообщались, и Румия предложила Лоле посмотреть свои работы. Переступив порог комнаты, где расположилась галерея картин, она встретилась взглядом с глазами знакомого ей человека, изображённого на одном из портретов.

– Это же Анвар-ака! – невольно воскликнула Лола.

– Это мой папа. Я написала его портрет, – сказала Румия.

– Он работал в НКВД?

– Да.

– Моя мама Айше, будучи спецпереселенкой, знала вашего отца.

– Да-а?! Папа часто вспоминал одну крымскую татарку Айше, – с удивлением сказала Румия, – возможно, это была ваша мама.

Они разговорились. И Лола рассказала ей о судьбе мамы и о том, какую роль в этой судьбе сыграл её отец.

Мир тесен и порой сводит людей самым причудливым образом. Можно годами проходить мимо и не замечать друг друга, но однажды придёт день, который сведёт двух людей для каких-то своих, неведомых человеку целей.

Время разбрасывать камни прошло. Пришло время собирать их. Дети Крыма возвращаются домой, чтобы возродить многовековое наследие крымской земли.

Будущее без прошлого невозможно. На смену дня обязательно придёт ночь, а после ночи наступит день. Все процессы, происходящие на нашей земле, как природные, так и исторические, взаимосвязаны. Поэтому прошлое приходит в настоящее, чтобы стать будущим. Эту цепь человеку не разорвать, что бы ни происходило. Прошлое имеет сакральный смысл, в нём наша сила. Прошлое, настоящее и будущее – это ступени, по которым человечество шагает вперёд.

Эпилог

*Мелькают годы, рвётся календарь.
Плывут за днями облака.
Уходят ночи, погасив фонарь,
И тени души ушедших рвутся в небеса.*

В 2000 году Айше ослепла совсем, как когда-то её дед Бекир. А через пять лет ушёл из жизни её любимый муж Аман, с которым они прожили долгие пятьдесят лет дружно и счастливо. Она очень тосковала по Аману, сочиняла о нём песни и пела их на крымскотатарском языке. В одной из песен, посвящённых мужу и отцу их детей, были такие слова: «Во всём мире нет мужчины лучше, чем ваш отец!»

До конца жизни она оставалась жизнерадостной и добросердечной женщиной, любящей людей, свою семью, новую родину и истинную родину, на которой родилась. Эту любовь вытравить из её души не удалось ни годам, ни расстоянию, ни самой истории. Айше прожила долгую жизнь и умерла в окружении детей и внуков.

Последние четырнадцать лет ей пришлось жить в полной темноте. Смеющиеся, искрящиеся когда-то глаза померкли навсегда и не давали видеть мир, так любимый ею. Она все-

гда верила, что её душа вернётся на родину, ведь для неё нет преград.

*Родной мой Крым – частица рая!
Так мало я с тобой была.
Забот и горестей не зная,
Под солнцем родины жила.*

*Пришла война, разрушив счастье,
И разлучила нас весна,
Разбив мою судьбу на части,
К сиротской доле обрекла.*

*Познала всё я на чужбине,
Гонимая ветрами и судьбой.
Мечтой о родине хранима,
Жила надеждою одной.*

*Пора пришла вернуться к дому,
Где мама ждёт меня всегда.
И к морю самому родному
Летит усталая душа...*

Умерла Айше в 2013 году. А через два года умер старший сын Володя. Однажды он не проснулся, ушёл незаметно и тихо, как его прадед Бекир.

Лола не сомневается, что душа мамы вернулась на родину. Как не сомневается и в том, что родина, как мать, всегда бывает одной-единственной, данной волей судьбы. Её нити крепки, и разорвать их никому не дано.

Время безжалостно к людям. Оно незаметно крадёт у них молодость, а потом забирает и жизнь. Оно идёт по судьбам людей, оставляя следы и незажившие раны, уносит прошедшие события, складывая их в архив истории. Разбавляя порой тяжёлую, полную бед и потерь жизнь счастливыми событиями, судьба испытывает людей в счастье и в трудностях. В этих испытаниях и заключается судьба не только человека, но и целого народа.

Ежегодно Лола бывает в Крыму и видит, как скучают крымские татары, некогда жившие и родившиеся в Узбекистане, по своей среднеазиатской родине. Они, ныне живущие в Крыму, плачут, вспоминая о ней. Со слезами на глазах поют песню неизвестного автора «Мать моя Азия!» под крымскотатарскую мелодию. Их душа разрывается между двумя родинami: исторической и настоящей, потому что нет ничего дороже родной земли.

Лола стала понимать, почему мама так любила свой народ и гордилась им. Несмотря на несправедливые обвинения никто из крымских татар не отказался от своей национальности и никто не отказался от родного языка. Они не только не стыдились, но и гордились своим народом, достойно ра-

ботали и жили. Всегда хотели и добивались только одного – права на родину!

Ещё не все вернулись на землю отцов, но кто уже здесь, в Крыму, он дома, на своей земле. Такой длинной и долгой оказалась эта дорога домой.

Трое детей Айше сейчас живут в Узбекистане. И только одна из дочерей, Мерьем, с семьёй уехала в Новороссийск, чтобы быть поближе к маминой родине...

Памяти погибших при депортации и умерших на чужбине крымчанам посвящается

*Не гаснет памяти свеча
О майском дне войны.
Тоскует крымская земля
О детях той весны.*

*Все камни, берег и дома
Здесь помнят тех людей,
Жестоко изгнанных тогда
С родины своей.*

*И плачут души до сих пор,
Стекает с гор слеза,
А с моря Чёрного в укор
Глядят невинные глаза.*

*Они глядят с такой тоской
На свой любимый Крым,
Что плач стоит, как дождь, стеной
Над берегом родным.*

*О не вернувшихся домой
Седые помнят старики.
И молятся за упокой
Погубленной войной души...*

Послесловие

Роман написан по воспоминаниям главной героини Айше, которая рассказала детям о своей нелёгкой судьбе и далёкой родине

Историческая справка

18 мая 1944 года органы внутренних дел СССР (НКВД СССР) по постановлению ГКО №5859сс от 11 мая 1944г. за сотрудничество с фашистскими оккупантами приступили к переселению крымских татар и других народов, населявших Крым.

8 апреля 1956 года, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар и других народов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

5 сентября 1967 года Президиум Верховного Совета СССР в своём Указе № 493 признал обвинение в активном сотрудничестве с немецкими захватчиками всего татарского населения Крыма необоснованным и огульным.

11-12 апреля 1987 года в Ташкенте состоялось Первое Всесоюзное совещание инициативных групп движения, участниками которого был принят текст Обращения крымскотатарского народа Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачёву, где излагались основные требования крымскотатарского народа.

6 июля 1987 года крымские татары провели демонстрацию на Красной площади, требуя возвращения на Родину и восстановления в правах.

9 июня 1988 года от имени комиссии А. А. Громыко было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором обосновывалась невозможность и нецелесообразность возвращения татар в Крым, что вызвало новую волну массовых протестов крымских татар.

12 июля 1989 года в результате акций, организованных национальными организациями крымских татар, избранный I Съездом народных депутатов СССР Совет национальностей сформировал Комиссию по проблемам крымскотатарского народа.

14 ноября 1989 года Верховный Совет СССР признал депортацию крымских татар незаконной и преступной.

28 ноября 1989 года, ВС СССР своим Постановлением

№ 845-1 одобрил «Выводы и предложения комиссии по проблемам крымскотатарского народа». Этот документ предусматривал полную политическую реабилитацию крымскотатарского народа и отмену нормативных актов репрессивного и дискриминационного характера, а также признавал законным правом крымскотатарского народа возвращение в «места исторического проживания и «восстановление автономии Крыма путём образования Крымской АССР в составе Украинской ССР».

11 июля 1990 года Совет министров СССР принял Постановление № 666 «О первоочередных мерах по решению вопросов, связанных с возвращением крымских татар в Крымскую область».

12 февраля 1991 года Верховный Совет Украинской ССР принял Закон «О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики», согласно статье 1 которого Крымская АССР провозглашалась в пределах территории Крымской области в составе Украинской ССР.

26 апреля 1991 года Закон РСФСР от № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» признал депортации народов СССР актом геноцида.

21 апреля 2014 года, после присоединения Крыма к России, президент России Владимир Путин подписал указ о реабилитации крымскотатарского народа и других народов, по-

страдавших от сталинских репрессий в Крыму.

В 2015 году Верховная рада Украины признала депортацию крымских татар геноцидом крымскотатарского народа и установила День памяти жертв геноцида крымскотатарского народа – 18 мая.

В 2019 году Латвия и Литва признали депортацию крымскотатарского народа геноцидом.

Об авторе

Тамара Шелест родилась в эпоху оттепели в многонациональной семье на севере Сибири. Высшее образование получила в Казани.

Публикуется на популярных сайтах поэзии и прозы. Номинант национальной литературной премии имени С. Есенина «Русь моя». Награждена медалью «Сергей Есенин 125 лет», учреждённой Российским союзом писателей в честь 125-летия со дня рождения Сергея Есенина, на основании решения Президиума Российского союза писателей за вклад в развитие русской литературы.

Эпиграфы к главам и стихи в романе принадлежат автору книги Тамаре Шелест.

О соавторе

Алиме Асанова родилась в многодетной семье в Узбе-

кистане. Имеет высшее юридическое образование. Её работы публиковались в сборниках по юриспруденции.

От автора

Надеюсь, что этот роман внесёт свой вклад в развитие дружбы, взаимопонимания и уважения между народами России и стран СНГ (бывшего Советского союза). Будет способствовать возрождению интереса к героической истории народов России, а также других братских ей народов со всеми её светлыми и тёмными страницами, ведь многие десятилетия они шли вместе, рука об руку, по её трудным дорогам, ошибались, побеждали, теряли и приобретали...

